

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ МЫСЛИ

Общее предуведомление

Замысел, внутренний порядок и план этого сочинения

В чем выгода и долг человека: как добиться, чтобы он их постиг и руководствовался ими

1. Порядок. — Люди пренебрегают верой; им ненавистна и страшна мысль, что, может статься, в ней содержится истина. Дабы исцелить их от этого, первым делом докажите, что вера ничуть не противоречит разуму, более того, что она достохвальна, и таким путем внушите уважение к ней; затем, показав, что она заслуживает любви, посейте в добродетельные сердца надежду на ее истинность и, наконец, докажите, что она и есть истинная вера.

Вера достохвальна, потому что познала природу человека; вера достойна любви, потому что открывает путь к истинному благу.

2. Для грешников, обреченных вечному проклятию, одним из самых неожиданных ударов будет открытие, что они осуждены своим собственным разумом, на который ссылались, дерзая осуждать христианскую веру.

3. Две крайности: зачеркивать разум, признавать только разум.

4. Если бы все в мире подчинялось разуму, в христианском вероучении не осталось бы места для того, что в нем таинственно и сверхъестественно; если бы ничто в мире не было подвластно законам разума, христианское вероучение оказалось бы бессмысленным и смехотворным.

Пути обращения в истинную веру: призвать людей вслушаться в голос собственного сердца

5. Предуведомление. — Метафизические доказательства бытия Божия так не похожи на привычные для нас рассуждения и так сложны, что, как правило, не затрагивают людские умы, а если кого-то и убеждают, то лишь на короткое время, пока человек следит за ходом развития этого доказательства, но уже час спустя он начинает с опаской думать, — а не попытка ли это его околпачить. Quod curiositate cognoverunt superbia amiserunt¹.

Так происходит с каждым, кто пытается познать Бога, не воззав к помощи Иисуса Христа, кто хочет без посредника причаститься Богу, без посредника познанному. Меж тем как люди, познавшие Бога через Его Посредника, познали и свое ничтожество.

6. Как это замечательно, что канонические авторы никогда не доказывали бытие Божие, черпая доводы из мира природы. Они просто призывали поверить в Него. Никогда Давид, Соломон и др. не говорили: “В природе не существует пустоты, следовательно, существует Бог”. Они несомненно были умнее самых умных из пришедших им на смену и постоянно прибегавших к подобным доказательствам. Это очень и очень важно.

7. Если все доказательства бытия Божия, почерпнутые из мира природы, неизбежно говорят о слабости нашего разума, не относитесь из-за этого пренебрежительно к Священному Писанию; если понимание подобных противоречий говорит о силе нашего разума, почитайте за это Священное Писание.

8. Не о системе я поведу здесь речь, а о присущих сердцу человека особенностях. Не о ревностном почитании Господа, не об отрешенности от себя, а о руководящем

человеческом начале, о корыстных и самолюбивых устремлениях. И так как нас не может не

¹ Что познали из любопытства, то утратили из-за гордыни (лат.).

волновать твердый ответ на столь близко касающийся нас вопрос, — после всех жизненных горестей, куда с чудовищной неизбежностью ввергнет нас неминуемая смерть, ежечасно грозящая нам, — в вечность ли небытия или в вечность мук...

9. Всевышний приводит к вере людские умы доводами, а сердца — благодатью, ибо Его орудие — кротость, а вот пытаться обращать умы и сердца силой и угрозами значит поселять в них ужас, а не веру, *terrorem potius quam religionem*¹.

10. В любой беседе, в любом споре необходимо сохранить за собой право урезонить тех, кто выходит из себя: “А что, собственно говоря, вас возмущает?”

11. МалOVERов следует прежде всего пожалеть, — само это неверие делает их несчастными. Обидные речи были бы уместны, когда бы оно шло им на пользу, но оно идет во вред.

12. Жалеть безбожников, пока они неустанно ищут, — разве бедственное их положение не достойно жалости? Клеймить тех, кто хвалится безбожием.

13. И он осыпает насмешками того, кто ищет? Но кому из этих двоих больше пристало насмешничать? Меж тем ищущий не насмехается, а жалеет насмешника.

14. Изрядный остро слов — дрянной человек.

15. Хотите, чтобы люди поверили в ваши добродетели? Не хвалитесь ими.

16. Жалеть следует и тех и других, но в первом случае пусть эту жалость питает сочувствие, а во втором — презрение.

Различие между людскими умами

17. Чем умнее человек, тем больше своеобразности видит он в каждом, с кем общается. Для человека заурядного все люди на одно лицо.

¹ Скорее устрашением, чем поучением (лат.).

18. Сколько на свете людей, которые проповедь слушают как обычную вечернюю службу!

19. Существует два рода людей, для которых все едино: праздники и будние дни, миряне и священники, любой грех подобен другому. Но одни делают из этого вывод, что возбраняемое священникам возбраняется и мирянам, а другие — что дозволенное мирянам дозволено и священникам.

20. Всеобщность. — Науки о нравственности и о языке хотя и обособленные, но тем не менее всеобщие.

Познание математическое и познание непосредственное

21. Различие между познанием математическим и непосредственным. — Начала математического познания вполне отчетливы, но в обыденной жизни неупотребительны, поэтому с непривычки в них трудно вникнуть, зато всякому, кто вникает, они совершенно ясны, и только совсем уж дурной ум не способен построить правильного рассуждения на основе столь самоочевидных начал.

Начала непосредственного познания, напротив, распространены и общеупотребительны. Тут нет нужды во что-то вникать, делать над собой усилие, тут потребно всего лишь хорошее зрение, но не просто хорошее, а безупречное, ибо этих начал так много и они так разветвлены, что охватить их сразу почти невозможно. Меж тем пропустишь одно — и ошибка неизбежна: вот почему нужна большая зоркость, чтобы увидеть все до единого, и ясный ум, чтобы, основываясь на столь известных началах, сделать потом правильные выводы.

Итак, обладай все математики зоркостью, они были бы способны и к непосредственному познанию, ибо умеют делать правильные выводы из хорошо известных начал, а способные к непосредственному познанию были бы способны и к

математическому, дай они себе труд пристально взглядеться в непривычные для них математические начала.

Но такое сочетание встречается нечасто, потому что человек, способный к непосредственному познанию, даже и не пытается вникнуть в математические начала, а способный к математическому большей частью слеп к тому, что у него перед глазами; к тому же, привыкнув делать заключения на основе хорошо им изученных точных и ясных математических начал, он теряется, столкнувшись с началами совсем иного порядка, на которых зиждется непосредственное познание. Они еле различимы, их скорее чувствуют, нежели видят, а кто не чувствует, того и учить вряд ли стоит: они так тонки и многообразны, что лишь человек, чьи чувства утонченны и безошибочны, в состоянии уловить и сделать правильные, неоспоримые выводы из подсказанного чувствами; притом зачастую он не может доказать верность своих выводов пункт за пунктом, как принято в математике, ибо начала непосредственного познания почти никогда не выстраиваются в ряд, как начала познания математического, и подобного рода доказательство было бы бесконечно сложно. Познаваемый предмет нужно охватить сразу и целиком, а не изучать его постепенно, путем умозаключений — на первых порах, во всяком случае. Таким образом, математики редко бывают способны к непосредственному познанию, а познающие непосредственно — к математическому, поскольку математики пытаются применить математические мерки к тому, что доступно лишь непосредственному познанию, и приходят к абсурду, ибо желают во что бы то ни стало сперва дать определения, а уж потом перейти к основным началам, меж тем для данного предмета метода умозаключений непригодна. Это не значит, что разум вообще от них отказывается, но он их делает незаметно, непринужденно, без всяких ухищрений; внятно рассказать, как именно происходит эта работа разума, никому не под силу, да и ощутить, что она вообще происходит, доступно очень немногим.

С другой стороны, когда перед человеком, познающим предмет непосредственно и привыкшим охватывать его единым взглядом, встает проблема, ему совершенно непонятная и требующая для решения предварительного знакомства со множеством определений и непривычно сухих начал, он не только устрашается, но и отвращается от нее.

Что касается дурного ума, ему равно недоступно познание и математическое, и непосредственное.

Стало быть, ум сугубо математический будет правильно работать, только если ему заранее известны все определения и начала, в противном случае он сбивается с толку и становится невыносим, ибо правильно работает лишь на основе совершенно ясных ему начал.

А ум, познающий непосредственно, не способен терпеливо доискиваться первоначал, лежащих в основе чисто спекулятивных, отвлеченных понятий, с которыми он не сталкивался в обыденной жизни и ему непривычных.

Здравомыслие

22. Разновидности здравомыслия: иные люди здраво рассуждают о явлениях определенного порядка, но начинают нести вздор, когда дело касается всех прочих явлений.

Одни умеют делать множество выводов из немногих начал, — это свидетельствует об их здравомыслии.

Другие делают множество выводов из явлений, основанных на множестве начал.

К примеру, некоторые правильно выводят следствия из немногих начал, определяющих свойства воды, но для этого нужно отличаться незаурядным здравомыслием, потому что следствия эти почти неуловимы.

Но это отнюдь не означает, что все, способные к таким выводам, — хорошие математики, ибо математика заключает в себе множество начал, а бывает ум такого

склада, что он способен постичь лишь немногие начала, но зато до самой их глубины, меж тем как явления, основанные на многих началах, для него непостижимы.

Стало быть, существуют два склада ума: один быстро и глубоко постигает следствия, вытекающие из того или иного начала, — это ум пронизательный; другой способен охватить множество начал, не путаясь в них, — это ум математический. В первом случае человек обладает умом сильным и здравым, во втором — широким, и далеко не всегда эти свойства сочетаются: сильный ум в то же время может быть ограниченным, широкий ум — поверхностным.

23. Кто привык судить обо всем по подсказке чувств, тот ничего не смыслит в логических умозаклчениях, потому что стремится с первого взгляда вынести суждение об исследуемом предмете и не желает вникать в начала, на которых он зиждется. Напротив того, кто привык вникать в начала, тот ничего не смыслит в доводах чувств, потому что прежде всего старается выделить эти начала и не способен одним взглядом охватить весь предмет.

Правила, лежащие в основе суждений. Многообразие и единство

24. Суждение математическое, суждение непосредственное. — Истинное красноречие пренебрегает красноречием, истинная нравственность пренебрегает нравственностью, — иными словами, нравственность, выносящая суждения, пренебрегает нравственностью, идущей от ума и не ведающей правил.

Ибо суждению в той же мере присуще чувство, в какой научные выкладки присущи разуму. Непосредственное познание присуще суждению, математическое — разуму.

Пренебрежение философствованием и есть истинная философия.

25. Кто судит о произведении, не придерживаясь никаких правил, по сравнению с человеком, эти правила знающим, все равно что не имеющий часов по сравнению с человеком при часах. Первый заявит: “Прошло два часа”, другой возразит: “Нет, только три четверти часа”, а я посмотрю на часы и отвечу первому: “Вы, видно, скучаете”, — и второму: “Время для вас летит”, потому что прошло полтора часа. А если мне скажут, что для меня оно тянется и вообще мое суждение основано на прихоти, я только посмеюсь: спорщики не знают, что оно основано на показаниях часов.

26. Чувство так же легко развратить, как ум.

И ум, и чувство мы совершенствуем или, напротив того, развращаем, беседуя с людьми. Стало быть, иные беседы нас развращают, иные — совершенствуют. Значит, следует тщательно выбирать собеседников; но это невозможно, если ум и чувство еще не развиты или не развращены. Вот и получается заколдованный круг, и счастлив тот, кому удастся выскочить из него.

27. Природа разнообразит и повторяет, искусство повторяет и разнообразит.

28. Различия столь многообразны, что и звучание голосов, и походка, и покашливание, и сморкание, и чих... Мы умеем различать сорта винограда, различим среди других, скажем, мускат: тут кстати вспомнить Дезарга, и Кондрие, и всем известную прививку. Но разве этим вопрос исчерпывается? Хоть раз произвела ли лоза две одинаковые кисти? А в кисти бывают ли две одинаковые виноградины? И т. д.

Я не способен дважды одинаково судить об одном и том же предмете. Я не судья своему собственному сочинению, пока его пишу: мне, наподобие художника, надобно отойти от него на какое-то расстояние, но не слишком большое. А все-таки на какое именно? Догадайтесь.

29. Многообразие. — Богословие — это наука, но сколько в ней одновременно сочетается наук! Человек слагается из множества частей, но, если его расчленишь, окажется ли человеком каждая его часть?

Голова, сердце, вены, каждая вена, каждый ее отрезок, кровь, каждая ее капля?

Город или деревня издали кажутся городом или деревней, но стоит подойти ближе — и мы видим дома, деревья, черепичные крыши, листья, травы, муравьев, муравьиные ножки, и так до бесконечности. И все это заключено в слове “деревня”.

30. Любой язык — это тайнопись, и, чтобы постичь неведомый нам язык, приходится заменять не букву буквой, а слово словом.

31. Природа повторяет себя: зерно, посеянное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, плодоносит; числа повторяют пространство, хотя так от него отличны.

Все создано и ведомо Единым Творцом: корни, ветви, плоды, причины, следствия.

Правила, лежащие в основе всех языков. Порядочность

32. Я равно не выношу и любителей шутовства, и любителей напыщенности: ни тех, ни других не избереешь себе в друзья. — Только тот полностью доверяет своим ушам, у кого нет сердца. Порядочность — вот единственное мерило. Поэт, но порядочный ли человек? — Красота недоговоренности, здравого суждения.

33. Мы браним Цицерона за напыщенность, меж тем у него есть почитатели, и в немалом числе.

34. (Эпиграммы.) — Эпиграмма на двух кривых никуда не годится, потому что она их ничуть не утешает, а вот автору приносит толику славы. Все, что идет на потребу только автору, никуда не годится. *Ambitiosa recidet ornamenta*¹.

35. Если бы молния ударяла в низины, поэты и вообще любители порассуждать о подобных предметах

¹ Излишнюю пышность урежет (лат.).

стали бы в тупик из-за отсутствия доказательных объяснений.

36. Когда читаешь сочинение, написанное простым, натуральным слогом, невольно удивляешься и радуешься: думал, что познакомишься с автором, и вдруг обнаружил человека! Но каково недоумение людей, наделенных хорошим вкусом, которые надеялись, что, прочитав книгу, познакомятся с человеком, а познакомились только с автором! *Plus poetice quam humane locatus es*¹. Как облагораживают человеческую натуру люди, умеющие внушить ей, что она способна говорить обо всем, даже о богословии!

37. Между нашей натурой — неважно, слабая она или сильная, — и тем, что нам нравится, всегда есть некое сродство, которое лежит в основе нашего образца приятности и красоты.

Все, что отвечает этому образцу, нам приятно, будь то напев, дом, речь, стихи, проза, женщина, птицы, деревья, реки, убранство комнат, платье и пр. А что не отвечает, то человеку с хорошим вкусом нравится не может.

И подобно тому, как есть глубокое сродство между домом и напевом, сотворенными в согласии с этим единственным и прекрасным образцом, ибо они напоминают его, хотя и дом, и напев сохраняют свою особенность, так есть сродство и между всем, что создано по дурному образцу. Это вовсе не означает, будто дурной образец тоже один-единственный, напротив того, их великое множество, но, к примеру говоря, между дрянным сонетом, какому бы дурному образцу он ни следовал, и женщиной, одетой по этому образцу, всегда есть разительное сходство.

Чтобы понять, до какой степени смехотворен дрянной сонет, довольно уяснить себе, какой натуре и какому образцу он соответствует, а затем представить себе дом или женский наряд, сотворенный по этому образцу.

¹ Ты говорил скорее как поэт, нежели как человек (лат.).

38. Поэтическая красота. — Раз уж мы говорим “поэтическая красота”, следовало бы говорить и “математическая красота”, и “лекарская красота”, но так не говорят, и причина этому в следующем: все отлично знают, какова суть математики и что состоит она в доказательствах, равно как знают, в чем суть лекарства и что состоит она в исцелении, но не знают, в чем состоит та самая приятность, в которой и заключается суть

поэзии. Никто не знает, каков он, тот присущий природе образец, которому следует подражать, и, чтобы восполнить сей пробел, придумывают самые замысловатые выражения — например, “золотой век”, “чудо наших дней”, “роковой” и тому подобное — и называют сие ни с чем не сообразное наречие “поэтическими красотами”.

Но представьте себе женщину, разряженную по такому образцу — а состоит он в том, что любой пустяк облекается в пышные словеса, — и вы увидите красотку, увешанную зеркальцами и цепочками, и не сможете не расхохотаться, ибо куда понятнее, какой должна быть приятная на вид женщина, чем какими должны быть приятные стихи. Но люди неотесанные станут восхищаться обликом этой женщины, и найдется немало деревень, где ее примут за королеву. Потому-то мы и называем сонеты, скроенные по этому образцу, “первыми на деревне”.

39. В свете не прослыть знатоком поэзии, если не повесить вывески “поэт”, “математик” и т.д. Но человек всесторонний не желает никаких вывесок и не делает разницы между ремеслом поэта и золотошвея.

К человеку всестороннему не пристает кличка “поэт” или “математик”: он и то и другое и может судить о самых разных предметах. В нем ничто не бросается в глаза. Он может принять участие в любой беседе, завязавшейся до его прихода. Никто не замечает его познаний в той или иной области, пока в них не появляется надобность, но уж тут о нем немедленно вспоминают, ибо он из того сорта людей, о которых никто не скажет, что они красноречивы, пока не заговорят о красноречии, но стоит заговорить — и все начинают восхвалять красоту их речей.

Стало быть, когда при виде человека первым делом вспоминают, что он понаторел в поэзии, это отнюдь не похвала; с другой стороны, если речь идет о поэзии и никто не спрашивает его мнения, это тоже дурной знак.

40. Хорошо, когда, назвав кого-то, забывают прибавить, что он “математик”, или “проповедник”, или отличается красноречием, а просто говорят: “Он — порядочный человек”. Мне по душе лишь это всеобъемлющее свойство. Я считаю дурным признаком, когда, при взгляде на человека, все сразу вспоминают, что он написал книгу: пусть столь частное обстоятельство приходит на ум лишь в случае, если речь заходит именно об этом обстоятельстве (*Ne quid nimis*¹): иначе оно подменит собой самого человека и станет именем нарицательным. Пусть о человеке говорят, что он — искусный оратор, когда разговор касается ораторского искусства, но уж тут пусть не забывают о нем.

41. У человека множество надобностей, и расположен он лишь к тем людям, которые способны их уболаговорить — все до единой. “Такой-то — отличный математик”, — скажут ему про имярек. “А на что мне математик? Он, чего доброго, примет меня за теорему”. — “А такой-то — отличный полководец”. — “Еще того не легче! Он примет меня за осажденную крепость. А я ишу просто порядочного человека, который постарается сделать для меня все, в чем я нуждаюсь”.

42. (Всего понемногу. Уж если невозможно быть всеведущим и досконально знать все обо всем, следует знать всего понемногу. Ибо куда лучше иметь частичные знания, но обо всем, чем доскональные — о какой-нибудь частице: всеохватывающие знания прѣдпочти-

¹ Ни в чем излишка (лат.).

тельной. Разумеется, всего лучше знать все вообще и в частности, но если приходится выбирать, следует выбрать знания всеохватывающие, и светские люди это понимают и к этому стремятся, ибо светские люди зачастую — неплохие судьи.)

43. Доводы, до которых человек додумался сам, обычно кажутся ему куда более убедительными, нежели те, что пришли в голову другим.

44. Внимая рассказу, со всей подлинностью живописующему какую-нибудь страсть или ее последствия, мы в самих себе находим подтверждение истинности услышанного, хотя до сих пор ничего подобного как будто не испытывали, и вот начинаем любить того, кто помог нам все это прочувствовать, ибо речь идет уже не о его достоинствах, а о нашем

собственном; таким образом, мы проникаемся приязнью к нему за его достойный поступок, не говоря уже о том, что подобное взаимопонимание всегда располагает к любви.

45. Реки — это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь.

46. Язык. — Отвлекать ум от начатого труда следует единственно для того, чтобы дать ему отдых, да и то отнюдь не когда вздумается, а когда нужно, когда для этого пришло время: отдых, если он не вовремя, утомляет и, значит, отвлекает от труда; вот как хитро плотская невоздержанность принуждает нас делать обратное тому, что требуется, и при этом не платит ни малейшим удовольствием — той единственной монетой, ради которой мы готовы на все.

47. Красноречие. — Существенное следует сочетать с приятным, но и приятное следует черпать в истинном, и только в истинном.

48. Красноречие — это живописное изображение мысли; поэтому, если, выразив мысль, оратор добавляет к ней еще какие-то черты, он создает уже не портрет, а картину.

49. Разное. Язык. — Кто, не жалея слов, громоздит антитезы, тот уподобляется зодчему, который ради симметрии изображает ложные окна на стене: он думает не о правильном выборе слов, а о правильном расположении фигур речи.

50. Симметрия, воспринимаемая с первого взгляда, основана и на том, что нет резона обходиться без нее, и на том, что телосложение человека тоже симметрично; именно поэтому мы привержены к симметрии в ширину, но не в глубину и высоту.

51. Мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают. Не мысли придают словам достоинство, а слова — мыслям. Найти примеры.

52. Скрывать мысль и надевать на нее личину. Уже не король, не Папа, не епископ, а “августейший монарх” и пр., не Париж, а “стольный град державы”. В одних кругах принято называть. Париж Парижем, а в других — непременно стольным градом.

53. “Карета опрокинулась” или “карета была опрокинута” — в зависимости от смысла. “Полить” или “налить” — в зависимости от намерения.

(Речь г-на Леметра в защиту человека, насильственно посвященного в монахи Ордена кордельеров.)

54. “Прихвостень власть имущих” — так способен сказать только тот, кто сам прихвостень; “педант” — только тот, кто сам педант; “провинциал” — только тот, кто сам провинциал, и я готов биться об заклад, что это слово в заголовке книги “Письма к провинциалу” тиснул сам типограф.

55. Разное. — Ходячее выражение: “Мне явилась охота взяться за это”.

56. “Открывательная” способность ключа, “притягательная” — крючка.

57. Разгадать смысл: “Мое участие в этой вашей неприятности”. Г-н кардинал вовсе не стремился быть разгаданным. — “Мой дух преисполнен тревоги”. “Я встревожен” — куда лучше.

58. Мне становится не по себе от таких вот любезностей: “Я причиняю вам слишком много хлопот, я так боюсь, что наскучил вам, я так боюсь, что посягаю на ваше драгоценное время”. Либо сам начинаешь так говорить, либо раздражаешься.

59. Что за дурная манера: “Простите меня, сделайте милость!” Когда бы не эта просьба о прощении, я не заметил бы ничего обидного для себя. “Извините за выражение...” Дурно здесь только извинение.

60. “Погасить пылающий факел восстания” — слишком пышно. “Тревога его гения” — два лишних слова, к тому же весьма смелых.

61. Порою, подготовив некое сочинение, мы замечаем, что в нем повторяются одни и те же слова, пытаемся их заменить и все портим, настолько они были уместны: это знак, что все нужно оставить как было; пусть себе зависть злорадует, она слепа и не понимает, что повторение не всегда порок, ибо единого правила тут не существует.

62. Иные люди хорошо говорят, а вот пишут не очень хорошо. Обстановка и слушатели разжигают их ум, и он работает куда живее, чем когда этого топлива нет.

Порядок

63. Лишь кончая писать задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать.

64. Говоря о своих сочинениях, иные авторы то и дело твердят: “Моя книга, мое толкование, мой труд по истории” — и тому подобное. Точь-в-точь как те выскочки, которые обзавелись собственным домом и не устают повторять: “Мой особняк”. Лучше бы говорили: “Наша книга, наше толкование, наш труд по истории”, потому что, как правило, там больше чужого, нежели их собственного.

65. Пусть не корят меня за то, что я не сказал ничего нового: ново само расположение материала; игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но с неодинаковой меткостью.

С тем же успехом меня можно корить за то, что я употребляю давным-давно придуманные слова. Стоит по-иному расположить одни и те же мысли — и получается новое сочинение, равно как, если по-иному расположить одни и те же слова, получится новая мысль.

66. Стоит изменить порядок слов — меняется их смысл, стоит изменить порядок мыслей — меняется впечатление от них.

67. Доказывая какое-нибудь свое утверждение, люди прибегают к помощи примеров, ну а случись у них надобность доказать несомненность этих примеров, они прибегли бы к новым примерам, ибо каждый считает сложным только то, что он желает доказать, меж тем примеры просты и все объясняют. Вот почему, доказывая любое общее положение, следует подводить его под правило, выведенное из частного случая, а доказывая любой частный случай, следует начинать с общего правила. Ибо всем кажется тёмным лишь то, что они собираются доказать, а доказательства, напротив, — совершенно ясными, хотя подобная уверенность — плод Сложившегося предубеждения: раз что-либо требует доказательства, значит, оно темно, тогда как доказательства совершенно ясны и, следовательно, общепонятны.

68. Порядок. — Почему я должен согласиться с тем, что моя нравственность состоит из четырех частей, а не из шести? Почему должен считать, что в добродетели их четыре, а не две, не одна-единственная? Почему “Abstine et sustine” предпочтительнее, нежели “Следовать природе”, или платоновского “Делай свое дело, не творя несправедливостей”, или еще чего-нибудь в таком роде? “Но ведь все это, — возразите вы, — может быть выражено единым словом”. Вы правы, но если его не объяснить, оно бесполезно, а едва начинаешь объяснять, растолковывать оное правило; содержащее в себе все остальные, как они незамедлительно выходят из его границ и образуют ту самую путаницу, которой вы хотели избежать.

¹ Воздерживайся и терпи (лат.).

Таким образом, когда все правила заключены в одном, они бесполезны, они словно запрятаны в сундук, а наружу выходят в природной своей запутанности. Природа установила их, но при этом одно не вытекает из другого.

69. Природа каждую из своих истин ограничила ее собственными пределами, а мы изо всех сил стараемся их совместить и таким образом идем против природы: у всякой истины есть свое место.

70. Порядок. — Я развил бы рассуждение о порядке примерно так: чтобы стала ясна тщета любых усилий человеческого существования, ясно показать тщету жизни обыденной, а затем — жизни, согласной с философией пирроникив, стоиков; но порядка в ней все равно не будет. Я более или менее знаю, каким он должен быть и сколь мало на свете людей, обладающих этим знанием. Ни одна наука, созданная людьми, не смогла его

соблюсти. Не смог его соблюсти и святой Фома. Есть порядок в математике, но, при всей своей глубине, она бесполезна.

71. Пирронизм. — Я решил записать, здесь свои мысли, притом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно, намеренной: в ней-то и заложен настоящий порядок, который с помощью этого самого беспорядка выявит суть трактуемого мною предмета. Я оказал бы ему слишком много чести, если бы изложил свои мысли в строгом порядке, меж тем как моя цель — доказать, что никакого порядка в нем нет и быть не может.

72. Порядок. — Против утверждения, будто в изложении Священного Писания нет порядка. У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на доказательствах неких главных положений: порядок, присущий сердцу, совсем другого свойства. Никто не станет доказывать, что именно его должно любить, выстраивая в строгом порядке причины оного долженствования, — это было бы смехотворно.

У Иисуса Христа, у святого Павла свой порядок в проповеди милосердия, ибо их цель — не учительство, а возжигание огня в людских душах. Точно так же и у Блаженного Августина. Порядок этот основан на постоянных отступлениях от главной темы, чтобы, неизменно возвращаясь к ней в конце, крепче ее запечатлеть.

План

73. Первая часть. — Горестное ничтожество человека, который не обрел Бога.

Вторая часть. — Блаженный удел человека, который обрел Бога.

Или иначе:

Первая часть: О растленности природы. Самое себя растлившей.

Вторая часть: О возможности искупления. С помощью Священного Писания.

74. В земном нашем пределе все без исключения носит печать либо горестного ничтожества человека, либо милосердия Господня, либо бессилия человека, не обретшего Бога, либо силы человека, который Бога обрел.

75. Кто познал Бога, но не познал всего своего горестного ничтожества, тот впадает в гордыню. Кто познал все свое горестное ничтожество, но не познал Бога, тот впадает в отчаянье. Кто познал Иисуса Христа, тот хранит равновесие, ибо в Нем мы явственно видим и Бога, и наше собственное горестное ничтожество.

Часть первая. ЧЕЛОВЕК, НЕ ПОЗНАВШИЙ БОГА

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

76. Предуведомление к первой части. — Рассказать о тех, кто излагал свои взгляды на самопознание; о множестве частей, на которые его дробил Шаррон, нагоняя на читателей уныние и скуку; о путанице у Монтеня: о том, что он чувствовал отсутствие [правильной] методы; что обходил ее, перескакивая с предмета на предмет; что искал ветра в поле.

Его нелепейший замысел нарисовать собственный портрет! И притом не мимоходом, вступая в противоречие с собственными своими изречениями — от такого промаха никто не огражден, — но в согласии с этими самими изречениями, вполне обдуманно и убежденно. Ибо если говорить нелепицы просто так, по недомыслию, — людской порок из самых заурядных, то как же он нестерпим, когда их говорят обдуманно, да еще такие!..

77. Монтень. — Велики недостатки Монтеня. Грязные слова — они отвращают, сколько бы ни защищала их мадемуазель де Гурне. Легковерен: “безглазые люди”. Невежествен: “квадратура круга, еще больший мир”. Его отношение к самоубийству, к смерти. Он возвращает пренебрежительное отношение к спасению души — “без страха и раскаяния”. Его книга вовсе не должна направлять читателей на путь благочестия, ибо не ради этого она была написана, но в любом случае автор обязан не отвращать от него. Можно снисходительно отнестись к слишком вольным и сладострастным порывам чувств Монтеня в известных житейских обстоятельствах, но нельзя быть снисходительным к совершенно языческим чувствам, которые рождает в нем мысль о смерти, ибо кто не желает хотя бы умереть по-христиански, тот начисто лишен благочестия; ну, а судя по книге Монтеня, ее создатель только и жаждет что трусливо-бездумной смерти.

78. Достоинства Монтеня обрести очень нелегко. А недостатки — я говорю не о нравственных правилах — Монтень исправил бы шутя, укажи ему кто-нибудь, что он рассказывает слишком много побасенок и слишком много говорит о себе.

79. Не в Монтене, а во мне самом содержится все, что я в нем вычитываю.

80. Я потратил много времени на изучение отвлеченных наук и потерял к ним вкус — так мало они дают знаний. Потом, когда я начал изучать человека, мне стало ясно, что отвлеченные науки вообще не имеют к нему никакого отношения и что, занимаясь ими, я еще хуже разумею, каково оно, истинное мое место в этом мире, нежели те, кто ничего в них не смыслит. И я простил людям их неведение. Однако я полагал, что многие, подобно мне, погружены в изучение человека, да иначе оно и быть не может. Я ошибался: даже геометрией — и той занимаются охотнее. Впрочем, и к ней, и к другим наукам обращаются главным образом потому, что не знают, как приступить к изучению самих себя. Но вот о чем стоит задуматься: а нужна ли человеку и эта наука, не будет ли он счастливее, вообще ничего о себе не зная?

81. Познаем самих себя: пусть при этом мы не обретаем истину, зато хотя бы наведем порядок в собственной жизни, а для нас это дело насущное.

82. Людей учат чему угодно, только не порядочности, меж тем всего более они стремятся блеснуть именно порядочностью, то есть как раз тем, чему их никогда не обучали.

83. Того, кто обратится в истинную веру. Господь исцелит и одарит прощением. “Ne convertantur et sanem cos”¹, Исая; “...et dimittantur eis peccata”², Марк IV.

¹ Не обратятся, чтобы Я исцелил их (лат.).

² И прощены будут им грехи (лат.).

Глава I. МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ЛОНЕ ПРИРОДЫ: ДВЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

84. Несоразмерность человека. — Вот куда приводит нас познание природы. Если в нем не заложена истина, стало быть, нет истины и в человеке, а если заложена, как тут не преисполниться смирения, хоть в какой-то мере не ощутить своей малости. А поскольку человек просто не может жить, не веря в эту истину, я настоятельно прошу его: прежде чем он углубится в еще более доскональное изучение природы, пусть хоть раз пристально и не спеша всмотрится в нее, пусть всмотрится и в самого себя и, поняв, как соразмеряется... Пусть человек отдастся созерцанию природы во всем ее высоком и неохватном величии, пусть отвратит взоры от ничтожных предметов, его окружающих. Пусть взглянет на ослепительный светоч, как неугасимый факел, озаряющий Вселенную; пусть уразумеет, что Земля — всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает это светило; пусть потрясется мыслью, что и сама эта огромная орбита — не более чем еле приметная черточка по отношению к орбитам других светил, текущих по небесному своду. Но так как кругозор наш этим и ограничен, пусть воображение летит за рубежи видимого; оно утомится, далеко не исчерпав природу. Весь зримый мир — лишь едва приметный штрих в необъятном лоне природы. Человеческой мысли не под силу охватить ее. Сколько бы мы ни раздвигали пределы наших пространственных представлений, все равно в сравнении с сущим мы порождаем только атомы. Вселенная — это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, окружность — нигде. И величайшее из доказательств всемогущества Господня в том, что перед этой мыслью в растерянности застывает наше воображение.

А потом, вновь обратившись к себе, пусть человек сравнит свое существо со всем сущим; пусть почувствует, как он затерян в этом глухом углу Вселенной, и, выглядывая из тесной тюремной камеры, отведенной ему под жилье, — я имею в виду весь зримый мир, — пусть уразумеет, чего стоит вся наша Земля с ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам. Человек в бесконечности — что он значит?

Ну, а чтобы предстало ему не меньшее диво, пусть взглянется в одно из мельчайших существ, ведомых людям. Пусть взглянется в крохотное тельце клеща и еще более крохотные члены этого тельца, пусть представит себе его ножки со всеми суставами, со всеми жилками, кровь, текущую по этим жилкам, соки, ее составляющие, капли этих соков, пузырьки газа в этих каплях; пусть и дальше разлагает эти частицы, пока не иссякнет его воображение, и тогда рассмотрим предел, на котором он запнулся. Возможно, он решит, что уж меньшей величины в природе не существует, а я хочу показать ему еще одну бездну. Хочу ему живописать не только видимую Вселенную, но и безграничность мыслимой природы в пределах одного атома. Пусть он узрит в этом атоме неисчислимые вселенные, и у каждой — свой небосвод, и свои планеты, и своя Земля, и те же соотношения, что и в нашем видимом мире, и на этой Земле — свои животные и, наконец, свои клещи, которых опять-таки можно делить, не зная отдыха и срока, пока не закружится голова от этого второго чуда, столь же поразительного в своей малости, сколь первое — в своей огромности; ибо как не потрястись тем, что наше тело, такое неприметное во Вселенной, являет собой на лоне сущего, вопреки этой своей неприметности истинного колосса, целый мир, вернее, все сущее в сравнении с небытием, которое так и остается непостижимым для нас.

Кто вдумается в это, тот содрогнется и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия, — исполнится трепета перед подобным чудом, и, сдается мне, любознательность сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание.

Ибо в конечном счете что же он такое — человек во Вселенной? Небытие в сравнении с бесконечностью, все сущее в сравнении с небытием, нечто среднее между всем и ничем. Бесконечно далекий от понимания этих крайностей — конца мироздания и его начала, вовеки скрытых от людского взора непроницаемой тайной, — он равно не способен постичь небытие, из которого был извлечен, и бесконечность, которая его поглощает.

При вечных отчаянных своих попытках познать начало и конец сущего что улавливает он, кроме смутной видимости явлений? Все возникает из небытия и уносится в бесконечность. Кто окинет взглядом столь необозримый путь? Это чудо постижимо лишь его Творцу. И больше никому.

Не давая себе труда задуматься над этими бесконечностями, люди дерзновенно берутся исследовать природу, словно они хоть сколько-нибудь соразмерны с ней. Как не подивиться, когда в самонадеянности, не менее безграничной, чем предмет их исследований, они рассчитывают постичь начало сущего, а затем все сущее! Ибо подобный замысел может быть порожден лишь самонадеянностью, безграничной, как природа, или столь же безграничным разумом.

Человек сведущий понимает, что природа равно запечатлела и свой образ, и образ своего Творца на всех предметах и явлениях, поэтому почти все они отмечены ее двойной бесконечностью. Следовательно, ни одна наука не исчерпает всех связанных с ней вопросов, ибо кто ж усомнится, что, например, в математике мы имеем дело с бесконечной бесконечностью соотношений? И начала, на которых они основаны, не только бесчисленны, но и бесконечно дробны, ибо кто ж не понимает, что начала якобы предельные не висят в пустоте, они опираются на другие начала, а те в свою очередь опираются на третьи, отрицая тем самым само существование предела? Но все, что нашему разуму представляется пределом, мы и принимаем за предел, подобно тому как в мире материальных величин называем неделимой ту точку, которую уже не способны разделить, хотя по своей сути она бесконечно делима.

Из этих двух известных науке бесконечностей бесконечность больших величин более доступна человеческому разуму, поэтому лишь немногие ученые притязали на то, что полностью охватили все сущее. “Я буду судить обо всем”, — говорил Демокрит.

Но бесконечность в малом куда менее очевидна. Все философы потерпели в этом вопросе поражение, хотя порою и утверждали, что изучили его. Отсюда и столь обычные названия — “О началах сущего”, “Об основных началах философии” и подобные им, такие же напыщенные по сути, хотя и более скромные с виду, нежели сочинение с режущим глаз названием “De omni scibili”¹.

Мы простодушно считаем, что нам легче проникнуть в центр мироздания, чем охватить его в целом. Его явная огромность явно превосходит нас, зато мы значительно превосходим предметы ничтожно малые, поэтому полагаем их постижимыми, хотя уразуметь небытие отнюдь не легче, нежели уразуметь все сущее: и то и другое требует беспредельного разумения, из чего я делаю вывод, что способный постичь зиждущее начало вполне способен постичь бесконечность. Одно зависит от другого, одно влечет за собой другое. Эти крайности соприкасаются и, в силу своей отдаленности друг от друга, сливаются в Боге, и только в Боге.

¹ Обо всем познаваемом (лат.).

Уясним же себе, что мы такое: нечто, но не всё; будучи бытием, мы не способны понять начало начал, возникающее из Небытия; будучи бытием кратковременным, мы не способны охватить бесконечность.

В ряду познаваемого познанное нами занимает не больше места, чем занимаем мы сами во всей беспредельности природы.

Мы всегда и во всем ограничены, и наше положение меж двух крайностей определяет и наши способности. Наши чувства не воспринимают ничего чрезмерного: слишком громкий звук оглушает, слишком яркий свет ослепляет, слишком большие или

малые расстояния препятствуют зрению, слишком длинные или короткие рассуждения затемняют понимание, слишком несомненная истина ставит в тупик (я знаю людей, которые так и не взяли в толк, что, если от ноля отнять четыре, в результате получится ноль), основные начала слишком очевидны для нас, слишком острые наслаждения вредят здоровью, слишком часто повторяющиеся музыкальные созвучия неприятны, слишком щедрые благодеяния раздражают — нам хочется отплатить за них с лихвой: *beneficia eo usque laeta sunt dum videntur, exsolvi posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur*¹.

Мы не воспринимаем ни крайне сильного холода, ни крайне сильного жара. Чрезмерность неощутима и тем не менее нам враждебна: даже не воспринимая ее, мы все равно от нее страдаем. Слишком юный и слишком преклонный возраст держат ум в оковах, равно как слишком большая или малая образованность. Короче говоря, крайности как бы не существуют для нас, а мы не существуем для них: либо они от нас ускользают, либо мы от них.

Таков истинный наш удел. Мы не способны ни к всеобъемлющему знанию, ни к полному неведению.

¹ Благодеяния приятны лишь до тех пор, пока есть какая-то возможность их оплатить. Если же они намного превышают эту возможность, наша признательность превращается в ненависть (лат.).

Плывем по безбрежности, не ведая куда, что-то гонит нас, бросает из стороны в сторону. Стоит нам поверить, что обрели опору и укрепились на ней, как она начинает колебаться, уходит из-под ног, а если мы кидаемся ей вдогонку, ускользает от нас, не дает приблизиться, и этой погоне нет конца. Вокруг нас нет ничего незыблемого. Да, таков наш удел, но он нам соприроден и вместе с тем противен всем нашим склонностям: мы жаждем устойчивости, жаждем обрести наконец твердую почву и воздвигнуть на ней башню, вершиной уходящую в бесконечность, но заложенное нами основание дает трещину, земля разверзается, а в провале — бездна.

Откажемся же от поисков достоверных и незыблемых знаний. Изменчивая видимость будет всегда вводить в обман наш разум; конечное ни в чем не найдет твердой опоры меж двух бесконечностей, которые охватывают его, но ни на шаг не подпускают к себе.

Кто это усвоит, тот, я думаю, раз и навсегда откажется от попыток переступить границы, поставленные ему природой. Если уж нам вовек суждено занимать это место посередине, одинаково удаленное от обеих беспредельностей, какое может иметь значение, знает человек немного больше или немного меньше? Допустим, что больше, — в этом случае кругозор его немного шире. Но разве не столь же бесконечно далек он от всезнания, а срок его жизни — от вечности, чтобы какой-нибудь десяток лет составлял для него разницу?

В сравнении с бесконечностями, о которых идет речь, все конечные величины уравниваются, и, на мой взгляд, нет у нашего воображения причин одну конечную величину предпочесть другой. С какой бы из них мы ни соотнесли себя, все равно нам это мучительно.

Начни человек с изучения самого себя, он понял бы, что ему не дано выйти за собственные пределы. Мыслимо ли, чтобы часть познала целое? — Но, быть может, есть надежда познать хотя бы те части целого, с которыми он соизмерим? — Но в мире все так переплетено и взаимосвязано, что познание одной части без другой и всего в целом мне кажется невозможным. Например, человек связан в этом мире со всем, что входит в круг его сознания. Ему нужно пространство, в котором он существует, время, в котором длится, движение, без которого нет жизни, нужны все элементы, из которых состоит, тепло и пища, чтобы поддерживать свои силы, воздух, чтобы дышать; он видит свет, осязает предметы — словом, он всему сопричастен. Следовательно, чтобы изучить человека, необходимо понять, зачем ему нужен воздух, а чтобы изучить воздух, необходимо понять, каким образом он связан с жизнью человека, и так далее. Огню, чтобы

гореть, требуется воздух, следовательно, чтобы изучить огонь, необходимо изучить и воздух.

Итак, поскольку все в мире — причина и следствие, движитель и движимое, непосредственное и опосредствованное, поскольку все скреплено естественными и неощутимыми узами, соединяющими самые далекие и друг с другом несхожие явления, мне представляется невозможным познание частей вне познания целого, равно как познание целого вне досконального познания частей. (Вечность — сама по себе или в Боге — также должна ставить в тупик мимолетное наше бытие. Не более понятна постоянная и жесткая неподвижность природы в сравнении с непрерывными переменами, происходящими в нас самих.)

Наше бессилие проникнуть в суть вещей довершается их однородностью; меж тем как мы состоим из двух не только не однородных, но противоположных друг другу субстанций — души и тела. Ибо та наша часть, которая способна мыслить, не может не принадлежать к области духовного: ведь если предположить, что мы целиком телесны, из этого пришлось бы сделать вывод, что познание сущего для нас вообще невозможно, так как нет ничего абсурднее утверждения, будто материя сама себя познает; мы просто не в состоянии постичь, каким путем она приходит к самопостижению.

Стало быть, если мы целиком материальны, познание для нас совершенно недоступно, а если сочетаем в себе дух и материю, мы не можем до конца познать явления однородные — только духовные или только материальные.

Поэтому почти все философы запутываются в сути того, что нас окружает, и применяют к духовному телесные мерки, а к телесному — духовные. Они, не задумываясь, говорят, что тела стремятся упасть, что они влекутся к центру, стараются избежать уничтожения, боятся пустоты, что у них есть стремления, симпатии и антипатии, то есть наделяют очень многим из присущего только миру духовному. А говоря о духе, ограничивают его в пространстве, заставляя перемещаться с места на место, хотя это свойственно только материальным телам.

Вместо того чтобы воспринимать явления в их натуральном виде, мы вкладываем в них наши собственные свойства и наделяем двойной природой то однородное, что нам удастся обнаружить.

Так как во всем, что нас окружает, мы усматриваем одновременно и дух, и тело, казалось бы, это сочетание вполне понятно людям. Меж тем оно-то им особенно непонятно. Из всех творений природы нет для человека большей загадки, чем он сам, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, еще труднее — что такое дух, и уж вовсе непостижимо, как они могут соединиться. Задача неразрешимая, а между тем это его собственная суть: *Modus quo corporibus adhaerent spiritus comprehendere ab hominibus non potest, et hoc tamen homo est*¹.

Завершая доказательство слабости нашего разума, приведу два соображения...

85. Кто слишком молод, тот не способен к здравым суждениям, равно как и тот, кто слишком стар; кто

¹ Каким образом тело соединяется с духом, человек постичь не в состоянии, а между тем это и есть человек (лат.)

слишком много или слишком мало размышлял над каким-нибудь предметом, тот начинает упрямяться, слепо стоять на своем; кто выносит приговор своему труду, едва успев его окончить или окончив давным-давно, тот слишком еще к нему пристрастен или уже безразличен. Точно так же обстоит дело с картинами, если смотреть на них с расстояния слишком большого или малого: существует только одна-единственная правильная точка для обозрения, все остальные слишком отдалены или приближены, расположены слишком высоко или низко. В живописи такую точку помогают найти законы перспективы. Но кто укажет ее нам, когда предмет наш — истина или нравственность?

86. Когда все предметы равномерно движутся в одном направлении, нам кажется, что они неподвижны, например, когда мы находимся на борту корабля. Когда все устремляется к нечестивой цели, никто этого не замечает. И только если кто-нибудь

останавливается, уподобившись неподвижной точке, у нас открываются глаза на одержимый бег всех остальных.

87. Живущий в скверне твердит, что он-то и следует законам природы, а вот блюдуший нравственную чистоту ими пренебрегает: так отплывающим на корабле мнится, будто все стоящие на берегу быстро отступают назад. И правый, и неправый отстаивают свои убеждения одинаковыми словами. Чтобы судить безошибочно, нужна неподвижная точка отсчета. Стоящий в порту правильно судит о плывущих на корабле; но где тот порт, откуда мы могли бы правильно судить о вопросах нравственности?

88. Когда я размышляю о мимолетности моего существования, погруженного в вечность, которая была до меня и пребудет после, о ничтожности пространства, не только занимаемого, но и видимого мною, растворенного в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, я трепещу от страха и недоуменно вопрошаю себя: почему я здесь, а не там, — потому что нет причины мне быть здесь, а не там, нет причины быть сейчас, а не потом или прежде. Кто определил мою судьбу? Чей приказ, чей промысел предназначил мне это время и место? *Метопа hospitius unius diei praetereuntis*¹.

89. Почему знания мои ограничены? Мой рост невелик? Срок моей жизни сто лет, а не тысяча? По какой причине природа остановилась именно на этом числе, а не на другом, хотя их бессчетное множество и нет причины выбрать это, а не то, тому предпочесть это?

90. Сколько держав даже не подозревают о нашем существовании!

91. Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств!

¹Память об однодневном госте (лат.).

Глава II. НИЧТОЖЕСТВО ЧЕЛОВЕКА. ВВОДЯЩИЕ В ОБМАН МОГУЧИЕ СИЛЫ

1. Чувства и память

92. (Короче говоря, человек столь счастливо устроен, что нет в нем ни одного начала, влекущего к несомненной истине, и много начал, влекущих к заблуждению. Посмотрим же, сколько этих начал. Но основная причина совершаемых им ошибок кроется в постоянной борьбе чувств с разумом.)

Приступить к этой главе следует с рассмотрения тех сил, которые вводят человека в обман.

Человек — это вместилище заблуждений, соприродных ему и неистребимых, если на него не снизойдет благодать. Ничто не указывает людям пути к истине. Все вводит в обман. Ну а два главных руководящих начала для познания истины, разум и чувства, непрестанно стараются провести друг друга, не говоря уже о том, что и вообще-то не отличаются правдивостью. Чувства подсовывают разуму ложную видимость, а душа в ответ на это мошенничество платит ему той же монетой: берет реванш. Страсти, волнующие душу, вносят сумятицу в чувства, порождая ложную видимость. Разум и чувства только и делают, что без зазрения совести говорят друг другу неправду.

Но помимо заблуждений, отчасти случайных, отчасти вызванных разногласиями этих соприродных человеку свойств...

93. Если хотите спорить не втуне и переубедить собеседника, прежде всего уясните себе, с какой стороны он подходит к предмету спора, ибо эту сторону он обычно видит правильно, затем признайте его правоту и тут же покажите, что при подходе с другой стороны правота сразу превратится в неправоту. Ваш собеседник охотно согласится с вами, ведь он не допустил никакой ошибки, просто чего-то не разглядел, а люди сердятся не на то, что не все успели разглядеть, а на то, что ошиблись, и объяснить это можно следующим образом: человек по природному своему устройству не способен увидеть предмет со всех сторон, но по той же самой своей природе все, что видит, — видит правильно, ибо свидетельства наших чувств неоспоримы.

94. Когда говорят, что теплота — это движение неких частиц, а свет — не более чем *sonatus recedendi*¹, мы не можем прийти в себя от удивления. Как! Источник наших наслаждений — всего-навсего пляска животных духов? А мы представляли себе это совсем иначе — ведь так различны ощущения, чья природа, как нас уверяют, совершенно одинакова: тепло, исходящее от огня, звуки, свет воздействуют на нас по-иному, нежели прикосновение к коже, мнятся чем-то таинственным, и вдруг оказывается — они грубы, как удар камнем! Разумеется, крохотные частицы, проникающие в поры тела, раздражают не те нервы, что камень, однако дело все в том же раздражении нервов.

95. Дух этого верховного судии подлунной юдоли столь зависит от любого пустяка, что малейший шум помрачает его. Отнюдь не только гром пушек мешает ему здраво мыслить: довольно скрипа какой-нибудь флюгарки или блока. Не удивляйтесь, что сейчас он рассуждает не слишком разумно: рядом жужжит муха, вот он и не способен подать вам дельный совет. Хотите, чтобы ему открылась истина? Прогоните насекомое, которое держит в плену это сознание, этот могучий разум, повелевающий городами и державами. Занятное, божество, что и говорить! О, *ridicolosissimo* егое!²

¹ Центробежная сила (лат.).

² О, смехотворнейший из героев! (лат.)

96. Могущество мух: они выигрывают сражения, отупляют наши души, терзают тела.

97. Разум всегда и во всем прибегает к помощи памяти.

98. (По воле случая приходят нам в голову мысли, по воле случая они улетучиваются; никакое искусство не поможет их удержать или приманить.

Как я хотел бы записать ее, эту ускользающую мысль, но мне только и остается, что записать: она от меня ускользнула...)

99. (В детстве, взяв книгу, я всегда крепко прижимал ее к себе, и так как мне порою только казалось, что я крепко прижимаю ее к себе, то, не доверяя...)

100. Иной раз только я соберусь записать пришедшую мне в голову мысль, как она улетучивается. Тут я вспоминаю о забытой было немоги моего разума, а это не менее поучительно, чем забытая мысль, потому что стремлюсь я лишь к одному — к пониманию полного моего ничтожества.

101. Почему нас нисколько не сердит хромота на ногу, но так сердит хромота разумом? Дело просто: хромота на ногу признает, что мы не хромоноги, а недоумок считает, что это у нас ум с изъяном, потому он и вызывает в нас не жалость, а злость.

Эпиктет ставит вопрос еще прямее: “Почему мы не возмущаемся, когда говорят, будто у нас болит голова, но возмущаемся, когда говорят, что мы не умеем здраво мыслить или принять здравое решение?” А дело в том, что мы твердо уверены: голова у нас не болит и ноги не хромают, но отнюдь не так уверены в здравости наших решений. Мы искренне верили в нашу правоту, но вот встретили человека, который думает иначе, и сразу потеряли уверенность, а что уж говорить, если решение кажется нелепым не одному человеку, а многим людям, ибо предпочесть собственное разумение разумению множества себе подобных и трудно, и чересчур дерзко. Что же касается хромоты, тут нам все ясно.

102. Человеку легко вбить в голову, что он глуп, — такова уж его природа; да он и сам может вбить это себе в голову. Ибо люди в одиночестве ведут беседы с самими собой, и эти беседы необходимо разумно направлять: “Comimpunt mores bonos colloquia prava”¹. Следует изо всех сил стараться хранить молчание, а беседы вести лишь о Боге, ибо, в Нем одном истина, и таким путем проникнуться этой истиной.

103. Нашему уму от природы свойственно верить, а воле — любить, поэтому, если у них нет достойных предметов для веры и любви, они устремляются к недостойным.

2. Воображение

104. В о о б р а ж е н и е . — Эта важнейшая людская способность, мастерски вводящая в обман и заблуждение, еще и потому так коварна, что порою она говорит правду. Если бы воображение неизменно лгало, оно было бы неизменным мерилем истины. Но хотя оно почти всегда нас обманывает, уличить его в этом невозможно, ибо оно метит одной метой и правду, и ложь.

Я говорю не о сумасбродах, а о людях самых здравомыслящих — они-то чаще всего и поддаются под власть воображения. Сколько бы ни возражал разум, он бессилен открыть им глаза на истинную цену вещей.

Могучее и надменное, враждующее с разумом, который старается надеть на него узду и подчинить себе, воображение, в знак своего всевластия, создало вторую натуру в человеке. Среди подданных воображения есть счастливые и несчастные, святые, недужные, богачи, бедняки; оно принуждает разум верить, сомневаться, отрицать, притупляет чувства, делает их особенно чувствительными, сводит людей с ума, умудряет и; что

¹ Худые сообщества развращают добрые нравы (лат.).

всего досаднее, дарует своим избранникам такое полное и глубокое довольство, какого никогда не испытать питомцам разума. Люди, чьи таланты — плод воображения, исполнены самомнения, попросту недоступного людям здравомыслящим. Первые на всех взирают свысока, спорят дерзко и уверенно, а вторые — осмотрительно и храня умеренность; к тому же на лицах мнимых мудрецов всегда разлито веселье, невольно рас-

полагающее к ним слушателей, и, уж конечно, они пользуются благорасположением судей, принадлежащих к их собственной породе. Воображению не дано вложить ум в глупцов, зато оно наделяет их счастьем, на зависть разуму, чьи друзья всегда несчастливы, и венчает успехом, тогда как разум способен лишь покрыть позором.

Кто создает репутации? Кто, как не воображение, окружает почетом и уважением людей, их творения, законы, сильных мира сего? Какой малостью показались бы все земные богатства, когда бы оно не пело им хвалу!

Не кажется ли вам, что этот сановник, чья достойная старость внушает почтение всему народу, руководствуется одним лишь высоким, нелицеприятным разумом и что суждения свои он составляет, вникая в суть и пренебрегая суетными обстоятельствами, которые действуют на воображение людей недалеких? Вот он входит в храм послушать проповедь, он преисполнен набожности, здравый смысл укреплен в нем пламенным милосердием. Вот он с примерным смирением приготовился внимать святым словам. Но если у проповедника окажется хриплый голос и не очень благообразное лицо, если он плохо выбрит цирюльником и вдобавок заляпан уличной грязью, — какие бы великие истины он ни вещал, бьюсь об заклад, что наш сенатор быстро потеряет свою внушительную сосредоточенность.

Поставьте мудрейшего философа на широкую доску над пропастью; сколько бы разум ни твердил ему, что он в безопасности, все равно воображение возьмет верх.

Иные люди при одной мысли об этом побледнеют и покроются потом.

Не стоит распространяться обо всем, что приключается в таких случаях под воздействием воображения.

Все на свете знают, что многие словно теряют рассудок, увидев кошку или крысу, услышав, как скрипит под ногами уголь, и т. д. Звучание голоса действует на самых разумных людей, и от него зависит, понравится ли им произнесенная речь или прочитанное стихотворение.

Благорасположение или ненависть меняют даже самое понятие справедливости. Насколько справедливее кажется защитнику дело, за которое ему щедро заплатили вперед! А как потом его развязные жесты влияют на судей, как он обманывает их напускной уверенностью! Хорош разум — игральщик ветра, откуда бы тот ни подул!

Я убежден, что почти все людские поступки совершаются под натиском воображения. Ибо самый ясный разум принужден в конце концов сдаться и следовать, словно своим собственным, тем правилам, которые оно своевольно и повсеместно вводит.

(Человека, намеренного следовать лишь голосу разума, общественное мнение сочтет умалишенным. Он должен не покладая рук трудиться во имя благ пусть воображаемых, но милых сердцу большинства людей, а едва сон даст передышку утомленному разуму, должен вскакивать как одержимый и снова пускаться в погоню за ветром в поле и терпеть самовольство всевластного воображения. — Таково одно из начал наших заблуждений, но отнюдь не единственное. Человек поступает разумно, стараясь поддерживать мир между этими могучими силами — разумом и воображением, — но и при мирном сосуществовании все равно главенствует воображение, ибо стоит разразиться войне — и победа почти всегда за ним: разуму никогда не удастся целиком одолеть его, меж тем как оно нередко свергает разум с престола.)

Французские судьи умело пользуются этой таинственной властью воображения. Потому-то им и надобны красные мантии и горностаевые накидки, которые облачают их, уподобляя Пушистым Котам, и дворцы, где вершится правосудие, и повсюду изображения лилий — вся эта торжественная бутафория; ну, а не будь у лекарей черных одеяний и туфель без задника, равно как у ученых мужей — квадратных шапочек и широченных мантий, им ни за что бы не удалось одурачить мир; но такому внушительному зрелищу люди противостоять не способны. Если бы судьи и впрямь умели судить по справедливости, а лекари — исцелять недуги, им не понадобились бы квадратные шапочки: глубина их познаний внушала бы почтение сама по себе. Но так как познания

судей и лекарей воображаемые, они волей-неволей принуждены прибегать к суетным прикрасам, дабы, поразив воображение, снискать почет, — и вполне достигают цели. Одним лишь военным ни к чему такой маскарад, их дело не выдуманное, они силой берут то, что другие получают, пуская в ход лицедейство.

Обходятся без маскарадных уборов и наши монархи. Чтобы внушить почтение, они не обряжаются в диковинные одежды, зато их окружают телохранители, воины с алебардами. Эти ражие молодцы, чья сила, чьи мышцы безраздельно принадлежат венценосцам, эти трубачи и барабанщики, выступающие впереди, эти вооруженные отряды, окружающие владык, наполняют трепетом даже самые отважные сердца: тут ведь не одна одежда, но и сила. И надо обладать очень возвышенным разумом, чтобы увидеть обыкновенного человека в турецком султани, окруженном всей роскошью своего сераля и сорока тысячами янычар.

Стоит нам увидеть правоведа в мантии и шапочке — и мы уже полны веры в его таланты.

Воображение распоряжается всем, оно творит красоту, справедливость, счастье — все, что ценится в этом мире. Я очень хотел бы прочитать итальянскую книгу, известную мне только по названию, стоящему, впрочем, многих книг: “*Delia opinione regina del mondo*”¹. Даже не читая, я готов подписаться под нею, разумеется, только под тем, что в ней справедливо.

Вот примерно каковы следствия этой лживой способности, которая словно преднамеренно дана людям для того, чтобы вводить их в полезный обман. Но и других источников заблуждений у нас предостаточно.

Нас ослепляет не только привычность понятий, но и прелесть новизны. То и другое рождает бесчисленные споры с попреками равно и за приверженность ложным взглядам, внушенным в детстве, и за безудержную погоню за новизной. Кто нашел золотую середину? Пусть он подаст голос, пусть докажет свою правоту. Не существует такого понятия, самого, казалось бы, неоспоримого, воспринятого чуть ли не с пеленок, о котором кто-нибудь не сказал бы, что оно ложно и порождено недостатком знаний либо заблуждением чувств.

“Вы в детстве решили, — говорят одни, — что если ваши глаза ничего не видят в сундуке, значит, он пуст, и, таким образом, поверили в существование пустоты. Но это — обман чувств, поддержанный закоренелым предрассудком, и наука призвана его рассеять”. А другие не устают повторять: “Вас в школе учили, будто пустоты в мире нет, вот и заставили замолчать здравый смысл, твердо знавший, что пустота существует, пока его не сбила с толку вредоносная наука; забудьте ее и поверьте свидетельству чувств!” Кого же все-таки винить в обмане? Наши чувства или школьного учителя?

А вот еще один источник заблуждений — наши недуги. Они притупляют и наши чувства, и способность здраво судить. Воздействие тяжких болезней никто не станет оспаривать, но я убежден, что и легкие недомогания, пусть в меньшей степени, все же влияют на нас.

¹ О властвующем над миром общественном мнении (итал.).

Выгода тоже отличный инструмент, выкалывающий нам глаза, и притом к вящему нашему удовольствию. Но будь человек воплощением беспристрастия, все равно он себе не судья. Я знал людей, которые так боялись предвзятости, что впадали в противоположную крайность: например, готовы были неумолимо отказать в самом справедливом ходатайстве, если за ходатая хлопотали их близкие.

Истина и справедливость — точки столь трудно различимые, что, метя в них нашими грубыми инструментами, мы почти всегда даем промах. А если и случается попасть в точку, то размазываем ее и при этом прикасаемся ко всему, чем она окружена, — к неправде куда чаще, нежели к правде.

105. *Nae iste magno conatu magnas migas dixerit*¹.

106. *Quasi quidquam infelicius sit homine cui sua fig-menta dominatur*².

107. Воображение, понуждая нас непрерывно размышлять о том, что происходит в настоящем времени, так преувеличивает его существенность и, отвращая от размышлений о вечности, так преуменьшает ее существенность, что вечность мы превращаем в ничто, а ничто — в вечность, и так глубоки корни подобного образа мыслей, что разум не в силах воспрепятствовать...

108. Воображение умеет так преувеличить любой пустяк и придать ему такую важность, что он заполняет нам душу; с другой стороны, оно в своей бесстыжей дерзости уменьшает до собственных пределов истинно великое — например, образ Бога.

109. То, что порою больше всего волнует нас — к примеру, опасение, как бы кто-нибудь не проведал о нашей бедности, — часто оказывается сущей малостью.

¹ Вот он, сделав великое усилие, собирается изречь великие глупости (лат.).

² Словно есть большее несчастье, чем власть воображения над человеком (лат.).

Это песчинка, раздутая воображением до размеров горы. А стоит ему настроиться на другой лад — и мы с легкостью разбалтываем все, что прежде таили.

110. Я терпеть не могу хрипунов и людей, чавкающих за едой, — такая уж у меня причуда. Подобные причуды

весьма обременительны. А есть ли от них хоть какая-то польза? Может быть, мы взваливаем на себя это бремя, следуя своей натуре? Нет, просто мы им не сопротивляемся.

111. Дети, которые путаются рожи, ими же самими намалеванной, всего-навсего дети; но возможно ли существу, столь слабому в детстве, повзрослев, стать по-настоящему сильным? Нет, просто оно сотворяет себе другие призраки. Все, что постепенно совершенствуется, так же постепенно клонится к гибели. Все, что было слабым, никогда не станет истинно сильным. И пусть твердят: “Он вырос, он изменился” — нет, он все такой же.

112. Время потому исцеляет горести и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был раньше. И обидчик, и обиженный стали другими людьми. Точь-в-точь как разгневанный народ: не пройдет и двух поколений, и вы обнаружите: это по-прежнему французы, но они уже совсем другие.

113. Он больше не любит эту женщину, любимую десять лет назад. Еще бы! И она не та, что прежде, и он не тот. Он был молод, она была молода, а теперь ее не узнать. Ту, прежнюю, он, быть может, все еще любил бы.

114. Всякий раз мы смотрим на вещи не только с другой точки зрения, но и другими глазами — поэтому и считаем, что они переменились.

115. Два очень похожих друг на друга человеческих лица, ничуть не смешных порознь, кажутся смешными, когда они рядом.

116. Как суетна та живопись, которая восхищает нас точным изображением предметов, отнюдь не восхищающих в натуре!

3. Обычай

117. Quod crebro videt non miratur, etiamsi cur fiat nescit; quod ante non viderit, id, si evenerit, ostentum esse censet¹.

118. Spongia solis². — Когда одно явление неизменно следует за другим, мы делаем из этого вывод, что таков, значит, закон природы: например, что завтра утром взойдет заря и т. д. Но иной раз природа устраивает нам подвох и не подчиняется собственным правилам.

119. Что такое наши врожденные понятия, как не понятия, издавна ставшие привычными, и разве детьми мы не усвоили их от наших родителей, как животные — умение охотиться?

Противоположные обычаи порождают в нас противоположные понятия, чему есть множество примеров; если и существуют понятия, которые не может искоренить никакой

установившийся обычай, то ведь есть и обычаи, противные природе, но не подвластные ни ей, ни более поздним обычаям. Это уж зависит от обстоятельств.

120. Родители боятся, как бы естественная любовь детей к ним с годами не изгладилась. Но как может изгладиться естественное чувство? Привычка — наша вторая натура, и она-то сводит на нет натуру первоначальную. Но что такое натура? И разве привычка не натуральна в человеке? Боюсь, что эта натура — наша самая первая привычка, меж тем как привычка — наша вторая натура.

121. В людской натуре все натурально, *omne animal*³. Натуральным может стать все, натуральное может изгладиться.

¹ Человек не удивляется тому, что часто видит, даже если он не знает, почему это происходит. А вот если происходит такое, чего раньше не видел, это он считает чудом (лат.).

² Солнечная губка (лат.).

³ Всякая тварь (лат.).

122. Память не в меньшей мере чувство, нежели радость; даже геометрические теоремы и те могут стать чувствами, потому что под воздействием разума иные наши чувства становятся натуральными, меж тем как натуральные чувства тот же разум способен уничтожить.

123. Если люди привыкли неправильно объяснять какое-нибудь явление природы, они наотрез отказываются от правильного, когда такое объяснение бывает найдено. В качестве примера не раз приводили кровообращение, объясняющее, почему под наложенной тугой повязкой взбухает вена.

124. Предубеждение, приводящее ко многим ошибкам. — До чего же печально видеть, что люди только о средствах и рассуждают, а о цели вовсе не думают. Каждому важно, будет ли он соответствовать новому своему положению; что же касается выбора этого положения, равно как и родины, тут решает только судьба.

До чего же горестно видеть, что такое множество турок, еретиков, язычников следуют по стопам своих отцов только потому, что в них укоренилось предубеждение, будто избранный ими путь — наилучший. И от этого целиком зависит, кем станет человек — слесарем, солдатом и пр.

Вот почему дикарям ни к чему Прованс.

125. Мысли. — Все едино, все многообразно. Сколько разных натур в каждой человеческой натуре! Сколько разных призваний! А человек выбирает себе занятие наобум, просто потому, что это занятие кто-то похвалил. Хорошо сработанный башмачный каблук.

126. Башмачный каблук. — “Как хорошо сработано! Какой искусник этот мастеровой! Какой храбрец этот солдат!” Вот источник наших склонностей, вот под влиянием чего мы выбираем себе занятие. “Как много он пьет и совсем не пьянеет! Как мало он пьет!” Вот как люди становятся трезвенниками, пьяницами, солдатами, трусами и т.д.

127. Столь важен в жизни каждого человека выбор ремесла, а меж тем его решает случай. Каменщиками, солдатами, кровельщиками люди становятся потому, что так уж повелось. “Он отличный кровельщик”, — говорят одни и добавляют, когда речь заходит о солдатах: “Все они сумасброды!”; ну, а другие, напротив того, заявляют: “Только воины и занимаются настоящим делом, все остальные просто шалопаи”. Дети слышат, как хвалят одно ремесло, хулят другое, и вот выбор их сделан: ведь так естественно любить добродетель и ненавидеть безрассудство; эти слова не зря глубоко трогают нас, беда лишь в том, что мы не умеем правильно их применять в житейских обстоятельствах. Сила обычая такова, что созданных природой просто людьми сразу прикрепляют к какому-нибудь ремеслу: в одной местности все поголовно становятся каменщиками, в другой — солдатами и т. д. Разумеется, людская натура не так однообразна. Следовательно, дело в обычае, который ее одолевает, хотя случается иной раз и ей брать верх, и тогда человек следует своим склонностям наперекор обычаю, плох этот обычай или хорош.

128. Природа непрестанно повторяет одно и то же — годы, дни, часы; пространства, равно как и числа, неизменно следуют одно за другим. Таким образом возникает своего рода бесконечность и вечность. Все вышеперечисленное, взятое в отдельности, отнюдь не бесконечно и не вечно, но величины, сами по себе конечные, бесконечно умножаются. Так что, на мой взгляд, бесконечно только число, их умножающее.

129. Главнейший талант, который руководит всеми остальными.

4. Себялюбие

130. По самой своей природе себялюбие и вообще человеческое “я” способно любить только себя и печься только о себе. Но как ему быть? Не в его власти исцелить этот возлюбленный предмет от множества недостатков и слабостей: “я” хочет быть великим, но сознает, что ничтожно; хочет быть счастливым, но сознает, что несчастно; хочет быть совершенным, но сознает, что полно несовершенств; хочет вызывать в людях любовь и уважение, но сознает, что его недостатки рождают в них лишь негодование и презрение. Этот внутренний раздор рождает в человеке самую несправедливую, самую преступную из всех мыслимых страстей: смертельную ненависть к правде, которая, не сдаваясь, продолжает твердить о его недостатках. Он жаждет уничтожить правду, а увидев, что ему это не под силу, старается ее вытравить равно из собственного сознания и из сознания окружающих и прилежно таит свои недостатки от себя и от ближних, ярясь на каждого, кто указывает ему на них или хотя бы их видит.

Разумеется, очень плохо иметь много недостатков, но еще хуже, имея, не признаваться в них, ибо это означает, что к уже существующим добавляется еще один — сознательное введение в обман. Мы ведь не хотим, чтобы люди нас обманывали, считаем несправедливым их притязание на такое уважение, какого они не заслуживают; значит, обманывая их и притязая на незаслуженное уважение, мы сами тоже поступаем несправедливо.

Вот почему, когда люди указывают нам на дурные свойства и пороки, которыми мы действительно страдаем, они не только не причиняют нам зла, ибо ничуть не повинны в этих недостатках, но, напротив того, делают добро, помогая исцелиться от злого недуга — неведения собственных несовершенств. Мы не должны сердиться на тех, кто видит наши слабости и презирает нас, ибо сама справедливость требует и чтобы люди нас знали, и чтобы относились с презрением, если мы заслуживаем презрения.

Только такие чувства должны были бы возникать в сердце подлинно нелицеприятном и справедливом. А что сказать о нашем собственном сердце, в котором гнездятся чувства прямо противоположные? Ибо возможно ли отрицать, что мы ненавидим правду и говорящих ее и, напротив того, любим, когда люди заблуждаются насчет нас — разумеется, в нашу пользу, — и стараемся казаться им не такими, каковы мы на самом деле?

Приведу еще одно, повергающее меня в ужас, доказательство моей правоты. Католическая религия не требует публичного покаяния в грехах, она позволяет утаивать их от всех, кроме одного-единственного человека: лишь ему мы обязаны открыть всю подноготную, показать себя в истинном свете. Она запрещает нам вводить в обман его, и только его, а ему приказывает так свято блюсти тайну, что мы словно бы ни в чем и не сознавались. Неслыханное милосердие, неслыханная кротость! Но развращенность человека такова, что и это требование он находит слишком суровым, и оно стало одной из главных причин бунта, поднятого во многих европейских странах против истинной Церкви.

Как же неразумны, как глубоко несправедливы люди, если их возмущает требование быть с одним-единственным человеком такими, какими по всей справедливости они должны быть со всеми людьми! Ибо разве обманывать справедливо?

Большее или меньшее отвращение к правде присуще, видимо, всем людям без исключения, ибо оно неотъемлемо от себялюбия. Поэтому те, чья прямая обязанность — увещевать ближних, изворачиваются и, движимые ложной щепетильностью, идут на всякие уловки, всякие ухищрения, только бы никого не обидеть. Они тщатся умалить недостатки, прикидываются, будто прощают их, выговор чередуют с похвалой, неустанно заверяют в своей приязни и в полном своем уважении. Но лекарство не становится от этого слаще. Себялюбие пьет его маленькими глоточками, всегда с неудовольствием, а порою даже с тайной злобой на тех, кто это питье подносит.

Поэтому, если человек почему-либо хочет расположить нас к себе, он не станет оказывать услугу, нам неприятную, и будет обходиться с нами так, как мы сами того желаем: скроет правду, ибо мы ее ненавидим, начнет льстить, ибо мы жаждем лести, обманет, ибо мы любим обман.

Вот и получается, что с каждым шагом по пути мирского успеха мы на тот же шаг удаляемся от правды, так как чем полезнее людям наше расположение и опаснее неприязнь, тем больше они страшатся нас задеть. Монарх может стать посмешищем всей Европы, а он этого и не заподозрит. Что ж тут удивительного: правда идет на пользу тому, кто ее выслушивает, отнюдь не тому, кто говорит и, значит, навлекает на себя ненависть. Меж тем царедворцы дорожат своей выгодой больше, нежели выгодой монарха, и не торопятся принести пользу ему в ущерб себе.

Разумеется, от этого злосчастного притворства больше всего страдают сильные мира сего, но порою его жертвами становятся и простые смертные: ведь всегда есть резон снискать людское расположение. И выходит, что наша жизнь — нескончаемая иллюзия, ибо мы только и делаем, что лжем и льстим друг другу. В глаза нам говорят совсем не то, что за глаза. Людские отношения зиждутся на взаимном обмане, и как мало уцелело бы дружб, если бы каждый внезапно узнал, что говорят друзья за его спиной, хотя именно тогда они искренни и беспристрастны.

Итак, человек — это сплошное притворство, надувательство, лицемерие, причем не только когда речь идет о других, но и о нем самом. Он не желает слышать правду о себе, он избегает говорить ее другим, и эта склонность, противная разуму и справедливости, глубоко укоренилась в его сердце.

131. Если бы каждому человеку стало известно все, что за глаза говорят о нем ближние, на свете не осталось бы и четырех искренних дружеских связей — таково глубочайшее мое убеждение. Его подтверждают ссоры, вызванные пересказчиками случайно вырвавшихся неосторожных признаний.

132. Эпиграммы Марциала. — Людям по душе злое насмехательство, но не над кривыми и обездоленными, а над спесивыми счастливыми. Кто думает иначе, тот заблуждается.

Ибо корысть — источник всех наших побуждений, в том числе и человеколюбия. Нужно расположить к себе людей человеколюбивых и мягкосердечных.

133. Жалость к обездоленным вполне уживается с корыстолюбием. Более того, люди радуются возможности воздать дань добрым чувствам, прославиться мягкосердечием, ни единой малостью при этом не пожертвовав.

134. Люди ненавидят друг друга — такова уж их природа. И пусть они усердно пытаются поставить свое корыстолюбие на службу общественному благу — эти их попытки только лицемерие, подделка под милосердие, потому что в основе основ лежит все та же ненависть.

135. Своекорыстие послужило основой и материалом для превосходнейших правил общежития, нравственности, справедливости, но от этого не перестало быть все тою же гнусной основой человеческой природы, тем же *figmentum malum*¹: оно прикрито, но не уничтожено.

136. Пристрастие к собственному “я” заслуживает ненависти: вы, Митон, только скрываете его, но отнюдь не уничтожаете, значит, и вы заслуживаете ненависти. — “Вы

не правы: и я, и подобные мне, мы ведем себя так предупредительно со всеми, что ни у кого нет оснований нас ненавидеть”. — Это было бы верно, когда бы “я” заслуживало ненависти только за причиняемый им вред. Но моя к нему ненависть вызвана его неправедностью, его почитанием себя превыше всего и всех, поэтому я всегда буду его ненавидеть.

¹ Ступком зла (лат.).

Короче говоря, у человеческого “я” два свойства: первое — это “я” несправедливо по самой своей сути, ибо ставит себя превыше всего и всех; второе — оно стеснительно для других людей, неизменно стараясь подчинить их себе, так как “я” враждебно всем прочим “я”. И жаждет тиранически управлять ими. Пусть ваше “я” уже не стеснительно для ближних, но оно по-прежнему несправедливо и, значит, немилостиво всем ненавидящим несправедность, зато мило таким же несправедливым, у которых стало на одного врага меньше; итак, вы несправедливы и только у себе подобных способны вызвать приязнь.

137. **Несправедливость.** — Людям не удалось изобрести способ улаживать собственное корыстолюбие, не нанося при этом вреда другим людям.

138. До чего же извращены людские суждения, если нет на свете человека, который себя не ставил бы превыше всех прочих людей на свете и не дорожил бы собственным благом, каждым часом своего счастья и своей жизни больше, нежели благом, счастьем и жизнью всех прочих людей на свете!

139. Для каждого человека все сущее заключено в нем самом, потому что, когда он умирает, для него умирает и все сущее. Вот он и мнит, что для всех он тоже все сущее. Будем же судить о природе исходя не из нас, а из нее самой.

5. Гордыня и дух тщеславия.

140. Иные наши пороки — только отростки других, главных пороков: если срубить ствол, они отсохнут, как древесные ветви.

141. Стоит злонамеренности перетянуть на свою сторону разум, как она преисполняется гордыни и выставляет союзника напоказ во всем его блеске.

Стоит воздержанности или суровому подвижничеству потерпеть крах и признать победу естества, как злонамеренность, отмечая сию победу, снова преисполняется гордыни.

142. **Несправедливость.** — Самомнение в сочетании с ничтожеством — вот она, величайшая несправедливость.

143. **Противоречие.** — Наша гордыня, берущая верх над всем нашим горестным ничтожеством: она либо вообще его утаивает, либо, вынужденная признать, тут же начинает хвалиться способностью признать это ничтожество.

144. Гордыня перевешивает и сводит на нет в душе человека его сознание собственного горестного ничтожества. Вот уж и впрямь редкостное чудовище, вот уж бьющий в глаза самообман! Человек пал и утратил истинное свое место; теперь он беспокойно его ищет — это относится ко всем людям; посмотрим, кому удастся обрести утраченное.

145. Нам не довольно нашей собственной жизни и нашего подлинного существа: мы жаждем создать в представлении других людей некий воображаемый образ и для этого все время тщимся казаться. Не жалея сил, мы приукрашиваем и холим это воображаемое “я” в ущерб настоящему. Если нам свойственно великодушие, или спокойствие, или умение хранить верность, мы торопимся оповестить об этих свойствах весь мир и, дабы наградить ими нас выдуманных, готовы отобрать их у нас настоящих; мы даже не погнушаемся стать трусами, лишь бы прослыть храбрецами. Несомненное доказательство ничтожности нашего “я” в том и состоит, что это “я” не довольствуется только собою истинным или собою выдуманным и неустанно меняет их местами! Ибо кто отказался бы пойти на смерть ради сохранения чести, тот прослыл бы последним из подлецов.

146. Гордыня. — Любознательность — это все то же тщеславие. Чаще всего люди набираются знаний, чтобы потом ими похвалиться. Никто не стал бы путешествовать по морям ради одного удовольствия увидеть что-то новое; нет, в плавание отправляются в надежде рассказать об увиденном, поразглагольствовать о нем.

147. Общее глубоко укоренившееся заблуждение полезно людям, если речь идет о чем-то им вовсе не ведомом, например о Луне, влиянию которой приписывают и смену времен года, и моровые поветрия, и пр., ибо из всех поветрий самое распространенное — бесцельное любопытство людей ко всему для них не постижимому, так что лучше пусть заблуждаются, чем живут во власти такого беспокойного и бесплодного чувства.

148. Похвальнее всего те добрые дела, которые совершаются втайне. Читая о них в истории, например на странице 184, я от души радуюсь. Но, как видно, они остались не совсем в тайне — кто-то о них прознал; и пусть человек искренне старался их утаить, щелочка, через которую они просочились, все портит, ибо лучшее в добрых делах — это желание совершать их втайне,

149. Слава. — Восхищение развращает человека с молодых ногтей. “Как он замечательно сказал! Как замечательно поступил! Ну, не умница ли он!”

Воспитанники Пале-Рояля, не ведающие подстегиваний зависти и славолубия, впадают в нерадивость.

150. О жажде снискать уважение окружающих. — Терпя множество бед, впадая во множество заблуждений и пр., мы тем не менее одержимы гордыней, вошедшей в нашу плоть и кровь. Мы с радостью отдадим все, вплоть до жизни, лишь бы привлечь к себе внимание.

Тщеславие: игры, охота, хождение по гостям и театрам, пустое старание увековечить имя.

151. Мы так спесивы, что хотели бы прославиться среди всех людей, населяющих Землю, даже среди тех, которые появятся, когда мы уже исчезнем; мы так суетны, что тешимся и довольствуемся уважением пяти-шести человек, которые близко нас знают.

152. Люди не стараются стяжать всеобщее уважение в тех местах, где они — всего лишь прохожие, но очень заботятся об этом, если им случится там осесть хоть на малый срок. А на какой все-таки? На срок, соразмерный нашему мимолетному и брэнному бытию в этом мире.

153. Тщеславие так укоренилось в нашем сердце, что любой человек, будь то солдат или подмастерье, повар или грузчик, вечно чем-нибудь похваляется и жаждет обзавестись почитателями; хотят славы все — даже философы; сочинители трактатов против тщеславия хотят прославиться тем, что так хорошо о нем написали, а читатели этих трактатов — тем, что их прочли; и я, пишущий эти строки, тоже, может быть, хочу стяжать ими славу, и, быть может, будущие мои читатели...

154. Ремесла. — Слава так сладостна, что люди идут ради нее на все — даже на смерть.

155. (Слава.) — *Ferox gens nullam esse vitam sine armis rati*¹. Одни предпочитают смерть миру, другие — войне.

Люди ради любого своего убеждения готовы пожертвовать жизнью, хотя, казалось бы, любовь к ней так сильна и так естественна.

156. Противоречие: пренебрежение нашим бытием, смерть во имя любой безделицы, ненависть к нашему бытию.

157. Даже именитейшему вельможе следует не пожалеть усилий, чтобы обзавестись истинным другом, так он ему будет полезен, ибо друг не поскупится на похвалы и встанет за него горой не только при нем, но и в его отсутствие. Только бы не сделать ошибки при выборе, потому что, если он заручится дружбой дурака, проку от этрго не будет никакого, сколько бы тот его ни превозносил; впрочем, дурак и превозносить не станет, если не встретит поддержки: все равно с его мнением

¹ Свирепое племя, для которого немислима жизнь без оружия (лат.).

никто не посчитается, так уж лучше он позлословит за компанию.

158. Твой господин любит и превозносит тебя, но разве благодаря этому ты уже не его раб? Просто ты приносишь ему немалый доход. Сегодня твой господин тебя хвалит, а завтра прибьет.

6. Противоречия

159. Противоречия. — Человек от природы доверчив, недоверчив, робок, отважен.

160. Описание человека: зависимость, жажда независимости, множество надобностей.

161. Отдавая чужое творение кому-нибудь на суд, до чего же трудно не повлиять заранее на приговор! Говоря: “По-моему, это прекрасно!” или “По-моему, сплошная невнятица!” и прочее в том же роде, мы побуждаем воображение собеседника следовать за нами либо, напротив, нам сопротивляться. Всего лучше просто молчать — тогда он будет судить исходя из собственных убеждений, то есть из убеждений, присущих ему в данную минуту, и прочих обстоятельств, к которым мы не причастны. Таким образом, своего мнения мы ему не навяжем, если, разумеется, пренебречь тем, что и молчание воздействует по-разному, в зависимости от оттенков смысла, которые он пожелает в него вложить, и от выводов, которые сделает из наших жестов, мимики, тона, и от умения этого человека читать по лицам. Вот до какой степени трудно не повлиять на суждение любого из нас или, вернее, до какой степени редко оно бывает твердым и независимым.

162. Узнав главенствующую страсть человека, мы уже не сомневаемся, что путь к его сердцу нам открыт, а меж тем у любого, кого ни возьми, без счета причуд, идущих вразрез с его собственной выгодой, как он сам ее понимает; вот это сумасбродство людей и смешивает все карты в игре.

163. *Lustravit lampade terras*¹. — Погода мало влияет на расположение моего духа — у меня мои собственные туманы и погожие дни; порою оно даже не зависит от благоприятного или дурного оборота моих дел. Случается, я не дрогнув встречаю удары судьбы: победить ее так почетно, что, вступая с ней в борьбу, я сохраняю бодрость духа, меж тем как иной раз, при самых благоприятных обстоятельствах, хожу словно в воду опущенный.

164. Мы так жалки, что, радуясь чему-то нам удавшемуся, неизменно возмущаемся, если нас постигает неудача, а это может случиться — и случается — в любую минуту. Кто научился бы радоваться удаче, не возмущаясь неудачей, тот сделал бы удивительное открытие — все равно что изобрел бы вечный двигатель.

165. Когда человек занят каким-нибудь неприятным делом и при этом твердо рассчитывает на его счастливый исход, радуется малейшим успехам, но отнюдь не огорчается из-за неудач, тогда позволительно думать, что он вовсе не прочь проиграть это дело, тем не менее преувеличивает любой благоприятный признак, чтобы высказать крайнюю свою заинтересованность и напускной радостью скрыть подлинную, вызванную тайной уверенностью, что дело-то все равно проиграно.

166. Пока человек здоров, он недоумевает, как это ухитряются жить больные люди, но стоит ему прихворнуть, как он начинает глотать лекарства и даже не морщится: к этому его понуждает недуг. Нет у него больше страстей, нет желания пойти погулять, развлечься, рождаемого здоровьем, но несовместного с дурным самочувствием. Теперь у человека другие страсти и желания, они соответствуют его нынешнему состоянию и рождены все той же природой. Тем-то и мучительны страхи, выдуманные нами самими и отнюдь нам не соприродные, что заставляют терзаться страстями, чуждыми нашему теперешнему состоянию.

¹ Озаряет светочем земли (лат.).

167. По самой своей природе мы несчастны всегда и при всех обстоятельствах, ибо желания, рисуя нам полноту счастья, неизменно сочетают нынешние наши обстоятельства с удовольствиями, покамест недоступными: но вот мы обрели эти удовольствия, меж тем как счастья не прибавилось, потому что изменились наши обстоятельства, а с ними и желания.

Нужно раскрыть суть этого общего положения.

168. Мы нисколько не дорожим нашим настоящим. Только и делаем, что предвкушаем будущее и торопим его словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно слишком рано ушло: исполненные неблагоразумия, блуждаем во времени, нам не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое нам дано, исполненные тщеты, целиком погружаемся в исчезнувшее, бездумно ускользая от того единственного, которое при нас. А дело в том, что настоящее почти всегда причиняет нам боль. Когда оно горестно, мы стараемся его не видеть, а когда отрадно — горюем, видя, как быстро оно ускользает. Мы пытаемся продлить его, переправляя в будущее, тщимся распоряжаться тем, что не в нашей власти, мечтаем о времени, до которого, быть может, не дотянем.

Покопайтесь в своих мыслях, и вы найдете в них или прошлое, или будущее. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то лишь в надежде, что оно подскажет нам, как лучше устроить будущее. Настоящее никогда не бывает нашей целью, оно вместе с прошлым — средства, единственная цель — будущее. Вот и получается, что мы никогда не живем, только располагаем жить и, уповая на счастье, так никогда его и не обретаем.

169. Горестное ничтожество. — Горестное ничтожество человеческой судьбы глубже всех познали и лучше всех выразили в словах Соломон и Иов — счастливейший и несчастнейший из смертных: один на собственном опыте познал всю тщету наслаждений, другой — всю несомненность несчастий.

170. Человек чувствует, какая малость — все доступные ему наслаждения, но не понимает, какая тщета — все чаемые; в этом причина людского непостоянства.

171. Непостоянство. — У предметов множество свойств, у души множество склонностей, ибо все, что ей открывается, — непросто, и сама она, открываясь, всегда являет себя непростой. Поэтому одно и то же вызывает у человека то смех, то слезы.

172. Непостоянство. — Многие полагают, что человек отзывается на прикосновение, как обыкновенный орган. Он и впрямь орган, но причудливый, изменчивый, каждый со своими отличиями (и трубы в нем соединены без всякого порядка). Кто умеет играть только на обыкновенных органах, не извлечет согласных звуков из этого инструмента: надобно знать расположение всех его (регистров).

173. Непостоянство и причудливость. — Тот, кто живет трудами рук своих, и тот, кто властвует над самой могучей в мире державой, занимают положения, одно с другим несовместные. Однако эти положения объединены в персоне турецкого султана.

174. Пусть человеку нет никакого резона лгать, это отнюдь не значит, что он говорит чистую правду: иные люди лгут просто во имя лжи.

175. Нас утешает любая малость, потому что любая малость повергает в уныние.

176. Как могло случиться, что этот человек, который так удручен кончиной жены и единственного сына, да еще озабочен исходом нескончаемой тяжбы, — как могло случиться, что вот сейчас он отнюдь не погружен в скорбь и весьма далек от тяжких и беспокойных раздумий? Не удивляйтесь: он должен так отбить посланный ему мяч, чтобы тот отлетел к его партнеру: ведь если мяч, стукнувшись о крышу, упадет на землю, партия будет проиграна, — ну разве может человек, увлеченный подобным делом, думать о других своих делах? Столь достойное занятие просто не может не поглощать все силы этой возвышенной души, все до единой мысли этого разума. Человек, рожденный на свет, дабы познать Вселенную, судить обо всем и всех, править целыми державами, — этот самый человек целиком поглощен охотой на зайца. А кто не снизойдет до сего занятия,

захочет всегда быть на высоте, тот покажет себя еще большим глупцом, ибо это означает, что он пытается стать выше всего человечества, меж тем как на деле — обыкновеннейший человек, мало на что способный и способный на многое, ни на что и на все: он не ангел, не животное, он — человек.

177. Люди с увлечением гоняют мячи, гоняют зайцев; в этих занятиях находят отраду даже короли.

178. Тщета. — Люди живут в таком полном непонимании тщеты всей человеческой жизни, что приводят в полное недоумение, когда им говорят о бессмысленности погони за почестями. Ну не поразительно ли это?

179. На мой взгляд, Цезарь был слишком стар для такой забавы, как завоевание мира. Она к лицу Августу или Александру: эти были молоды, а молодым людям трудно обуздать себя, но Цезарю пристало проявить большую зрелость.

180. Чтобы до конца уяснить себе всю суетность человеческой натуры, довольно вдуматься в причины и следствия любви. Причина ее — “неведомо что” (Корнель), а следствия ужасны. Это “неведомо что”, эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет монархами, армиями, всем миром.

Нос Клеопатры: будь он чуть покороче, весь облик Земли был бы сегодня иным.

181. Когда толпы иудеев привели Иисуса Христа к Пилату и, начав обвинять Его, случайно помянули Галилею, это дало повод прокуратору послать Иисуса Христа к Ироду; и вот так воплотилось в жизнь таинство, вот так Он был судим иудеями и язычниками. То, что по виду было делом случая, оказалось причиной воплощения в жизнь таинства.

182. Пример нравственной воздержанности Александра Великого куда реже склоняет людей к самообузданию, нежели пример его пьянства — к распущенности. Ничуть не зазорно быть менее добродетельным, чем он, и, в общем, простительно — быть более порочным. Каждый полагает — не такой уж он заурядный распутник, если те же пороки были свойственны и великим людям, ибо никому не приходит в голову, что как раз в этом великие люди ничем не отличаются от заурядных смертных. Им подражают в том, в чем они подобны всем прочим, потому что, при этой возвышенности, какая-нибудь черта всегда уравнивает самых возвышенных с самыми низменными. Они не висят в воздухе, не оторваны от всего нашего общества. Нет, нет, они лица” потому больше нас, что на голову выше, но их ноги на том же уровне, что и наши, они попирают ту же землю. Эти их конечности нисколько не возвышаются над нами, над малыми сими; над детьми, над животными.

183. Стоит нам увлечься каким-нибудь делом — и мы тотчас забываем о долге: например, мы в восторге от какой-нибудь книги, вот и утыкаемся в нее, пренебрегая самыми насущными делами. В таких случаях следует взяться за что-либо очень скучное — и тогда, под предлогом, что у нас есть дело поважнее, мы возвращаемся к исполнению долга.

184. Люди безумны, и это столь общее правило, что не быть безумцем — тоже своего рода безумие.

185. Всего более меня удивляет то, что люди ничуть не удивляются немогущности своего разума. Они самым серьезным образом следуют заведенным обычаям, и вовсе не потому, что полезно повиноваться общепринятому, а потому, что твердо уверены: уж они-то не ошибутся в выборе разумного и справедливого. Ежечасно попадая впросак, они с забавным смирением винят в этом себя, а не те житейские правила, постижением которых так хвалятся. Подобных людей множество, они слыхом не слыхивали о пирронизме, но служат вящей его славе, являя собой пример человеческой способности к самым бессмысленным заблуждениям: они ведь даже не подозревают, насколько естественна и неизбежна эта немогущность их разумения, — напротив того, неколебимо убеждены в своей врожденной мудрости.

Особенно укрепляют учение Пиррона те, кто его не разделяет: будь пиррониками все без исключения, в пирронизме не содержалось бы ни крупинки истины.

186. Учение Пиррона укрепляют не столько его сторонники, сколько противники: бессилие человеческого разума куда более очевидно у тех, кто о нем не подозревает, нежели у тех, кто его создает.

187. Речи о смирении полны гордыни у гордецов и смирения — у смиренных. Точно так же полны самоуверенности речи людей самоуверенных, пусть даже они — последователи Пиррона: мало кто способен смиренно говорить о смирении, целомудренно — о целомудрии или высказывать сомнение, обсуждая пирронизм. Мы — вместилище лжи, двоедушия, противоречий, вечно скрытничаем и лицемерим перед самими собою.

7. Малоумие человеческой науки и философии

188. Письмо о малоумии человеческой науки и философии. Предшествует разделу о развлечении. *Felix qui poluit... Feiix, nihil admirari*¹. Двести восемьдесят видов величайшего блага у Монтеня.

189. (Но быть может, безмерностью своей этот предмет превосходит возможности нашего разума. Обратимся же к его измышлениям в той области, которая ему доступна. Нет на свете вопроса, который так близко бы его касался и, следовательно, толкал бы к особенно глубоким раздумьям, нежели вопрос, в чем же заключается высшее для него благо. Давайте посмотрим, к каким

¹ Счастлив, кто мог... Счастлив, ничему не удивляясь (лат.).

выводам пришли эти ясновидящие и сильные духом господа и царит ли между ними согласие.

Один говорит, что высшее благо — в добродетели, другой — в наслаждении, тот — в следовании голосу природы, этот — голосу истины: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*¹, кто-то — в полном неведении, а кто-то — в беззаботной неге, одни утверждают, что высшее благо — в сопротивлении всем обманчивым видимостям, другие — в способности ничему не удивляться: *Nihil mirari prope res una quae possit facere et servare beatum*²; ну а достопочтенные пирроники — в бесценной своей атараксии, в сомнении и отказе от категорических утверждений; наиболее же мудрые считают, что с помощью одного желания, даже и горячего, нам его вообще не обрести. Вот так-то.

Но если эта распрекрасная философия, невзирая на столь долгие и упорные труды, так и не пришла к единому определенному выводу, то, быть может, душа с помощью собственных своих усилий способна познать самое себя? Послушаем, что об этом говорят властители дум мира сего. Как они себе представляют, из чего она состоит? Удалось ли им открыть ее местоположение? Проведать, откуда она произошла, сколь долговременна, каким путем она отлетает?

Или душа тоже слишком благородный предмет для ее собственных непросвещенных взоров? Так пусть их опустит, снизойдет к миру материальному, — посмотрим, постигает ли она, из чего сотворено то самое тело, которое она одушевляет, и другие тела, видимые и подвластные ей. Что же все-таки постигли они, эти великие догматики-всезнайки? *Harum sententiarum*³.

Этим вполне можно было бы ограничиться, когда бы разум и впрямь отличался разумностью. Ее хватает

¹ Счастлив, кто мог познать причины вещей (лат.).

² Ничему не удивляться — вот почти единственный способ стать и остаться счастливым (лат.).

³ Из этих мнений (лат.).

на то, чтобы признать — да, покамест ничего незыблемого ему установить не удалось, но он отнюдь не теряет надежды, напротив, с прежним пылом продолжает поиски, убеждая себя, что у него достаточно сил для окончательной победы. Пусть же добивается ее, а потом, сопоставив эти мощные силы с достигнутым ими, сделаем выводы, попытаемся

определить, действительно ли он обладает теми органами и инструментами, которые необходимы для овладения истиной.)

190. Они твердят, будто затмения предвещают беду, но беды так часто постигают нас, так обыденны, что предсказатели неизменно угадывают; меж тем если бы они твердили, что затмения предвещают счастливую Жизнь, то столь же неизменно ошибались бы. Но счастливую жизнь они предсказывают лишь при редчайшем расположении небесных светил, так что и тут почти никогда не ошибаются.

191. (Предположение. — Не составит труда спустить разум еще на ступень — уж там-то он проявит себя во всей своей смехотворной нелепости. Ибо он сам даст нам доказательства этого.) — Что может быть абсурднее заявлений, будто неодушевленные тела испытывают страсти, боязнь, отвращение? Будто эти бесчувственные, безжизненные, более того, не способные к жизни тела могут преисполняться страстями, хотя непременное условие существования оных страстей — душа, чувствительная по крайней мере настолько, чтобы их чувствовать? Будто они могут бояться пустоты? Но что такого страшного в пустоте? И возможно ли утверждение более низменное и смехотворное? И это еще не все: согласно вышеприведенному утверждению, в неодушевленных телах скрыт некий источник движений, дающий им возможность избегать пустоты. Значит, у них есть ноги, руки, мышцы, нервы?

192. (Декарт. — Следует определить в общем виде: “Осуществляется это с помощью образа и движения” — так оно будет правильно. Но объяснить, каковы они, и воссоздать механизм — попытка смехотворная, ибо она бесполезна, бездоказательна, тягостна. А если бы удалась, мы считали бы, что все философские системы, вместе взятые, не стоят и часа потраченного на них времени.)

193. Написать против тех, кто тщится слишком углублять науки. Декарт.

194. Не могу простить Декарту: он стремился обойтись в своей философии без Бога, но так и не обошелся, заставил Его дать мирозданию толчок, дабы привести в движение, ну а после этого Бог уже стал ему не надобен.

195. Декарт бесполезен и бездоказателен.

196. Тщета наук. — Если я не знаю основ нравственности, наука об окружающем мире не принесет мне утешения в дни горестных испытаний, а вот основы нравственности утешают и при полном незнании наук о предметах окружающего мира.

197. Слабость. — Все усилия людей сводятся к тому, чтобы обрести как можно больше благ, но, обрета, они не в состоянии ни доказать, ни отстоять силой свои права на них, потому что все добытое ими — лишь пустые человеческие фантазии. Точно так же обстоит дело и с нашими знаниями, ибо малейший недуг сводит их на нет. Мы не способны овладеть ни истиной, ни благом.

8. Развлечение

198. Наша природа такова, что требует непрестанного движения; полный покой означает смерть.

199. Удел человека: непостоянство, тоска, тревога.

200. Тоска, снедающая человека, когда ему приходится бросать то, к чему он пристрастился. Некто вполне доволен своим домашним очагом, но вот он встретил женщину и увлекся ею или несколько дней кряду увлеченно играл в карты: заставьте его вернуться к прежнему образу жизни — и он затоскует. История из самых обыденных.

201. Тоска. — Нет на свете ничего более непереносимого для человека, нежели полный покой, не нарушаемый ни страстями, ни делами, ни развлечениями, ни вообще какими-нибудь занятиями. Вот тогда он и начинает по-настоящему чувствовать свою ничтожность, заброшенность, зависимость, свое несовершенство и бессилие, свою пустоту. Из глубины его души немедленно выползают тоска, угрюмство, печаль, горечь, озлобление, отчаянье.

202. Беспокойство. — Солдат пеняет на тяготы своего дела, пахарь — на тяготы своего, но попробуйте обречь их на безделье!

203. В сражении нас пленяет само сражение, а не его победоносный конец: мы любим смотреть на бои животных, а не на победителя, терзающего свою жертву, хотя, казалось бы, чего нам и ждать, как не победы? Однако стоит ее дожидаться — и мы сыты по горло. Точно так же обстоит дело и с любой азартной игрой, и с поисками истины. Мы любим следить за столкновением несхожих мнений во время диспутов, но вот обдумать найденную истину — нет уж, увольте: мы радуемся ей, лишь когда она при нас рождается в спорах. И со страстями то же самое: мы жадно следим за их противоборством, но вот одна победила — и какое это грубое зрелище! Нам важна не суть вещей, важны лишь ее поиски. Поэтому мало чего стоят те сцены в театральных пьесах, где довольство не сдобрено тревогой, несчастье — надеждой, где только и есть что грубое вожелание или безжалостная жестокость.

204. Чтобы понять смысл всех человеческих занятий, достаточно вникнуть в суть развлечений.

205. Развлечение. — Я нередко размышлял о какие треволнения, опасности и невзгоды подстерегают всех, кто живет при дворе или в военном лагере, где вечно зреют распри, дерзкие, а порою и преступные замыслы, бушуют страсти и т. д., и пришел к выводу, что главная беда человека — в его неспособности к спокойному существованию, к домоседству. Если бы люди, у которых довольно средств для безбедной жизни, умели, не томясь, а радуясь, сидеть в своем углу, разве пускались бы они в плавание или принимали бы участие в осаде крепостей? Они лишь потому транжируют деньги, покупая воинские должности, что им невыносим вид одних и тех же городских стен, и лишь потому ищут, с кем бы поболтать и развлечься игрою в карты, что томятся, сидя дома.

Но потом, когда я глубже вник в это людское свойство, порождающее столько бед, мне захотелось докопаться до причины, лежащей в его основе, и такая причина действительно обнаружилась, и очень серьезная, ибо состоит она в изначальной бедственности нашего положения, в хрупкости, смертности и такой горестной ничтожности человека, что стоит нам вдуматься в это — и уже ничто не может нас утешить.

В нашем мире из всех положений, обильных благами, доступными смертным, положение монарха, несомненно, наизавиднейшее, ибо он владеет всем, о чем только можно мечтать, но попробуйте лишить его развлечений, предоставить мыслям, долгим раздумьям о том, кто же он такой в действительности, — и это беззаботное счастье рухнет, монарх невольно вспомнит о грозящих ему бедах, о готовых вспыхнуть мятежах, более того — о смерти, о неизбежных недугах; вот тогда-то и окажется, что, лишенный так называемых развлечений, монарх несчастен, несчастнее самого жалкого из своих подданных, который в эту минуту играет в шары и вообще развлекается.

Вот почему люди так ценят игры и болтовню с женщинами, так стремятся попасть на войну или занять высокую должность. Не в том дело, что они рассчитывают обрести таким путем счастье, что и впрямь воображают, будто в карточном выигрыше или затравленном зайце таится истинное блаженство; им не нужен ни этот выигрыш, ни этот заяц. Все мы ищем не того мирного и ленивого существования, которое оставляет сколько угодно досуга для мыслей о нашей горестной судьбе, не военных опасностей и должностных тягот, но треволнений, развлекающих нас и уводящих прочь от подобных раздумий.

Вот почему люди так любят шум и суету, вот почему им так невыносимо тюремное заключение и так непонятны радости одиночества. Величайшее преимущество монарха в том и состоит, что его наперебой стараются развлечь, ублажить всевозможными забавами.

Монарх окружен придворными, чья единственная забота — веселить монарха и отвлекать его от мыслей о себе. Ибо, хотя он и монарх, эти мысли повергают его в скорбь.

Только это и смогли в поисках счастья придумать люди. До чего же мало понимает в человеческой натуре тот, кто, напустив на себя глубокомысленный вид, возмущается столь неразумным времяпрепровождением, как целодневная, охота на зайца, которого те же самые охотники погнушались бы купить! А дело в том, что заяц сам по себе не спасает от мыслей о смерти, о нашем бедственном положении, тогда как охота на него спасает, не оставляя места вообще ни для каких мыслей.

Поэтому, возражая на упрек — зачем, мол, они сломя голову гоняются за какой-то совершенно ненужной им добычей, — охотники, подумай они хорошенько, должны были бы сказать, что просто им нужна какая-нибудь волнующая, неистовая забава, дабы уйти от мыслей о себе, а бегущая дичь манит мчаться вдогонку и увлекает все помыслы охотника. Столь разумным возражением они поставили бы своих противников в тупик, но оно не приходит им в голову, потому что люди плохо разбираются в собственной душе. Им невдомек, что главная их цель — сама охота, а не дичь.

Они воображают, будто обретут покой, если добьются такой-то должности, забывая, как ненасытна их алчность, и впрямь верят, что лишь к этому покою и стремятся, хотя в действительности ищут одних только треволнений.

Некое безотчетное чувство толкает человека на поиски мирских дел и развлечений, и происходит это потому, что он непрерывно ощущает горестность своего бытия; меж тем другое безотчетное чувство — наследие, доставшееся от нашей первоначальной непорочной природы, — подсказывает, что счастье не в житейском водовороте, а в покое, и столкновение столь противоречивых чувств рождает в каждом из нас смутное, неосознанное желание искать бури во имя покоя, равно как и надежду на то, что, победив еще какие-то трудности, мы ощутим полное довольство и перед нами откроется путь к душевному умиротворению.

Так протекают дни и годы нашей жизни. Мы преодолеваем препятствия, дабы обрести покой, но, едва справившись с ними, начинаем тяготиться этим самым покоем, ибо сразу попадаем во власть мыслей о бедах уже нагрянувших или грядущих. И даже будь мы защищены от любых бед, томительная тоска, искони коренящаяся в нашем сердце, пробьется наружу и напитает ядом наш ум,

Так несчастен человек, что томится тоской даже без всякой причины, просто в силу особого своего склада, и одновременно так суетен, что, сколько бы у него ни было самых основательных причин для тоски, он способен развлечься любой малостью вроде игры в бильярд или мяч.

“Но, — спросите вы, — зачем ему нужно резаться в карты?” А затем, чтобы завтра похвалиться в кругу друзей — мол, я обыграл такого-то. И вот одни лезут из кожи вон в своих кабинетах, тщаь блеснуть перед учеными решением никем до сих пор не решенной алгебраической задачи, другие, на мой взгляд не менее глупые, подвергают себя смертельной опасности, чтобы похвалиться одержанной победой, и, наконец, третьи тратят все силы, стараясь запомнить эти события, но не затем, чтобы извлечь из них урок мудрости, а только чтобы показать свою осведомленность, и уж эти — самые глупые из всей честной компании, потому что они глупы со знанием дела, тогда как другие глупы, может быть, по неведению.

Иной человек живет, не ведая тоски, потому что ежедневно играет по маленькой. Но попробуйте каждое утро выплачивать ему столько денег, сколько он мог бы выиграть за день, запретив при этом играть, — и он почувствует себя несчастным. Мне, вероятно, возразят, что играет он для развлечения, а не для выигрыша. В таком случае позвольте ему играть, но не на деньги, — и опять он быстро затоскует, ибо в этой игре не будет азарта. Значит, развлечение развлечению рознь: тягучее, не оживленное страстью, оно никому не нужно. Человек должен увлечься, должен обмануть себя, убедив, будто обретет счастье, выиграв деньги, хотя не взял бы их, если бы взамен пришлось отказаться от игры, должен выдумать себе цель, а потом стремиться к ней, попеременно терзаясь из-за этой

выдуманной цели неутоленным желанием, злобой, страхом, — точь-в-точь как ребенок, который пугается рожи, им самим намалеванной.

Как могло случиться, что сей господин, недавно утративший единственного сына, изведенный всяческими дрязгами и тяжбами и пребывавший еще нынче утром в глубоком унынии, сейчас и думать забыл о своих горестях? Не удивляйтесь: он поглощен вопросом, куда ринется вепрь, которого уже шесть часов подряд ожесточенно травят собаки. Этого вполне достаточно. Как бы ни был опечален человек, но придумайте для него развлечение — и он на время обретет счастье, и как бы ни был счастлив человек, но отнимите у него все забавы, все буйные развлечения, прогоняющие тоску, — и он сразу помрачнеет, сразу почувствует себя несчастным. Нет развлечений — нет радости, есть развлечения — нет печали. Счастье сильных мира сего в том и состоит, что у них никогда не бывает недостатка в развлечениях и развлекателях.

И вот еще о чем следует подумать. Не потому ли стоит быть суперинтендантом, канцлером, председателем суда, что их с утра до ночи осаждают просители со всех концов страны, не оставляя ни часу на дню для мыслей о самих себе? А какими несчастными и покинутыми чувствуют себя эти люди, когда, попав в опалу, принуждены жить в своих поместьях, хотя у них там вдоволь добра и заботливых слуг: теперь-то им никто не мешает отдаваться мыслям о себе.

206. Р а з в л е ч е н и е . — Неужели монарху для полноты счастья не довольно одного лишь созерцания всего величия своего сана? И его, как зауряднейшего из смертных, надобно развлекать, тем самым мешая этому созерцанию? Я отлично понимаю, что забить человеку голову мыслями о том, изящно ли он танцует, и таким путем отвлечь от воспоминаний о семейных дрязгах — значит его осчастливить. Но так ли обстоит дело с монархом и станет ли он счастливее, если предпочтет суетные развлечения созерцанию собственного величия? Да и вообще, существует ли на свете занятие более благотворное для его ума? Может быть, побуждая короля старательно выделять танцевальные па в такт музыке или ловко отбивать мяч, ему мешают безмятежно наслаждаться ореолом блистательной своей славы и, значит, замутняют его радость? Что ж, пусть сделают попытку, пусть попробуют оставить монарха в полном одиночестве, ничем не ублажая чувства, ничем не занимая ум, без единого спутника, дабы он на досуге мог целиком предаться мыслям о себе, и тогда все обнаружат, что монарх, лишенный развлечений, — глубоко обездоленный человек. Вот почему все так бдительно следят за тем, чтобы монарх всегда был окружен людьми, чья единственная забота — перемежать его труды развлечениями, полнить досуг играми и забавами, дабы не оставалось даже минутных пустот; в общем, монарха неотступно сопровождают приближенные, которые только и думают, как бы не оставить повелителя наедине с самим собой, помешать ему погрузиться в мысли о себе, ибо всем понятно: даже монарх в таких случаях ощущает глубокую свою обездоленность. Я говорю все это о монархе-христианине именно как о монархе, а не как о христианине.

207. Р а з в л е ч е н и е . — Человек с молодых ногтей только и слышит, что он должен печься о своем добром имени, о своем благополучии, о своих друзьях и вдобавок еще о добром имени и благополучии этих друзей. Его обременяют множеством занятий, изучением иностранных языков, телесными упражнениями, неустанно вбивая в голову, что не быть ему счастливым, если он и помянутые друзья не сохраняют в должном порядке здоровья, имущества, доброго имени, и что нехватка даже самой малости равносильна несчастью. И на него обрушивают столько дел, возлагают столько обязанностей, что от зари до зари он в непрерывной суете. — “Вот уж диковинный способ помочь человеку стать счастливым! — скажете вы. — Не самый ли верный сделать его несчастным?” — Ну нет, есть вернее: отнимите у него все эти тягостные занятия, и он вдруг увидит себя, начнет думать, что же он такое, откуда пришел, куда идет, — вот почему человека необходимо погрузить в дела, тем самым отвратив от мыслей. И по той же причине,

изобретя для него множество важных дел, ему советуют каждый свободный час посвящать играм, развлечениям, не сидеть сложа руки.

Как пусто человеческое сердце и сколько нечистот в этой пустоте!

208. Всякое пышно обставленное развлечение идет во вред истинно христианской жизни, но из всех развлечений, придуманных в миру, особенно следует опасаться театра. Людские страсти показаны там столь изящно и столь натурально, что взбудораживают и порождают их в наших собственных сердцах. В первую голову это относится к любви, особенно если она предстает в облике целомудренном и возвышенном, ибо чем непорочнее явленная на подмостках любовь, тем глубже она затрагивает непорочные души; ну, а ее пылкость ублажает наше самолюбие, и в нем зреет желание зажечь в ком-то пламень, так искусно только что представленный; одновременно мы все больше укрепляемся в мысли, основанной на возвышенности изображенных комедиантами чувств, что подобные чувства отнюдь не опасны, и самые чистые души проникаются уверенностью, будто ничем не запятнают своей чистоты, если в них зародится столь благоразумная любовь.

И вот, когда человек уходит из театра, его сердце так переполнено всеми прелестями и красотами любви, а душа и ум так уверовали в ее непорочность, что он уже распахнут навстречу ее первым впечатлениям, вернее, уже ищет возможности посеять любовь в другом сердце и снять потом урожай таких же наслаждений и жертв, какие были только что так красиво изображены актерами.

209. Мы способны сосредоточенно размышлять только о чем-нибудь одном, думать сразу о двух предметах мы не умеем; вот и наши понятия о благе — от мира сего, а не от Бога.

210. Вне всякого сомнения, человек сотворен для того, чтобы думать: это и его главное достоинство, и главное дело всей жизни, а главный долг — думать, как ему приличествует. Что касается порядка, то начинать следует с размышлений о самом себе, о своем Создателе и о своем конце.

А о чем думают в свете? Отнюдь не об этих материях, а о том, как бы поплясать, побрыцать на лютне, спеть песенку, сочинить стишки, поиграть в кольцо и т. д., повоевать, добиться королевского престола, ни на минуту не задумываясь над тем, что же это значит — быть королем, быть человеком.

211. Кто не видит всей тщеты человеческого существования, тот сам исполнен тщеты. Впрочем, кто ж ее не видит, кроме, разумеется, юнцов, захлестнутых пустозвонством, развлечениями и мыслями о своем будущем? Но отнимите у них эти развлечения — и тотчас на ваших глазах они начнут сохнуть от тоски, почувствуют, пусть даже бессознательно, все свое ничтожество: человек так несчастно устроен, что, если ему нечем отвлечься от мыслей о себе, он немедленно погружается в глубокую печаль.

212. Мысли. — *In omnibus requiem quaesivi*¹. Будь наш земной удел поистине счастливым, у нас не было бы нужды все время отвлекать от него мысли, чтобы почувствовать себя счастливыми.

213. Развлечение. — Люди не властны уничтожить смерть, горести, полное свое неведение, вот они и стараются не думать об этом и хотя бы таким путем добиться счастья.

214. Несмотря на всю горестность своего удела, человек хочет быть счастливым, во что бы то ни стало счастливым, он просто не может этого не хотеть, но как добиться счастья? Для этого нужно было бы стать бессмертным, но бессмертия человеку не дано, и тогда он придумал выход — вообще ни о чем таком не думать.

215. Все дело в горестном ничтожестве человеческого существования: стоило людям уразуметь это — и они немедленно придумали развлечение.

216. Развлечение. — Если бы человек и впрямь был счастлив, он чувствовал бы себя тем счастливее, больше углублялся бы в себя, подобно святым и Господу Богу. — Пусть так, но ведь, предаваясь развлечениям, тоже можно чувствовать себя счастливым?

— Нет, нельзя, потому что, предаваясь развлечениям, человек покидает внутренний свой мир ради внешнего и тем самым становится зависимым, становится возможной жертвой тысячи случайностей, неизбежно приносящих с собой печали.

217. Горестное ничтожество. — Единственное, что способно нас утешить в горестном нашем уделе, — это развлечение, и вместе с тем именно оно — горчайшая наша беда: что, как не развлечение, уводит

¹ Повсюду я искал покой (лат.).

нас от мыслей о себе и тем самым незаметно толкает к гибели? Лишенные развлечений, мы ощутили бы такую томительную тоску, что попытались бы исцелить ее средством, чье действие не столь преходяще. Но развлечение тешит нас, и мы, сами того не замечая, спешим навстречу смерти.

218. Развлечение. — Легче умереть, не думая о смерти, нежели думать о ней, когда она даже еще не грозит.

219. Бояться смерти, когда мы вне опасности, а не когда она уже рядом, ибо человеку должно всегда быть человеком.

220. Мы так плохо понимаем самих себя, что порою ждем смерти, хотя находимся в добром здравии, или, напротив того, считаем себя совершенно здоровыми, хотя наша смерть уже на пороге, ибо не чувствуем ни приближения горячки, ни назревания гнояника.

221. Кромвель собирался стереть с лица земли всех истинных христиан; он уничтожил бы королевское семейство и привел к власти свое собственное, когда бы в его мочеточнике не оказалась крупинка песка. Несдобровать бы даже Риму, но вот появилась эта песчинка, Кромвель умер, его семейство вернулось в ничтожество, водворился мир, на троне снова король.

222. Внезапная смерть — вот единственное, чего следует страшиться; именно поэтому сильные мира сего всегда держат при себе духовника.

223. У великих и малых мира сего одинаковые беды, и неудовольствия, и страсти, только одних судьба поместила на ободу вертящегося колеса, а других — ближе к ступице, так что при любой тряске им легче устоять на ногах.

224. (Три гостеприимца.) Разве поверил бы тот, кто вел дружбу с королем английским, королем польским и королевой шведской, что когда-нибудь он может остаться без крова и пристанища?

225. Когда Августу сообщили, что по приказу Ирода были преданы избиению все младенцы, не достигшие двух лет, в том числе и собственный сын владыки, он сказал, что лучше уж быть поросенком Ирода, нежели его сыном. Макробий, “Сатурналии”, кн. II, гл. 4.

226. Мы беспечно устремляемся к пропасти, заслонив глаза чем попало, чтобы не видеть, куда бежим.

227. Пусть сама по себе пьеса и хороша, но последний акт кровав: две-три горсти земли на голову — и конец. Навсегда.

9. Человек в обществе

Неправедность людских законов

228. Пирронизм. — Все в этом мире отчасти истинно, отчасти ложно. Подлинная истина не такова: она беспримесно и безусловно истинна. Любая примесь пятнает истину и сводит на нет. В нашем мире нет ничего незамутненно истинного и, значит, все ложно — в сравнении, разумеется, с конечной истиной. Мне возражат: убийство дурно, вот вам конечная истина в чистом виде. Правильно, ибо мы хорошо знаем, что такое ложь и зло. Но в чем заключается добродетель? В целомудрии? Нет, отвечу я, потому что вымер бы род человеческий. В брачном сожительстве? Нет, в воздержании больше добродетели. В

том, чтобы не убивать? Нет, потому что воцарился бы чудовищный беспорядок и злодеи поубивали бы всех добропорядочных людей. В том, чтобы убивать? Нет, убийство уничтожает живую тварь. Наша истина и наше добро только отчасти истина и добро, к ним всегда примешаны ложь зло.

229. Все правила достойного поведения давным-давно известны, остановка за малым — за их воплощением в жизнь. Например, все знают, что во имя общего блага должно жертвовать жизнью, и некоторые действительно жертвуют, но вот во имя веры на такую жертву не идет никто.

Неравенство среди людей неизбежно, в этом никто не сомневается, но стоит его открыто признать — и уже распахнуты двери не только для сильной власти, но и для нестерпимой тирании.

Людскому разуму необходимо дать некоторую свободу, но стоит признать это — и уже распахнуты двери для самой гнусной распущенности. — “Что ж, ограничьте свободу”. — В природе не существует пределов: закон пытается их поставить, но разум не желает мириться с ними.

230. (...Тщета законов очевидна; он их обходит, значит, имеет смысл ими пренебрегать.) На какой же основе построит, он тот мир, которым собирается управлять? На прихоти кого попало? Вот уж будет неразбериха! На справедливости? Он понятия не имеет, что такое справедливость.

Если бы знал, разве придумал бы правило, главнейшее в людских сообществах и гласящее, что каждый должен повиноваться обычаям своей страны? Нет, свет истинной, справедливости равно сиял бы для всех народов, и законодатели руководствовались бы только ею, а не брали бы за образец прихоти и фантазии, скажем, персов или немцев. Неизменная, она царила бы во все времена и во всех странах мира, меж тем как на деле понятия справедливости и несправедливости меняются в зависимости от земных широт. На три градуса ближе к полюсу — и весь свод законов летит вверх тормашками; истина зависит от меридиана; несколько лет владычества — и самых коренных законов как не бывало; право подвластно времени; Сатурн, проходя через созвездие Льва, возвещает новое преступление. Хороша справедливость, которая справедлива лишь на этом берегу реки! Именуемое истиной по сю сторону Пиренеев именуется заблуждением по ту сторону!

Они утверждают, что справедливость гнездится не в обычаях, а в естественном праве, ведомом народам всех стран. И разумеется, эти люди упрямо стояли бы на своем, когда бы, по произволу случая, насаждающего человеческие законы, нашелся хоть один-единственный закон действительно всеобщий, но в том-то и состоит диво дивное, что из-за многообразия людских прихотей такого закона нет.

Воровство, кровосмешение, дето- и отцеубийство — какие только деяния не объявлялись добродетельными! Ну как тут не дивиться, — кто-то имеет право убить меня на том лишь основании, что я живу по ту сторону реки и что мой монарх поссорился с его монархом, хотя я-то ни с кем не ссорился!

Естественное право, безусловно, существует, но его, как и все прочее, вконец извратил этот наш распрекрасный и вконец извращенный разум. *Nihii amplius nostrum est; quod nostrum dicimus artis est*¹. *Ex senatus consultis et plebiscitis crimina exercentur*². *Ut olim vitiis, sic nunc legibus laboramus*³.

Эта. неразбериха ведет к тому, что один видит суть справедливости в авторитете законодателя, другой — в нуждах монарха, третий — в общепринятом обычае; последнее утверждение — наиболее убедительное, поскольку, если следовать доводам только разума, в мире нет справедливости, которая была бы неколебимо справедлива, не рассыпалась бы в прах под воздействием времени. Меж тем обычай справедлив по той простой причине, что он всеми признан, — на этой таинственной основе и зиждется его власть. Кто докапывается до корней обычая, тот его уничтожает. Всего ошибочнее

законы, исправляющие былые ошибки: человек, который подчиняется закону только потому, что он справедлив,

¹ Нам уже ничего не принадлежит; то, что я называю “нашим”, понятие условное (лат.).

² Преступления совершаются по постановлению сената и народа (лат.).

³ Некогда мы страдали из-за наших пороков, теперь страдаем из-за наших законов (лат.).

подчиняется справедливости, им же и выдуманной, а не сути закона: закон сам себе обоснование, он — закон, и этого достаточно. Любой вздумавший исследовать причину, его породившую, обнаружит ее легковесность, полную несостоятельность и, если еще не приучил себя спокойно взирать на все чудеса, творимые людским воображением, долго будет удивляться тому, что всего лишь за одно столетие люди начали относиться к оному закону столь почтительно, столь благоговейно. Искусство подтачивания и ниспровержения государственных устоев как раз и состоит в ломке общепринятых обычаев, в исследовании их истоков, в доказательстве их неосновательности, их несправедливости. “Нужно вернуться к первоначальным, имеющим твердую основу законам, сведенным на нет несправедливым обычаем”, — любят говорить в таких случаях. Но подобные игры ведут к несомненному проигрышу, ибо уж тут-то несправедливым оказывается решительно все. Меж тем народ охотно прислушивается к ниспровергателям. Он начинает понимать, что ходит в ярме, и пытается его сбросить, и терпит поражение вместе с любознательными исследователями установленных обычаев, и выгадывают при этом лишь сильные мира сего. Вот почему мудрейший из законодателей говорил, что людей ради их же блага необходимо время от времени надувать, а другой, тонкий политик, писал: “Cum veritatem qua liberetur ignoret, expedit quod fallatur”¹. Народ не должен знать об узурпации власти: когда-то для нее не было никакого разумного основания, но с течением времени она стала разумной; пусть ее считают неистребимой, вековечной, пусть не ведают, что у нее было начало, иначе ей быстро придет конец.

231. Мое, твое. — “Моя собака!” — твердили эти неразумные дети. “Мое место под солнцем!” — вот он, исток и образ незаконного присвоения земли.

¹ И так как он не ведает истины, дарующей освобождение, ему лучше быть обманутым (лат.).

232. В послании “О несправедливости” будет уместна шутка старшего брата, обращенная к младшему: “Друг мой, ты родился по эту сторону горы, значит, справедливость требует, чтобы все состояние унаследовал твой старший брат”. За что ты меня убиваешь?

233. “За что ты меня убиваешь?” — “Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь был бы злодеем, совершил бы неправо дело, если бы убил тебя, но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правое, и я совершил подвиг”.

234. Когда встает вопрос, следует ли начинать войну и посылать на бойню множество людей, обрекать смерти множество испанцев, решает его один-единственный человек, к тому же лицеприятный, а должен был бы решать кто-то сторонний и беспристрастный.

Подделки под справедливость. Общественное мнение и сила. Их тираническая власть

235. Veri juris¹. — У нас его больше нет: существуй оно, мы не считали бы мерилом справедливости нравы нашей собственной страны. И вот, отчаявшись найти справедливого человека, люди обратились к сильному и т. д.

236. Под справедливостью люди разумеют нечто уже установленное, поэтому все наши законы будут в свое время признаны справедливыми, ибо они уже установлены.

237. Справедливость. — Как зависит от моды наше представление об изяществе, так от нее же зависит и наше представление о том, что такое справедливость.

¹ Об истинном праве (лат.).

238. В вопросах обыденной жизни люди подчиняются законам своей страны, во всех остальных — мнению большинства. Почему? Да потому, что на их стороне — сила. А вот

на стороне монархов есть еще сильное войско, поэтому мнение большинства министров для них не закон.

Разумеется, было бы справедливо все блага разделить между людьми поровну, но так как еще никому не удалось подчинить силу справедливости, то стали считать вполне справедливым подчинение силе; за невозможностью усилить справедливость признали справедливой силу, дабы отныне они выступали рука об руку и на земле царил мир — величайшее из земных благ.

239. “Когда сильный с оружием в руках охраняет свой дом, тогда в безопасности его имени”.

240. Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно.

Почему люди следуют укоренившимся законам и убеждениям? Потому ли, что они здравы? Нет, потому что общеприняты и не дают прорасти семенам раздора.

241. Дело тут не в обычае, а в силе, потому что умеющие изобретать новое малочисленны, меж тем как большинство хочет следовать лишь общепринятому и отказывает в славе изобретателям, жаждущим прославиться своими изобретениями. Ну, а если те упорствуют и выказывают презрение не умеющим изобретать, их награждают поносными кличками, могут наградить и палочными ударами. Не хвалитесь же способностью своего ума изобретать новое, довольствуйтесь сознанием, что она у вас есть.

242. Миром правит не общественное мнение, а сила. — Но как раз общественное мнение и пускает в ход силу. — Нет, оно — порождение силы. По нашему общему мнению, мягкотелость — отличное качество. Почему? Да потому, что человек, вздумавший плясать на канате, всегда один как перст, а я тем временем сколочу банду сильных единомышленников, и все они начнут кричать, что пляска на канате — занятие непристойное.

243. Власть, основанная на общественном мнении, мягка, причудлива и скоропреходяща, меж тем как власть, основанная на силе, неискоренима. Поэтому если общественное мнение — это как бы самодержавный монарх, то сила — это тиран.

244. Тирания — это безудержное и не признающее никаких законов желание властвовать.

Множество покоев, в них — красавцы, силачи, благочестивцы, остроумцы, каждый — владыка у себя, но только у себя; если же им случится встретиться, они вступают в нелепую драку, скажем красавец с силачом, и каждый тщится подчинить себе другого, хотя суть их власти совершенно различна. Они не способны понять друг друга, и вина их в том, что каждый жаждет властвовать над всем миром. Но это не под силу даже самой силе: она ничего не значит в державе ученых, она властвует только над людьми действия.

Тирания. — Поэтому неразумны и тираничны их требования: “Я красив, значит, меня нужно бояться” или “Я силен, значит, меня нужно любить”.

Тирания — это желание добиться чего-то средствами, для этой цели неподобающими. Разным свойствам мы воздаем по-разному: привлекательности — любовью, силе — страхом, многознанию — доверием.

Такая дань в порядке вещей, отказывать в ней не-справедливо, равно как несправедливо требовать какой-нибудь другой. Точно так же, как неразумно и тиранично утверждать: “Он не наделен силой, значит, я не стану его уважать, он не наделен талантами, значит, я не стану его бояться”.

245. Монарх и тиран. — У меня тоже были бы тайные замыслы. При каждом путешествии я принимал бы меры предосторожности. Великолепие установленного церемониала, почтение к нему. Неотъемлемое удовольствие сильных мира сего — возможность одарять счастьем. Неотъемлемое свойство богатства — раздавать себя, не считая. Отличительное свойство любого явления или предмета открывается лишь тем, кто его ищет. Отличительное свойство могущества — оказывать покровительство. Когда сила

нападает на лицемерие, когда простой солдат хватается квадратную шапочку главного судьи и выкидывает ее за окно.

246. Господь все сотворил во имя Свое, дал власть казнить и миловать во имя Свое. Вы можете либо признать, что она — от Бога, либо считать, что неотделима от вас. В первом случае вы будете руководствоваться Евангелием. Во втором — уподобите себя Богу. И как вокруг Него всегда толпятся милосердцы, вымаливая благо милосердия, Ему одному принадлежащее, так... Познайте же себя, поймите, что вы всего лишь владыка похоти, и продолжайте идти ее путями.

247. Причина следствий. — Похоть и сила — два истока всех наших поступков: похоть — источник поступков произвольных, сила — непроизвольных.

*Заключение, основанное на следующих фактах. Наша справедливость
несправедлива*

248. Кто не любит истину, тот обычно отворачивается от нее под предлогом, что она оспорима и что большинство ее отрицает. Следовательно, его заблуждение вызвано нелюбовью к истине или милосердию, и, следовательно, этому человеку нет прощения.

249. Они прячутся в гуще людских скопищ и призывают эти скопища себе на помощь. Беспорядки.

Не пререкаемость. — Если вам говорят: такое-то правило должно быть основой вашей веры, помните, ничему не следует верить, пока ваша душа сама не раскроется вере, словно ничего похожего вы прежде не слышали.

Вера должна держаться на голосе вашего собственного разума и на согласии с самим собой, а не на чьих-то требованиях уверовать.

Верить так насущно необходимо! Множество противоречий перестают быть противоречиями. Если в древности правилам веры наставляло язычество, значит ли это, что все люди жили тогда несправедливо? Все ли были согласны, все ли обречены на гибель?

Лжесмирение, гордыня. Поднимите завесу. Ваши старания напрасны; все равно нужно выбирать между верой, неверием и сомнением. Неужели у нас так и не будет основополагающего правила? Мы судим о животных, хорошо ли они умеют делать то, что делают. А правила, чтобы судить о людях, мы так и не обретем? Отрицание, вера и сомнение для людей все равно что бег для коня. Кара для погрешающих — заблуждение.

250. Споры вокруг какого-нибудь положения отнюдь не свидетельство его истинности. Иной раз несомненное вызывает споры, а сомнительное проходит без возражений. Споры не означают ошибочности утверждения, равно как общее согласие — его истинности.

251. Противоречия для того и существуют, чтобы ослеплять неправедных, ибо все, что идет вразрез с истиной и милосердием, дурно; это основа основ.

252. Я долгие годы прожил в твердой уверенности, что есть на свете справедливость, и не ошибался: она и впрямь есть — в той мере, в какой Господь пожелал нам ее открыть. Но я не принимал в расчет этой оговорки, и вот тут-то и крылась моя ошибка, ибо, полагая, что наша справедливость по самой своей сути всегда справедлива, был убежден в собственной способности постичь ее и в соответствии с нею справедливо судить. Ноя я столько раз был не прав в своих суждениях, что в конце концов перестал верить сперва себе, а потом и другим. Я увидел, как меняются целые страны и отдельные люди, сам сменил множество суждений о сути истинной справедливости и таким путем пришел к выводу, что переменчивость заложена в основе нашей натуры; с этой минуты я перестал меняться, ну, а случись мне измениться, лишний раз подтвердил бы правильность этого моего суждения.

Пирроник Аркесилай, который вновь становится догматиком.

253. Людям потому не наскучивает каждый день есть, пить и спать, что желание есть, пить и спать ежедневно возобновляется, а не будь этого, несомненно, наскучило бы.

Поэтому тяготится духовной пищей лишь тот, кто не испытывает духовного голода.
Жажда справедливости — высшее блаженство.

Глава III. ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕКА — В ЧЕМ ОНО ПРОЯВЛЯЕТСЯ

254. Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели существования человека, и тогда он возвышен и ни с кем не сравним, или исходя из обычных присущих ему свойств, как мы судим о лошади или собаке по обычным присущим им свойствам — резвости бега et animum arcendi¹, — и тогда человек низок и отвратителен. Эти два возможных пути суждения о нем привели ко множеству разногласий и философских споров.

Ибо одни, оспаривая других, утверждают: “Человек не рожден для этой цели, потому что все его поступки несовместны с ней”, а те, в свою очередь, твердят: “Эти низменные поступки просто удлиняют путь к цели — вот и все”.

1. В качестве итога всему, что касается его чувства собственного ничтожества.

Мысль

255. Величие человека тем и велико, что он сознает свое горестное ничтожество. Дерево своего ничтожества не сознает.

Итак, человек чувствует себя ничтожным, потому что сознает свое ничтожество; этим-то он и велик.

¹ Стремлению отогнать (лат.).

256. Чтобы чувствовать себя ничтожным, нужно обладать способностью чувствовать: разрушенный дом лишен этой способности. Свое ничтожество чувствует только человек. Ego vir videns¹.

257. Величие человека — в его способности мыслить.

258. Я легко представляю себе человека безрукого, безногого, безголового (ибо только опыт учит нас, что голова нужнее ног), но не могу себе представить человека, не способного мыслить: это уже будет не человек, а камень или тупое животное.

259. История Лианкура про щуку и лягушку: сколько раз ее уже повторяли, не меняя ни сути, ни формы.

260. Если бы какое-нибудь животное умело что-то делать по подсказке разума, а не инстинкта и умело говорить по подсказке разума, а не инстинкта, как оно говорит, когда охотится и предупреждает себе подобных, что настигло или упустило добычу, оно говорило бы и о том, что еще больше его затрагивает, например: “Перегрызите эту веревку, она больно врезается мне в тело, а я не могу до нее дотянуться”.

261. Попугай, который чистит свой клюв, хотя он совершенно чистый.

262. Действия арифметической машины больше похожи на действия мыслящего существа, нежели животного, но у нее нет собственной воли к действию, а у животного она есть.

263. Мысль. — Все достоинство человека — в его способности мыслить. Ну, а сами эти мысли, — что о них можно сказать? До чего же они глупы!

Итак, мысль по своей природе замечательна и несравненна, и только самые диковинные недостатки способны превратить ее в нелепость. Так вот, их полным-полно, и притом донельзя смехотворных. Как она возвышенна по своей природе и как низменна из-за этих недостатков!

¹ Я человек испытывший (лат.).

264. Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, — человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает. Итак, все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не

пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить благопристойно, в этом — основа нравственности.

265. Мыслящий тростник. — Наше достоинство — не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Я ничего не приобретаю, сколько бы ни приобретал земель: с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня как некую точку; с помощью мысли я охватываю всю Вселенную.

266. Нам следует повиноваться разуму беспрекословнее, чем любому владыке, ибо кто перечит владыке, тот несчастен, а кто перечит разуму, тот дурак.

267. Чихает ли человек, справляет ли надобность — на это уходят все силы его души; тем не менее подобные действия, будучи произвольными, нисколько не умаляют величия человека. И хотя он делает это самолично, но делает не по своей воле, не ради помянутых действий, а совсем по другой причине; следовательно, никто не вправе обвинить его в слабости и в подчинении чему-то недостойному.

Человеку не зазорно отдаться во власть горя, но зазорно отдаться во власть наслаждения. И совсем не в том дело, что горе приходит к нам незванным, а наслаждения мы ищем, — нет, горе можно искать и по собственной воле отдаваться ему во власть и при этом ничуть себя не унижать. Но почему все-таки, предаваясь горю, разум окружает себя ореолом величия, а предаваясь наслаждению, покрывает позором? Да потому, что горе вовсе не пытается нас соблазнить, не вводит в искушение, это мы сами по собственной воле склоняемся перед ним, признаем его власть и, значит, остаемся хозяевами положения, мы покорны себе, и только себе, меж тем как, наслаждаясь, становимся рабами наслаждения. Умение распоряжаться, владеть собой всегда возвеличивает человека, рабство всегда покрывает его позором.

2. В заключение всего сказанного о его ничтожестве. Бессознательный порыв к истине и благу даже и в пору заблуждений

268. Величие человека. — Величие человека так несомненно, что подтверждения тому содержатся даже в самом его ничтожестве. Ибо присущее животным природное начало мы именуем горестным ничтожеством в человеке, тем самым признавая, что если теперь он мало чем отличается от животного, то некогда, до грехопадения, наша природа была непорочна.

Ибо кто сильнее тоскует по монаршему сану, чем низложенный властелин? Разве считали Павла Эмилия несчастным, когда кончился срок его консульства? Напротив, думали: какой он счастливец, все-таки был консулом, ну, а пожизненно это звание никому не дается. Меж тем монарший сан — пожизненный, поэтому царя Персея считали таким несчастным, что дивились: как это он не лишил себя жизни. Кто страдает из-за того, что у него только один рот? И кто не страдал бы, стань он одноглазым? Никому в голову не придет горевать из-за отсутствия третьего глаза, но безутешен тот, кто ослеп на оба.

269. Именно этим горестным ничтожеством и подтверждается величие человека. Он горестно ничтожен как властелин, как низложенный король.

270. Мы жаждем истины, а находим в себе одну лишь неуверенность. Мы ищем счастье, а находим лишь обездоленность и смерть. Мы не в силах не искать истину и счастье, мы не в силах обрести уверенность и счастье. Это желание заложено в нас и чтобы покарать, и чтобы мы всегда помнили, с каких высот пали на землю.

271. Человек познает, что он такое, с помощью двух наставников: инстинкта и опыта.

272. Инстинкт и разум — признаки двух различных природных начал.

273. Инстинкт, разум. — Мы бессильны что-либо доказать, и никакому догматизму не перебороть этого бессилия. В нас заложено понимание того, что такое истина, и этого понимания не перебороть никакому пирронизму.

274. Хотя мы и сознаем все горестное ничтожество нашего бытия, то и дело хватающее нас за горло, в нашей душе неистребимо живет некое бессознательно возвышающее нас чувство.

275. Человек никак не может понять, к кому в этом мире себя сопричислить. Он чувствует, что заблудился, что упал оттуда, где было его истинное место, а дороги назад отыскать не в силах. Снедаемый тревогой, он неустанно и безуспешно ищет ее, блуждая в непроглядной тьме.

276. Славолюбие — самое низменное из всех свойств человека и вместе с тем самое неоспоримое доказательство его возвышенной сути, ибо, даже владея обширными землями, крепким здоровьем, всеми насущными благами, он не знает довольства, если не окружен общим уважением. Он испытывает такое уважение к человеческому разуму, что даже почтеннейшее положение в нашем земном мире не радует его, если этот разум отказывает ему в людском почете. Почет — заветнейшая цель человека, он всегда будет неодолимо стремиться к ней, и никакими силами не искоренить из его сердца желания ее достичь.

И даже если человек презирает себе подобных, если приравнивает их к животным, все равно, вопреки своим же убеждениям, он будет добиваться людского признания и восторженных чувств: ему не под силу сопротивляться собственной натуре, которая твердит ему о величии человека более убедительно, нежели разум — о низменности.

277. Слава. — Животные не способны восхищаться друг другом. Лошадь не приходит в восхищение от другой лошади; конечно, они соревнуются на ристалище, но это не имеет значения: в стойле самый тихоходный, дрянной коняга никому не уступит своей порции овса, а будь он человек — волей-неволей пришлось бы уступить. Для животных их достоинства уже сами по себе награда.

278. Величие человека. — У нас сложилось такое высокое представление о человеческой душе, что мы просто из себя выходим, чувствуя в ком-то неспособность оценить наши достоинства, душевное неуважение к нам, и бываем по-настоящему счастливы только этим уважением.

279. Зло кому угодно дается без труда, оно многолико, а вот у добра почти всегда один и тот же лик. Но существует разновидность зла, столь же редкая, как то, что мы именуем добром, — вот почему этот особый вид зла нередко слывет добром. Более того, совершающий подобное зло должен обладать не меньшим величием души, нежели творящий истинное добро.

280. Людей нередко приходится упрекать за излишнюю доверчивость. Суеверие — порок не менее распространенный, чем маловерие, и столь же зловерный.

281. Маловеры особенно склонны к суеверию. Они верят в чудеса, вершимые Веспасианом, только чтобы не поверить в чудеса, вершимые Моисеем.

282. Суеверие — любострастие.

Колебания — греховные вожеления.

Неправедный страх — это страх, проистекающий не из веры в Господа, а из сомнения в Его бытии! Праведный страх проистекает из веры, зловерный — из сомнения. Праведный страх сочетается с надеждой, потому что он рожден верой в Бога, равно как и надеждой на Него; зловерный страх сочетается с отчаяньем, ибо он рожден боязнью того самого Бога, в которого не верят. Верующие боятся утратить Бога, неверующие — обрести Его.

Людская справедливость и причина следствий

283. Величие. — Если говорить о причинах следствий, то они лишний раз подтверждают величие человека, — мысль о неукоснительном порядке подсказало ему своекорыстие.

284. Человек велик даже в присущем ему своекорыстии, ибо именно это свойство научило его блюсти образцовый порядок в делах и творить добро согласно расписанию.

285. Справедливость, сила. — Справедливо подчиняться справедливости, невозможно не подчиняться силе. Справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична. Бессильная справедливость неизменно будет встречать сопротивление, потому что дурные люди никогда не переведутся на свете, несправедливая сила всегда будет вызывать возмущение. Значит, нужно объединить силу со справедливостью и либо справедливость сделать сильной, либо силу — справедливой.

Справедливость легко оспорить, сила очевидна и неоспорима. Поэтому справедливость так и не стала сильной — сила не признавала ее, утверждая, что справедлива только она, сила, — и тогда люди, увидев, что им не удастся сделать справедливость сильной, порешили считать силу справедливой.

286. Занятное зрелище являют собой иные люди: отвергнув все законы, заповеданные Богом и природой, они безотказно повинуются законам, ими же самими придуманным, — взять хотя бы, к примеру, воинов Магомета, воров, еретиков и пр. К этой компании принадлежат и логики. Их своевольству, судя по всему, нет и не может быть ни границ, ни преград — столько законнейших и священнейших они уже презрели.

287. Монтень не прав: обычаю надобно следовать, потому что он — обычай, а вовсе не потому, что он разумен или справедлив. Меж тем народ соблюдает обычай, твердо веря в его справедливость, иначе немедленно отказался бы от него, так как люди согласны повиноваться только разуму и справедливости. Неразумный или несправедливый обычай был бы сочтен тиранским, а вот власть разума и справедливости, равно как и власть наслаждения, никто не обвинит в тиранстве, ибо стремление к тому, и другому, и третьему неотрывно от самой человеческой природы.

Итак, всего лучше было бы подчиняться законам и обычаям просто потому, что они — законы, уразуметь, что ничего истинного и справедливого все равно не придумать, что нам в этом не разобраться и, стало быть, следует принять уже принятое, никогда и ничего в нем не меняя. Но народ глух к подобным рассуждениям, он убежден, что обрести истину ничего не стоит, она — в этих законах и обычаях, поэтому и верит им, считая древность происхождения доказательством содержащейся в них истины (а не просто правомочности), потому и готов им повиноваться. Но стоит объяснить народу, что такие-то законы и обычаи никуда не годятся, — и он поднимет бунт. А ведь если на любой закон или обычаи посмотреть под определенным углом зрения — он и впрямь никуда не годится.

288. Несправедливость. — Опасно говорить народу, что законы несправедливы, — он повинуется им лишь до тех пор, пока верит в их справедливость. Стало быть, народу следует неустанно внушать: законам должно повиноваться просто потому, что они — законы, равно как власти предержащей — просто потому, что она — власть, независимо от их справедливости. Если народ усвоит все вышесказанное, опасность бунта будет предотвращена, а это, по сути дела, и есть определение справедливости.

4. Превращение “за” в “сиротив” и “против” в “за”

289. Узы почтения, которыми одни члены общества связаны с другими, по существу следует назвать цепями необходимости, потому что различие в общественном положении людей неизбежно: главенствовать хотят все, но способны на это немногие.

Представим себе, что на наших глазах складывается некое человеческое сообщество. Ясно, что вначале неизбежны бесчисленные стычки, пока сильнейшая партия не победит более слабую и не станет партией правящей. А когда это произойдет, победители, не желая без конца длить войну, пустят в ход подвластную им силу и установят такой порядок, какой считают наилучшим: одни предпочтут народовластие, другие — престолонаследие и т. д.

И вот тут в игру вступает воображение. До сих пор властвовала сила как таковая, а теперь она уже начинает опираться на воображение, которое во Франции возвеличивает дворян, в Швейцарии — простолюдинов и т. д.

Стало быть, узы почтения, которыми людское множество связано с таким-то или таким-то имярек, суть узы воображаемые.

290. В мире все решает сила, поэтому власть герцогов, королей, судей вполне ощутима и насущна; так оно было, так оно есть везде и всюду. Но поскольку власть того или иного герцога, короля, судьи основана на чистом воображении, она неустойчива, подвержена изменениям и т. д.

291. Если швейцарца назвать человеком высокородным, он оскорбится и скажет, что все его предки были простолюдины, — иначе этого человека сочтут недостойным занимать высокие посты.

292. Хранитель королевской печати напускает на себя важный вид и всегда ходит в пышном облачении, потому что должность его — дутая. Этого никак не скажешь о короле, за ним сила, ему не нужна помощь воображения. А вот за судьями, лекарями и пр. только и стоит что воображение.

293. Привычка видеть короля в окружении охраны, барабанщиков, военных чинов и вообще всего, призванного внушать подданным почтение и страх, ведет к тому, что, даже когда короля никто не сопровождает, один его вид уже вселяет в людей почтительный трепет, ибо в своих мыслях они неизменно связывают особу короля с теснящейся вокруг него свитой. Народ, не понимая, что помянутые чувства вызваны уже сложившейся привычкой, приписывает их особым свойствам королевского сана. Этим и объясняется ходячее выражение: “На его челе — печать Божественного величия” и т. д.

294. Платон и Аристотель неизменно представляются нам надутыми буквоедами. А в действительности они были благовоспитанными людьми, любили, подобно многим другим, пошутить с друзьями, а когда развлекались сочинением — один “Законов”, другой “Политики”, — оба писали как бы играючи, потому что сочинительство полагали занятием не слишком почтенным и мудрым, истинную же мудрость видели в умении жить спокойно и просто. За политические писания они брались, как берутся наводить порядок в сумасшедшем доме, и напускали при этом на себя важность только потому, что знали: сумасшедшие, к которым они обращаются, мнят себя королями и императорами. Они становились на точку зрения безумцев, чтобы по возможности безболезненно умерить их безумие.

295. Народная мудрость. — Нет беды страшнее, нежели гражданская смута. Кто захочет всех наградить по заслугам, тот неизбежно ее развяжет, ибо каждый начнет кричать, что именно он заслужил награждения. Если по праву наследства на трон взойдет дурак, он тоже может наделать немало бед, но все же не столь великих и неизбежных.

296. Из-за людского сумасбродства самое неразумное становится подчас самым разумным. Что может быть неразумнее, чем избрание главой государства королевского первенца? Ведь не взбретет же никому в голову избирать капитаном судна знатнейшего из пассажиров! Такой закон был бы нелеп и несправедлив, но, поскольку люди сумасбродны и пребудут таковыми до скончания веков, закон о престолонаследии стал считаться и разумным, и справедливым, ибо в противном случае на ком остановить выбор? На самом добродетельном и одаренном? Но тогда рукопашная неизбежна, потому что каждый станет утверждать, что именно он всех добродетельнее и всех одареннее. Значит, пусть нами правит человек, обладающий неким неоспоримым признаком. Вот он, этот человек, — старший сын короля, тут все ясно, спорить не о чем. Наш разум нашел наилучший выход, ибо нет беды страшнее, чем гражданская смута.

297. Мощь королей равно зиждется на разуме народа и на его неразумии, причем на втором больше, чем на первом. В основе величайшего и неоспоримейшего могущества лежит слабость, и эта основа поразительно устойчива, ибо каждому ясно, что слабость

народа неизменна. А вот основанное на здравом разуме весьма шатко — например, уважение к истинной мудрости.

298. Народная мудрость. — Щеголь вовсе не пустоголов: он показывает всему свету, что на него поработало немало людей, что над его прической трудились лакей, парикмахер и др., а над брыжами, шнурками, позументами и т. д. Все это вовсе не пустая блажь, красивая сбруя, а знак того, что у владельца этой сбруи много рук: ведь чем у человека больше рук, тем он сильнее. Щеголь показывает всему свету, что он — сильный человек.

299. Причина следствий. — Ну и ну! От меня требуют, чтобы я не выказывал почтения человеку, одетому в полупарчу и окруженному десяткам лакеев! Да если я ему не поклонюсь, он прикажет всыпать мне горячих! Его наряд — знак силы. Даже коней и тех судят по богатству сбруи. Хорош Монтень, который будто бы не понимает, в чем тут дело, и удивляется, что другие понимают, и просит объяснить ему причину. “С чего бы это...” — вопрошает он и т.д.

300. Причина следствий. — Человеческая слабость — источник многих прекрасных свершений, например искусной игры на лютне. Плохо в этом только одно: источник-то — наша слабость.

301. Вам, разумеется, случалось встречаться с людьми, которые, жалуясь на ваше неуважение к ним, ссылаются, при этом на влиятельных особ, которые высоко их ценят. Я ответил бы им так: “Объясните мне, какими добродетелями вы расположили к себе оных особ, и я буду ценить вас не меньше, чем они”.

302. До чего же это правильно — различать людей не по их внутренним свойствам, а по внешним признакам! Кто из нас двоих пройдет первый? Кто уступит дорогу другому? Тот, кто менее проворен. Но мы равно проворны, так что придется пустить в ход силу. У него четыре лакея, у меня только один, — это ясно как день, считать до четырех умеет каждый, уступить должен я, спорить было бы глупо. Таким образом, мир между нами сохранен, а что на свете дороже мира!

303. “Утруждайте себя ради него” — в этом суть уважения. И не так это суетно, как может показаться, напротив, глубоко справедливо, ибо означает: “Вам сейчас не нужно, чтобы я себя утруждал, но я все равно утруждаю и тем более буду утруждать, если это и впрямь понадобится”. К тому же нет лучшего способа выказать уважение к сильным мира сего: ведь если бы проявлять это чувство можно было, рассиживаясь в креслах, мы уважали бы всех людей подряд, не делая между ними никакого различия, а вот когда человек себя утруждает, различия становятся заметны — и еще как!

304. Дети с глубоким удивлением обнаруживают, что некоторые их товарищи окружены всеобщим почтением.

305. Как велико преимущество знатного происхождения! С восемнадцати лет человеку открыты все пути, ему уже не в новинку известность и почет, меж тем как другие если и достигнут таких же наград, то годам к пятидесяти, не раньше: выигрыш в тридцать лет.

306. Что такое “я” каждого из нас? Человек стоит у окна и смотрит на прохожих; могу ли я утверждать, что он подошел к окну ради того, чтобы увидеть именно меня? Нет, потому что обо мне как таковом он вовсе не думает.

Ну, а если кого-то любят за красоту, можно ли сказать, что любят именно его? Нет, потому что, если оспа, пощадив жизнь, убьет красоту этого человека, вместе с нею умрет и любовь к нему.

А если меня любят за разумение или хорошую память, означает ли это, что любят мое “я”? Нет, потому что можно утратить эти свойства, не утрачивая в то же время себя. Так где же таится это “я”, если его нет ни в теле, ни в душе? И за что любить тело или душу, как не за эти свойства, отнюдь не составляющие моего “я”, которое продолжает существовать и в тех случаях, когда они исчезают? Возможно ли любить некую

отвлеченную суть человеческой души независимо от ее свойств? Нет, это невозможно, да и было бы несправедливо. Итак, мы всегда любим не человека, а только его свойства.

Не будем же насмехаться над людьми, которые требуют, чтобы их уважали лишь за чины и должности, ибо мы любим человека лишь за свойства, полученные им взаимы.

307. Суждения народа, как правило, весьма здравы; вот тому примеры:

1. Развлечение и охота сами по себе куда привлекательнее, чем возможный выигрыш или добыча. Полузнайки издеваются над теми, кто так думает, и торжествуют, доказав дурость этого общего мнения, не разумея, что разум — не на их стороне;

2. Во всех случаях следует почитать внешние отличия — знатность, богатство. И общественное мнение снова торжествует, доказав, какое это неразумное суждение, хотя именно оно-то и разумно: каннибалы ни во что не ставят малолетнего короля;

3. Следует считать пощечину оскорблением и также следует стремиться к славе. Что ж, слава весьма желательна, потому что связана со многими весьма ощутимыми житейскими благами, а на человека, который в ус не дует, получив пощечины, градом сыплются издевательства и всякие другие неудовольствия;

4. Следует трудиться, не задумываясь о том, что получится; отправляться в плавание по морям; ходить над пропастью.

308. Большинство людей здраво судит о том, что их окружает, потому что пребывает в полном неведении, естественном состоянии человека. У всякого знания есть две крайние точки, и они соприкасаются. Первая — это полное и вполне естественное неведение, в котором мы все рождаемся на свет. Второй точки достигают возвышенные умы, познавшие все, что доступно человеческому познанию, постигшие, что по-прежнему ничего не знают, и таким образом вернувшиеся к тому самому неведению, от которого когда-то оттолкнулись, с той лишь разницей, что теперь их неведение умудрено опытом, оно познало себя. Ну а те, что вышли из естественного неведения, но не достигли противоположной точки, — те воображают, будто, набравшись обрывков знаний, уже все превзошли. Именно эти люди и мутят многих и многих, именно они и судят обо всем вкривь и вкось. Народ и те из ученых, кто наделен подлинно зрелым умом, составляют основу общества; полузнайки их презирают и, в свою очередь, окружены презрением, потому что, в отличие от большинства, полностью лишены способности здраво судить о чем бы то ни было.

309. Причина следствий. — Постоянное превращение всех “за” в “против” и наоборот.

Итак, мы показали, что человек суетен, ибо ценит несущественное, и все его суждения ничего не стоят. Но потом мы показали, что они вполне здравы и народ отнюдь не так суетен, как утверждают, ибо суетность его взглядов глубоко обоснована; таким образом, мы опровергли суждения, которые опровергают суждения народа.

А теперь следует опровергнуть и это наше суждение, показав, что при всей здравости своих суждений народ суетен, не понимает, где сокрыта истина, видит ее там, где ее нет, и, следовательно, его суждения всегда неверны и в них нет ни капли здравого смысла.

310. Причина следствий. — Итак, мы с полным правом можем сказать, что люди живут в мире иллюзий, ибо, при всей здравости суждений простого народа, они подсказаны ему отнюдь не головой, поскольку истину он видит там, где ее нет. Суждения народа исполнены истины, но исходит он при этом из ложных посылок. Например, людей знатного рода и впрямь следует уважать, но не потому, что знатное происхождение — действительное преимущество и т. д.

311. Причина следствий. — О чем бы человек ни судил, у него должен быть собственный взгляд на вещи, но говорить при этом следует только общепринятое.

5. Порядок, присущий истинной справедливости

312. Причина следствий. — Разделение по степеням: простонародье чтит людей родовитых; недоумки их презирают, утверждая, что знатность происхождения — не личная заслуга, а дело случая; люди со здравым умом их чтят, но не в силу народных убеждений, а в силу собственных своих взглядов; благочестивцы, у которых рвения больше, нежели знаний, презирают знать, невзирая на резоны людей здравомыслящих, потому что видят теперь окружающее в свете новообретенного благочестия; но истинные христиане чтят людей родовитых в силу иного, поистине всеозаряющего света. Вот так людские суждения зачеркивают друг, друга, “за” и “против” меняются местами в зависимости от духовной озаренности.

313. Люди, проникнутые истинно христианским духом, тем не менее подчиняются всяческому дурачеству, но не потому, что почитают их, а потому, что повинуются велению Господа, который, дабы покарать людей, отдал их во власть этим самым дурачкам: “Omnis creatura subjecta eat vanitati. Liberabitur”¹. Так святой Фома объясняет то место в Послании святого Иакова, где сказано, что отдающие предпочтение богатым не во имя Божие нарушают христианские заветы.

6. Величие человека в том, чтобы держаться середины

314. Величие и ничтожество. — Так как в основе величия лежит ничтожество, а в основе ничтожества — величие, то одни берут за основу только ничтожество, тем более что доказательством им служит величие, а другие берут только величие и тем более упорствуют, что доказательством им служит как раз это самое ничтожество; в результате все доводы одних в пользу величия лишь дают карты в руки другим, настаивающим на ничтожестве, ибо чем с большей высоты пал человек, тем больше его нынешнее ничтожество, ну а их противники твердят обратное. Вот так они и продолжают неустанно спорить, и этот спор подобен замкнутому кругу, потому что чем просвещеннее люди, тем очевиднее для них и величие, и ничтожество человека. Короче говоря, человек сознает свое ничтожество, и он воистину ничтожен, поскольку так оно и есть, но он исполнен величия, поскольку сознает свое ничтожество.

315. Эта двойственность человека так очевидна, что нашлись мыслители, которые стали утверждать, будто у каждого из нас — две души. Только двойственное существо, считали они, способно на такую изменчивость, на такие внезапные переходы от непомерного самовозвеличивания к мучительному самоуничтожению.

316. Человека всегда раздирает междоусобица разума и страстей.

Будь ему дан один только бесстрастный разум...

¹ Всякая тварь покорилась суете. Освобождена будет (лат.).

Будь ему даны одни только безрассудные страсти...

Но, наделенный и разумом, и страстями, он непрерывно воюет с собой, ибо может жить в мире с разумом, только воюя со страстями, и наоборот; поэтому он всегда терзается, всегда во власти противоречий.

317. Из-за этой междоусобицы разума и страстей люди, стремившиеся жить в мире с собою, разделились на две секты. Одни решили отказаться от страстей и

уподобиться богам, другие — отказаться от разума и уподобиться тупым животным: Дебарро. Но все усилия и тех и других пропали даром, ибо разум по-прежнему клеймит страсти за низменность и несправедливость, нарушая покой их приверженцев, страсти по-прежнему бушуют в тех, кто жаждет от них отказаться.

318. Человек по самой своей природе не способен все время идти в одну сторону: он то движется вперед, то возвращается.

Больной горячкой то весь дрожит в ознобе, то пылает, причем холод, его леденящий, свидетельствует о силе горячки не в меньшей мере, чем жар.

То же самое можно сказать о меняющихся из века в век человеческих измышлениях. То же самое можно сказать о добре и зле в этом мире: *Plerumque gratae principibus vices*¹.

319. Даже самая блестящая речь надоест, если ее затянуть.

Владельцы князья и короли любят порой поразвлечься играми. Восседай они всегда на троне, их одолела бы скука: чтобы по-настоящему почувствовать свое величие, с ним порою нужно расставаться. Однообразие Приедается; холод тем хорош, что после него особенно ощущаешь тепло.

Природе свойственно неравномерное движение, *itus et reditus*². Она идет и возвращается, бежит дальше, почти останавливается, еще прибавляет шаг и т. д.

¹ Сильным мира сего перемены по вкусу (лат.).

² Уход и возвращение (лат.).

Вот так есть приливы и отливы у моря, вот так нам представляется движение солнца.

320. Тело следует насыщать мало-помалу. Много съедобного и мало питательного.

321. Душа не удерживается на высотах, которых в безудержном порыве порой достигает разум; она возносится туда не как на престол, не навечно, а лишь на короткое мгновение.

322. Судить о добродетели человека следует не по его порывам, а по будничным делам.

323. Я лишь тогда восхищаюсь высшими проявлениями таких добродетелей, как отвага, когда они сопряжены с высшими проявлениями добродетелей противоположных: примером тому может служить Эпаминонд, в ком редкостная отвага сочеталась с редкостной благожелательностью. Потому что в противном случае получится не взлет, а падение. Истинное величие не в том, чтобы достичь одной крайности, а в том, чтобы, одновременно касаясь обеих, заполнить все пространство между ними. Но, может быть, оно во внезапном переходе души от одной крайности к другой, при том, что, подобно языку пламени, она в каждый данный миг касается лишь одной точки? Пусть так, но во всяком случае этот переход свидетельствует если не о широте души, то о ее стремительной живости.

324. Когда человек пытается довести свои добродетели до крайних пределов, его немедленно окружают пороки — те, что незаметными путями незаметно прокладываются со стороны малой бесконечности, те, что толпой набегают со стороны бесконечности необъятной, — и, затерянный в их скопище, он уже не видит добродетелей. И принимает себя за совершенство.

325. Мы стойки в добродетели не потому, что сильны духом, а потому, что с двух сторон нас поддерживает напор противоборствующих пороков, подобный напору ветров, дующих навстречу друг другу: исчезни один из этих пороков — и мы немедленно подпали бы под власть другого.

326. Нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо ни в чем не знать нужды.

327. Пирронизм. — В неразумении равно упрекают и величайший ум, и величайшую глупость. Только посредственный ум удостоивается похвалы. Так постановило большинство, и оно больно кусает всякого, кто хоть сколько-нибудь приближается к той или иной крайности. Я не упорствую, я согласен быть в середине, и нижнего края отказываюсь не потому, что он нижний, потому, что край: точно так же я отказался бы и от верхнего. Отделиться от середины значит отделить себя от человечества. Величие человеческой души как раз и состоит в умении держаться середины, пребывать в ней, а не выбиваться из нее.

328. Опасное дело — убедить человека, что он во всем подобен животному, не показав ему одновременно и его величия. Не менее опасно — убедить в величии, умолчав о низменности. Еще опаснее — не открыть ему глаза на двойственность человеческой натуры. Но поистине благотворно показать обе стороны.

Человек не должен приравнять себя ни к животным, ни к ангелам, но не должен пребывать и в неведении о двойственной своей природе: пусть он знает об этой своей двойственности.

329. Человек — не ангел и не животное, и чем старательнее, на свое несчастье, разыгрывает он из себя ангела, тем более уподобляется животному.

330. Если человек восхваляет себя, я его унижаю, если унижает — восхваляю и противоречу ему до тех пор, пока он не уразумеет, какое он непостижимое чудовище. .

331. Противоречия. После того, как были показаны низменность и величие человека. — Пусть человек знает истинную цену себе. Пусть любит себя, ибо в нем заложена способность к добру, но пусть не, проникается любовью к присущей ему низменности. Пусть презирает себя за то, что эта способность остается втуне, но не презирает на этом основании присущую ему способность к добру. Пусть ненавидит себя и пусть любит: он одарен способностью познать истину и стать счастливым; но его познания всегда шатки, всегда неполны.

Я хотел бы подвигнуть человека на поиски всеобъемлющей истины, на готовность отказаться от страстей, дабы следовать по пути, где она ему откроется, и при этом все время помнить, как помрачают страсти наш рассудок; я хотел бы посеять в нем ненависть к похоти, влекущей его за собою, дабы она не ослепила его, когда придет время сделать выбор, и не принудила остановиться, когда выбор уже будет сделан.

332. Я воспрепятствовал бы его попытке положиться на самого себя или на кого-нибудь другого, потому что, не имея твердой опоры и не ведая покоя...

333. Я равно порицаю и того, кто взял себе за правило только восхвалять человека, и того, кто вечно его порицает, и того, кто насмехается над ним; я на стороне того, кто, тяжко стеноя, неустанно ищет.

Глава IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДОЛЖНО ИСКАТЬ БОГА

334. Прежде чем перейти к доказательствам неоспоримости христианского вероучения, я считаю необходимым растолковать, почему не правы люди, равнодушные к поискам истины, столь важной, столь глубоко их затрагивающей.

Именно это заблуждение, более других слепящее глаза и помрачающее рассудок, легче всего рассеять, воззвав к простейшему здравому смыслу и к чувствам, заложенным в нас самой природой. Ибо кому ж не ясно, что наша жизнь мимолетна, а смерть вековечна, какова бы эта вечность ни была, что все наши поступки и помышления не могут не меняться в зависимости от смысла, вкладываемого нами в понятие вечности, что любой наш шаг будет лишь в том случае правилен и разумен, если мы уясним себе ту конечную цель, к которой нам должно стремиться.

Все это самоочевидно, и, значит, если мерить меркой разума, начисто лишены здравомыслия люди, все-таки избирающие другой путь.

Как нам именовать их, этих людей, которые живут, не вспоминая о неизбежном конце жизни, исполняя любую свою прихоть, гоняясь за наслаждениями, бездумно и безбоязненно, словно вечность уничтожится, если о ней не думать, если помнить лишь о сиюминутных радостях.

А вечность меж тем как была, так и пребудет, и смерть, ввергающая в нее и ежеминутно грозящая настичь человека, очень скоро и неукоснительно с железной необходимостью приговорит его либо к вечному небытию, либо к вечным мучениям, но к какой из этих двух вечностей — он ведать не ведает.

Какие грозные последствия таятся в этой неопределенности! Человек стоит на краю бездонной вечности мучений, а он меж тем, словно речь идет о сущей безделице, не дает себе труда задуматься над тем, почему народ принимает христианское учение как само собой разумеющееся, — потому ли, что он легковерен, потому ли, что оно покоится на незыблемом, хотя и скрытом от глаз основании? А люди, о которых идет речь, понятия не имеют, истинно оно или ложно, слабы или неотразимы доказательства его справедливости. И хотя эти доказательства у них перед глазами, они упрямо отводят взгляд в сторону и, пребывая в неведении, избирают путь, ведущий к погибельной бездне — если она существует, — ждут смерти как некоей окончательной проверки, а тем временем живут, вполне довольные своим бытием, всюду кричат о своем довольстве, более того, бахвалятся им. Может ли тот, кто серьезно думал над этим важнейшим вопросом, не прийти в ужас от столь извращенного поведения?

Такая безмятежность при таком неведении просто чудовищна, и людям, ведущим подобное существование, необходимо показать, до чего извращенно, до чего немислимо тупо они живут, сразить зрелищем их собственного безрассудства. Ибо вот как рассуждает человек, живущий в неведении того, что же он такое, и не желающий хотя бы попытаться найти ответ. “Да откуда мне знать”, — говорит он...

335. Прежде чем начать борьбу, пусть они хотя бы вникнут в то вероисповедание, с которым решили бороться. Если бы оно хвалилось тем, будто явственно видит Господа, созерцает Его без помех и покровов, борьба с подобным учением сводилась бы к утверждению, что в этом мире Он решительно ни в чем не являет Себя нам с полной очевидностью. Меж тем оно, напротив того, твердит, что люди блуждают в потемках, в дальней дали от Бога, что Он сокрыт и непознаваем для них, что, более того, в Священном Писании Он Сам именует Себя *Deus absconditus*¹, что, наконец, христианское вероучение утверждает два начала: во-первых, Господь ниспослал Церкви непререкаемые знаки Своего бытия, дабы их узрели все, нелицеприятно Его ищущие, и, во-вторых, открыл Он на эти знаки глаза лишь тем, кто вложил в поиски свое сердце, а для прочих они остаются сокрытыми, — так вот, памятуя вышесказанное, можем ли мы ждать пользы от ниспосланных знаков для людей, которые только напускают на себя вид, будто усердно

ищут истину, и, ничего не находя, громко жалуются и вступают в спор с Церковью, хотя именно мрак, их окружающий, подтверждает одно из установленных ею начал, не колебля другого, подтверждает правоту христианского вероучения, ни в коей мере его не разрушая?

Чтобы побороть его, им следовало бы громогласно заявить, что, не щадя сил, искали истину везде и всюду, не пренебрегали даже советами Церкви, но так ничего и не обрели. Говори они подобным образом, им и впрямь удалось бы свести на нет одно из ее утверждений. Но я надеюсь показать здесь, что ни один здравомыслящий человек не стал бы так говорить, более того, дерзаю настаивать на том, что ни один человек никогда так и не говорил. Ведь всем отлично известно, как ведут себя люди подобного склада. Они убеждены, что проявили неслыханное усердие в поисках истины, проведя несколько часов за чтением нескольких книг Священного Писания и расспросив нескольких священнослужителей об основах веры. После чего хвалятся, что бесплодно искали истину в книгах и у людей. Ну, а я в ответ повторяю то, что уже не раз говорил: их нерадивость просто отвратительна. Речь идет ведь не о каком-то пустяке, касающемся постороннего лица, речь идет о нас самих,

¹ Бог сокровенный (лат.).

о самом главном для нас, так возможно ли оправдать подобное небрежение?

Вопрос о бессмертии души так бесконечно важен, так глубоко нас затрагивает, что быть безразличным к его решению — значит вообще утратить всякое живое чувство. Наши дела и поступки должны целиком зависеть от того, есть ли у нас надежда на вечное блаженство или ее нет, и любой шаг только тогда станет осмысленным и разумным, когда мы наконец уясним себе то, что просто не может не быть главным содержанием нашей жизни.

Итак, первейшее наше дело и первейший долг — ответить на вопрос, от решения которого зависит весь наш жизненный путь. Вот почему, сталкиваясь с людьми, не решившими этой задачи, я так различно отношусь к тем, кто без устали старается обрести истину, и к тем, кто беззаботно существует, ни над чем не ломая себе голову.

Я не могу не испытывать сочувствия к людям, которые искренно стенают под бременем сомнения, считают его великим несчастьем, самозабвенно стремятся рассеять и видят в поисках правильного решения важнейшее, главенствующее дело своей жизни.

Но ко всем, кто живет, не думая о неизбежном конце земной своей жизни, и только потому, что в них самих нет светочей веры, которые озаряли бы путь к истине, вообще пренебрегают поисками этих светочей и не пытаются добросовестно исследовать, на чем все-таки зиждется народная вера — только ли на слепом легковерии или есть у нее пусть и сокрытое от глаз, но прочное, неколебимое основание, — так вот, к подобным людям я отношусь совершенно иначе.

Пренебрежение тем, что прямо затрагивает их самих — вопросом о вечной жизни, о самом главном для человека, — рождает во мне гнев, а не сострадание, полнит изумлением и ужасом; для меня подобные люди — чудовища! Я говорю это отнюдь не из благочестивого пыла возвышенной набожности. Напротив того, по моему убеждению, такие чувства возникают под воздействием самолюбия, с одной стороны, и человеколюбия — с другой, — это должно быть ясно всякому, видящему то, что видят самые непросвещенные люди.

Вовсе не нужно быть особенно возвышенным душой для понимания того, что нет для нас в этом мире полного и долговременного довольства, что наши радости — суета сует, а несчастье безмерно и, наконец, что смерть, ежеминутно грозящая нам, неминуемо и очень скоро обречет нас предначертанному несказанно жестокому уделу: либо навеки обратиться в ничто, либо терпеть вековые муки.

На свете нет ничего и неизбежнее, и страшнее подобного удела. Как бы мы ни храбрились, вот он, конец, венчающий самую распрекрасную жизнь. Давайте же задумаемся над этим, а потом скажем себе, что единственное несомненное благо в сей

жизни дарует надежда на другую жизнь, что человек тем счастливее, чем ближе к ней, что точно так же не существует несчастий для неколебимо верующего в вечность, как нет счастья для непросветленного этой верой.

Разумеется, человек, которого снедают сомнения, глубоко несчастен, но искать на них ответ — наш долг, притом долг неукоснительный, поэтому всякий, кто сомневается, но отказывается искать, не только бесконечно несчастен, но и бесконечно неправеден; ну, а если он вдобавок спокоен и самодоволен, громогласно твердит об этом, Даже радуется, даже хвалится, — для столь извращенного существа у меня просто нет названия.

Где почерпнул он подобные чувства? Можно ли радоваться тому, что впереди — одни лишь безысходные муки? Тщеславиться тем, что вокруг — непроницаемый мрак? И как подобные рассуждения могут прийти в голову человеку, наделенному разумом?

Я не знаю, кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам; обреченный на жесточайшее неведение, я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа, не знаю даже, что такое та часть моего существа, которая сейчас облекает мои мысли в слова, рассуждает обо всем мироздании и о самой себе и точно так же не способна познать самое себя, как и все мироздание. Я вижу сомкнувшиеся вокруг меня наводящие ужас пространства Вселенной, понимаю, что заключен в каком-то глухом закоулке этих необозримых пространств, но не могу уразуметь, ни почему нахожусь именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, ни почему столько-то, а не столько-то быстротекущих лет дано мне жить в вечности, что предшествовала моему появлению на свет и будет длиться, когда меня не станет. Куда ни взгляну, я вижу только бесконечность, я заключен в ней, подобно атому, подобно тени, которой суждено через мгновение безвозвратно исчезнуть: Твердо знаю я лишь одно — что очень скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима.

И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду, знаю только, что за пределами земной жизни меня ждет либо вековечное небытие, либо длань разгневанного Господа, но какому из этих уделов я обречен, мне никогда не узнать. Таково мое положение в мироздании, столь же неопределенное, сколь неустойчивое. И вот мой вывод: ни в коем случае не следует убивать время на попытки разгадать уготованный людям жребий. Может быть, я и рассеял бы хоть отчасти свои сомнения, но не желаю тратить на это силы, шага лишнего не сделаю, чтобы найти ответ; обливая презрением людей, которые бьются над разгадкой, — поскольку любая разгадка опять-таки ввергнет в отчаянье и нисколько не потешит тщеславие, — я хочу безбоязненно, очертя голову идти навстречу великому событию, безвольно устремляться к смерти в полном неведении грядущего своего вековечного удела.

Кто пожелает быть на дружеской ноге с человеком, способным так рассуждать? Изберет его в наперсники, расскажет ему о своих делах, изольет все горести?

И вообще, в каких жизненных обстоятельствах может быть потребен такой человек?

Право же, христианскому вероучению идет лишь во славу вражда столь безрассудных людей, и своим противодействием они не только не вредят ему, но, напротив того, помогают утверждать лежащие в его основе истины. А сводятся эти истины к двум положениям: первое гласит о развращенности человеческого естества, второе — об искуплении, дарованном человечеству Иисусом Христом. И пусть люди, о которых идет речь, не помогают доказать своими отнюдь не святыми нравами истину, гласящую об искуплении, зато они превосходно доказывают противоестественными своими чувствами всю порочность нашего естества.

Нет ничего более важного для человека, нежели его грядущий удел, нет ничего более грозного, нежели вечность, поэтому возможно ли считать естественным такое вот равнодушие иных людей к неизбежной утрате бытия и возможной обреченности на вековечные мучения? Ведь в обычных обстоятельствах они ведут себя совсем по-другому: боятся любой малости, заранее предвидят, чуют ее; сколько дней и ночей проводят они, переходя от бешенства к отчаянью из-за утраты должности или воображаемого

оскорбления чести, — они, те самые люди, которые, твердо зная, что смерть отнимет у них решительно все, не испытывают при этой мысли ни тревоги, ни смущения! Что за чудовищное зрелище являет собой человеческое сердце, где крайняя чувствительность к любому пустяку уживается с поразительной бесчувственностью к самому важному! Непостижимая зачарованность, противоестественная слепота, знаменующая всевластие той силы, которая их наслала!

Как же безмерно искажена должна быть природа того человека, который способен бахвалиться состоянием души, вообще, казалось бы, не совместимым с человеческим существом! Меж тем я воочию видел таких людей, и при этом в таком множестве, что волосы встали бы дыбом, если бы не уверенность: большинство из них просто играет роль, скрывая подлинное свое лицо, ибо наслышаны, будто сие сумасбродство — признак хорошего тона. Именуя его освобождением от ига, они делают вид, якобы сами давно это иго стряхнули. Но было бы легче легкого убедить их, что они глубоко ошибаются, надеясь этим путем снискать уважение к себе. Нет, в уважении им откажут даже вполне светские люди, ибо любой здравомыслящий человек понимает, что добиться успеха в свете возможно, лишь всячески выказывая свою порядочность, рассудительность, надежность и способность сослужить полезную службу друзьям, — ведь по самой своей натуре мы любим лишь тех, кто нам полезен. Ну, а каких благих дел можно ждать от человека, который всюду кричит, что он сбросил иго, что не верит в Бога, Чье бдительное око следит за всеми нашими деяниями, что он сам себе хозяин и за все свои поступки в ответе только перед собой? Неужели он думает, что, узнав об этом, мы проникнемся к нему особым доверием и будем ждать от него утешений, советов, помощи во всех наших житейских надобностях? Неужели он и подобные ему рассчитывают осчастливить нас, сообщив, что, по твердому их убеждению, наша душа не более чем дуновение ветерка, струйка дыма, да еще произнеся это тоном, преисполненным гордости и самодовольства? Подобаает ли утверждать такие вещи столь беззаботно? Или, напротив, их следует произносить с прискорбием, ибо что на свете может быть прискорбнее?

Дай они себе труд, серьезно задуматься над этим, то не могли бы не понять — их поведение вызовет такую неприязнь, оно так противно здравому смыслу, так несовместимо с порядочностью и со всех точек зрения так далеко от цели их стремлений, то есть светской изысканности, что скорее оттолкнет, нежели растлит даже тех, кто уже готов был стать на их сторону. И действительно, в ответ на вашу просьбу рассказать, какие чувства и доводы побудили их усомниться в истинности христианской веры, они наговорят вам столько жалкого и низменного вздора, что вы лишь утвердитесь в убеждениях прямо противоположных. Именно это и сказал однажды некий их собеседник. “Если и впредь вы будете витийствовать подобным образом, — сказал он, — то, несомненно, обратите меня в истового христианина”. И он был прав, потому что любой придет в ужас, обнаружив, что столь презренные людишки — его единомышленники.

Итак, люди, которые лишь притворяются неверующими, были бы глубоко несчастны, если бы им пришлось, пересилив себя, стать на сторону самых бесстыжих из смертных. Но если в глубине сердца они так страдают от собственной непросветленности, им нет нужды скрывать это чувство: признаться в нем отнюдь не унизительно. Унизительно его не испытывать. Ничто с такой очевидностью не свидетельствует о малоумии, как неспособность понять, до чего несчастен человек, не познавший Бога, ничто с такой отчетливостью не говорит о порочности сердца, как безразличие к тому, воистину ли она существует, обещанная нам вечная жизнь, ничто по трусости своей не сравнится с бесшабашным вызовом Богу. Пусть предоставят нечестивые выпады прирожденным пакостникам, для которых подобные выпады естественны; пусть, если уж не могут стать истинными христианами, по крайней мере остаются порядочными людьми; пусть, наконец, признают, что лишь два рода людей имеют право именоваться разумными: познавшие Бога и всем сердцем готовые Ему служить и не познавшие, но всем сердцем готовые Его искать.

Ну а люди, живущие не только не ведая Бога, но и не пытаясь Его обрести, — эти люди считают себя столь мало достойными даже собственных своих забот, — что уж говорить о заботах со стороны окружающих, — и надобно все милосердие презиравшей ими христианской веры, дабы не оставлять их во власти овладевшего ими безумия. Напротив того, она вменяет нам в долг, во-первых, относиться к ним до последнего дня их жизни как к существам, способным принять всеозаряющий свет благодати, во-вторых, помнить, что, быть может, близок день, когда они преисполнятся веры более глубокой, нежели наша, а мы впадем в ослепление, подобное их нынешнему, и поэтому нам следует оказывать им такую помощь, какую хотели бы получить, окажись мы на их месте, и, наконец, эта вера требует от нас, чтобы мы неустанно просили этих людей сжалиться над собой и хотя бы сделать попытку обрести душевное просветление. Пусть они уделят чтению этих страниц толику времени, которое столь бесцельно расточают на многое другое: как бы ни отвращало их подобное занятие, они, может статься, найдут здесь хотя бы крупицу полезного и, уж во всяком случае, ничего не потеряют; ну а те, кто будет читать с открытой душой и подлинным желанием постичь истину, те, я надеюсь, увидят ее и склонятся перед неопровержимыми доводами нашего богодухновенного вероисповедания — доводами, которые я излагаю здесь, стараясь сохранить тот порядок...

336. Неужели не довольно того, что в некоем месте свершились чудеса и что Провидение осенило целый народ?

337. Упрекнуть Митона в том, что он и пальцем не пошевелит, когда к нему приблизится Господь.

338. Эти люди бессердечны; с ними никто не станет водить дружбу.

339. Бесчувственность, пренебрегающая всем, что важно для людей, бесчувственность, доведенная до предела и пренебрегающая тем, что людям всего важнее.

340. Чувствительность человека к пустякам и бесчувственность к самому важному — это ли не признак чудовищной извращенности!

341. Представьте себе, что перед вами скопище людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь из них убивают на глазах у остальных, и *все* понимают — им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и без проблеска надежды. Вот вам картина условий человеческого существования.

342. Человек, запертый в тюремной камере и еще не знающий, вынесен ли ему приговор, человек, у которого в запасе один-единственный час, чтобы, узнав, добиться его отмены — часа на это как раз хватит, — неужели же помянутый человек пойдет против собственного естества и, махнув рукой на выяснение, к чему же его все-таки приговорили, засядет за игру в пикет? Точно так же противно естеству, когда человек и т. д. — это знак неумолимо карающей десницы Господней.

Таким образом, доказательства бытия Божия не только в неутомимом рвении тех, кто ищет Господа, но и в ослеплении тех, кто искать не желает.

343. *Fascinatio nugarum*¹. — Чтобы страсть не погубила нас, будем вести себя так, словно нам отпущена всего неделя жизни.

344. Если должно пожертвовать неделями жизни, значит, следует пожертвовать и всей жизнью.

345. Родовые титулы всегда передаются по наследству. Придет ли наследнику в голову сказать: “А уж не подложные ли они?” — и не проверить, так оно или не так?

346. Тюремная камера. — На мой взгляд, лучше не слишком углубляться в утверждения Коперника, но что касается этого вопроса!.. Вся наша жизнь зависит от решения — смертна человеческая душа или бессмертна.

347. Бесспорно, что человеческая нравственность целиком зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет. Меж тем философы, рассуждая о нравственности, просто его отменяют: они ведут долгие споры лишь о том, чем занять отпущенные нам минуты.

Платон, чтобы расположить к христианскому вероучению.

348. Мало чего стоят философы, обходящие вопрос о бессмертии души. Мало чего стоит та их дилемма, которую излагает Монтень.

¹ Ослепление пустяками (лат.).

349. От преисподней или царства небесного нас отделяет только наша жизнь, а что на свете более хрупко, чем она!

350. Течение времени. — Как это страшно — чувствовать, что течение времени уносит все, чем мы обладаем!

351. До чего смехотворны наши попытки обрести опору в себе подобных!

Такие же горестно ничтожные, такие же бессильные, они не могут нам помочь; в смертный свой час человек всегда одинок. Значит, и жить ему надобно так, словно он один на свете; но станет ли он тогда возводить себе роскошные палаты и пр.? Нет, он сразу же начнет искать истину, а не пожелает — что ж, тем самым докажет, что людское мнение для него дороже поисков истины.

352. Возражение неверующих в Бога: “Но мы не видим ни проблеска света!”

353. Порядок с помощью обмена мнениями. — “Что мне делать? Кругом непроглядная тьма. Во что верить? В полное свое ничтожество? В свое богоподобие?”

“Все меняется, все следует одно за другим”. — “Вы ошибаетесь, существует...”

354. Безбожникам следует утверждать лишь то, что совершенно очевидно: но так ли уж очевидна материальность души?

355. Какая из составляющих нас частей способна ощущать удовольствие? Кисть руки? Или вся рука? Вся наша плоть? Или кровь? Из дальнейшего станет ясно, что удовольствие мы способны воспринимать лишь некоей своей нематериальной частью.

356. Нематериальность души. — Философы, победившие свои страсти: на свете не существует материи, способной на такое свершение!

357. Безбожники. — Какие у них основания утверждать, будто воскреснуть из мертвых невозможно? Что более сложно — возникнуть или воскреснуть, обрести бытие тому, кого никогда не было, или тому, кто уже был? Разве не сложнее родиться, нежели возродиться? Рождение привычно, поэтому кажется чем-то совсем простым, возрождение непривычно, поэтому кажется совершенно невозможным, — обыденное суждение черни.

Почему девственница не может произвести на свет гребенка? Разве курице-несушке всегда нужен петух? Отличаются ли по внешнему виду яйца оплодотворенные от неоплодотворенных? И где сказано, что без петуха у курицы не может образоваться зародыш?

358. Какие резоны могут они привести в доказательство невозможности воскресения из мертвых и непорочного зачатия? Сложнее ли воссоздать человека или животное, нежели создать заново? И если какой-то вид животных им вовсе не известен, как они могут утверждать, что эти животные не способны без спаривания производить на свет себе подобных?

359. Как мне отвратительно это тупейшее неверие в Евхаристию и т. д.! Если в Евангелии заключена истина, если Иисус Христос — Бог, о каких трудностях может идти речь?

360. Безбожие свидетельствует о силе ума, но в ограниченных пределах.

361. У безбожников должен быть очень мощный разум, ибо они кичатся, будто всегда следуют велению разума. Давайте-ка послушаем, что они вещают. “Разве же, — вещают они, — бессловесные твари умирают и живут иначе, нежели люди, а турки иначе, нежели христиане? У них, точно так же, как у нас, свои обряды, пророки, ученые мужи, святые, священнослужители и т.д.” Но разве это противоречит Священному Писанию? Разве все это там уже не сказано?

Если вы не стремитесь познать истину, с вас и спроса нет. Но если вы всем сердцем жаждете ее постичь, одного желания мало, следует вникнуть в подробности. Его достаточно, чтобы разобраться в каком-нибудь философском вопросе, но ведь тут речь идет

о самом главном! Меж тем люди поразмышляют часок-другой, а затем предаются развлечениям и тому подобному. Давайте спросим у самой этой христианской веры, в чем причина непроницаемой для нас тьмы, — быть может, мы и получим ответ.

362. “Как же так? Да ведь вы сами утверждали, что небо и птицы — достаточное доказательство бытия Божия!” — Нет, не утверждал. — “И ваше вероучение этого не утверждает?” — Нет. Хотя в подобном утверждении — глубокая истина, но только для тех немногих, чьи души Господь озарил светом веры, а для большинства оно этой истины не содержит.

363. *Unusquisque sibi deum fingit*¹. Отвращение.

364. Людей можно разделить лишь на три категории: к первой относятся те, что обрели Бога и служат Ему; ко второй — те, что, не обрета, ищут Его; к третьей — те, что существуют, не обрета и не утруждая себя поисками. Первые разумны и счастливы, третьи безумны и несчастны, те, что посередине, — несчастны и разумны.

¹ И труженик лепит Бога (*лат.*).

Часть вторая. Человек, обретший Бога

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

365. Письмо, цель которого — направить людей на поиски Бога.

А потом побудить их обратиться к философам, пирроникам и догматикам, — ибо они подстегивают мысль того, кто обращается к ним.

366. Предупреждение ко второй части. — Поговорить о тех, кто уже трактовал этот предмет.

Меня потрясает бестрепетность, с какой эти люди берутся говорить о Боге. Обращаясь к безбожникам, они с места в карьер начинают доказывать существование Божества, приводя в качестве доводов творения природы. Я принял бы это как должное, когда бы их рассуждения были обращены к верующим, ибо очевидно, что для людей, преисполненных живой, идущей из сердечных глубин веры, все сущее сотворено Господом, перед Которым они преклоняют колени. Но тем, в ком хотят разжечь этот угасший светоч, тем лишенным веры и благодати людям, которые собственными своими светильниками пытаются озарить хоть какие-то черты в природе, ведущие к познанию Бога, и видят лишь непроглядную тьму, — говорить подобным людям, что стоит им поглядеть вокруг, и в любой малости они узрят неприкрытый лик Господа; доказывать им столь насущно важную истину круговращением Луны и планет; считать, что других доводов больше и не требуется, — так говорить и так доказывать — значит давать маловерам основание укрепиться в мысли, что доводы христианского вероучения весьма шатки, более того, породить презрение к нему — к этому выводу я пришел по подсказке не только разума, но и опыта.

Совсем не о таких доказательствах говорит нам Священное Писание, а Писание более сведуще, нежели мы, во всем, что исходит от Бога. Напротив того, оно гласит, что Бог сокрыт от нас, что после того, как первородный грех опорочил естество людей, Господь оставил их прозябать в слепоте; вернуть им зрение дано лишь Иисусу Христу, только через Иисуса Христа могут они приобщиться Богу: *Nemo novit Patrem, nisi Filius, et cui voluerit Filius revelare*¹.

Вот что понимает Священное Писание, столько раз повторяя нам, что ищущие Бога обрящут Его. Но искать придется отнюдь не при ярком свете, и для тех, что будут искать Бога, как дневного света в полдень или воды в море, Он останется сокрытым; иными словами, природа не дает нам доказательств бытия Божия. Недаром в другом месте Евангелия сказано: *“Vere, tu es Deus absconditus”*².

367. Екклесиаст свидетельствует, что безбожник обречен на неведение и всегда несчастен. Ибо тот, кто хочет и не может, поистине несчастен. Любой человек хочет счастья, хочет уверенности в том, что ему открыта хотя бы крупица истины, но безбожник не способен ни на постижение истины, ни на отказ от жажды ее постичь. Он даже сомневаться не может.

368. Человек, утратив свойства, истинно ему сопродные, любое свойство считает себе сопродным, равно как, утратив истинное благо, готов видеть в чем попало истинное свое благо.

369. Низменность человека — вплоть до покорства животным, вплоть до их обожествления.

¹ Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть (лат.).

² Поистинне, Ты — Бог сокровенный (лат.).

370. Вторая часть. О том, что человеку неверующему не дано познать ни истинного блага, ни справедливости. — Все люди стремятся к счастью — из этого правила нет исключений: способы у всех разные, но цель одна. Го-

нятся за ним и те, что добровольно идут на войну, и те, что сидят по домам, — каждый ищет по-своему: только к достижению счастья и направлено всякое усилие человеческой воли. Такова побудительная причина любого поступка любого человека — даже того, кто решил повеситься.

Но при том, что люди испокон веков неустанно добиваются счастья, ни одному человеку не удалось достичь этого, если им не руководила вера в Бога. Все жалуются на свой удел — владыки и подданные, вельможи и простолюдины, старые и молодые, сильные и немощные, ученые и невежды, здоровые и болящие, чем бы эти люди ни занимались, где бы, когда бы и сколько бы лет ни жили на свете.

Столь длительные, упорные и всегда напрасные старания должны были бы убедить нас в тщетности наших потуг собственными усилиями обрести счастье, но пример нам не наука. Даже в самых сходных случаях непременно сыщется пусть маленькое, но отличие, и оно-то внушает нам надежду, что уж на сей раз мы стараемся не зря. И вот, постоянно недовольные настоящим, обманутые в ожиданиях, мы идем от несчастья к несчастью и приходим к смерти — вековечному венцу любой жизни.

Но разве это алкание и это бессилие не вопиют о том, что некогда человеку было дано истинное счастье, а теперь на память об этом ему оставлена пустая скорлупа, которую он пытается заполнить всем, до чего способен дотянуться, и, не находя радости в уже добытом, ищет новой добычи, и все без проку, ибо бесконечную пустоту может заполнить лишь нечто бесконечное и неизменное, то есть Господь Бог.

В Нем, и только в Нем наше истинное благо, но мы его утратили, и вот, как это ни дико, пытаемся заменить чем попало из существующего в природе: светилами, небом, землею, стихиями, растениями, капустой, пореем, животными, насекомыми, быками, змеями, лихорадкой, чумой, войной, голодом, пороками, прелюбодеянием, кровосмешением. И с той поры, как нами утрачено истинное благо, мы готовы принять за него что угодно, даже самоуничтожение, как ни противно оно и Господу, и разуму, и природе.

Одни ищут счастья в могуществе, другие — в разных диковинах и в науках, третьи — в сладострастии. Кое-кто понял — и эти люди ближе всего подошли к истине, — что столь желанное всеобщее благо не может заключаться в тех ценностях, которые принадлежат кому-то одному, ибо, разделенные, не столько радуют владельца принадлежащей ему частью, сколько печалят частью отсутствующей. Помянутые люди поняли: истинным благом может быть лишь то, чем владеют все поровну и одновременно, не завидуя друг другу, ибо кто не захочет его утратить, тот никогда не утратит. Утвердившись в мысли, что желание счастья соприродно людям, что оно изначально живет и не может не жить в каждом человеке, они пришли к выводу...

Раздел I. ПОИСКИ

1. Философы

371. Ex senatus-consultis et plebiscitis scelera exercentur¹. Сенека. Подобрать отрывки в этом же роде.

Nihil tam absurde dici potest quod non dicatur ab aliquo philosophorum². “О предвидении”.

Quibusdam destinatis sententiis consecrati quae non pro-bant coguntur defendere*. Цицерон.

Ut omnium rerum sic litteraturum anoque intemperantia laboramus⁴. Сенека.

Id maxime auemque decet, auod est ejusque suum maxime⁵. Сенека.

Hos natura modos primum dedit⁶. “Георгики”,

Paucis opus est litteris ad bonam mentem⁷.

Si quando turpe non sit, tamen non est non turpe quum id a multitudine laudetur⁸. Теренций.

¹ По постановлению сената и народа совершаются жестокости (лат.).

² Нет такой нелепости, которая не была бы сказан кем-либо из философов (лат.).

³ Те, кто привержен... к тому или иному учению, они вынуждены защищать даже то, с чем сами не согласны (лат.).

⁴ В чтении, как и во всем, мы страдаем неумеренностью (лат.).

⁵ Каждому более всего подобает то, что ему больше свойственно (лат.).

⁶ Так изначально установила сама природа (лат.).

⁷ Для благомыслия довольно прочесть немного (лат.).

⁸ Ведь, сама по себе не постыдная, становится постыдно, когда ее восхваляет толпа (лат.).

Mihi sic usus est, tibi ut opus est facto, fac¹.

372. Rarum est enim ut satis se quisque vereatur². Tot circa unum caput tumultuantes deos³.

Nibi! turpius quam cognitioni assertionem praecurrere⁴. Цицерон.

Nee me pudet ut istos fateri nescire quid nesciam⁵. Melius non incipient⁶.

373. На основе трех людских вожделений расцвели три философские секты, и философы только и могут, что следовать одному из этих вожделений.

374. Стоики. — Они утверждают, что удавшееся однажды удастся всегда и что если славолубие помогает иным людям свершить подвиг, значит, на это способны все. Но что под силу больному горячкой, не по плечу здоровому человеку.

Из того, что на свете существуют стойкие христиане, Эпиктет делает вывод, будто стойким христианином может быть любой.

375. Высшее благо. Спор о высшем благе. — Ut sic contentus temetipso et ex te nascentibus bonis⁷. Они сами себе противоречат, потому что в качестве завершения советуют покончить жизнь самоубийством. Вот уж поистине счастливая жизнь, от которой спасаются, как от чумы!

376. Советы стойков так трудноисполнимы и так суетны!

¹ Мне нужно так, ты поступай по-своему (лат.).

² Ведь не часто бывает, чтобы кто-нибудь в достаточной мере боялся себя (лат.).

³ Столько богов, суетящихся вокруг одного человека (лат.).

⁴ Нет ничего постыднее, чем предварять утверждением познание (лат.).

⁵ Я не стыжусь, подобно этим людям, признаться в незнании того, чего не знаю (лат.).

⁶ Лучше пусть не начинаются (лат.).

⁷ Чтобы ты мог довольствоваться самим собой и порожденными тобою благами (лат.).

Они утверждают, что всякий, не достигший глубин мудрости, глуп и порочен, — одним словом, равняют его с человеком, на два пальца погружившимся в воду.

377. Философы. — До чего же это разумно — требовать от человека, который и себя-то еще не познал, чтобы он без всякого посредника тут же приобщился Богу! И до чего разумно повторять это тому, кто себя познал!

378. Поиски истинного блага. — Большинство людей ищет блага в богатстве и прочих мирских благах или по меньшей мере в развлечениях. Философы объяснили, какая это все суета, и каждый дал определение оному благу на свой лад и вкус.

379. Против философов, верующих в Бога, но не признающих Иисуса Христа.

Философы. — Они полагают, что один лишь Бог достоин любви и почитания, а сами жаждут и всеобщей любви, и всеобщего почитания, не понимая при этом всей своей порочности. Если они чувствуют в себе довольно чувства для любви к Богу и почитания Его, если находят в этом главную свою радость и считают себя исполненными добра, — что ж, в добрый час! Но если нет в них и тени помянутых чувств, если единственная их цель — снискать всеобщее уважение, если в качестве единственной своей добродетели могут похвалиться лишь тем, что отнюдь не навязывают, а старательно внушают людям, будто возлюбившие оных философов обретут счастье, — я им скажу одно: подобная добродетель отвратительна. Как! Они познали Бога и всё-таки жаждут не всеобщей любви к Нему, а всеобщей любви к ним, к философии! Жаждут, чтобы люди по доброй воле видели в них средоточие своего счастья!

380. Если бы нам еженощно снилось одно и то же, оно трогало бы нас ничуть не меньше, чем ежедневная явь. Если бы какой-нибудь ремесленник твердо знал, что каждую ночь, двенадцать часов сряду, будет грезить, что стал королем, думаю, он был бы почти так же счастлив, как король, которому каждую ночь, двенадцать часов сряду, снилось бы, что он стал ремесленником.

Если бы нам еженощно снилось, что за нами гонятся враги, и нас терзали бы эти мучительные видения, если бы чудилось, что целые дни с утра до вечера чем-то заняты, как оно бывает во время путешествий, мы тяготились бы этим немногим меньше, нежели наяву, и точно так же боялись бы уснуть, как боимся проснуться, когда нам и впрямь грозят подобные беды. Да, такие сны и впрямь не лучше такой яви.

Но сны не похожи один на другой, а если и похожи, то все-таки чем-то разнятся, поэтому и действуют на нас не так сильно, как явь, более устойчивая и неизменная, хотя и она не совсем устойчива и тоже меняется, но не так быстро, разве что во время путешествий, и тогда мы говорим: “Мне кажется, я грежу”, — ибо жизнь есть сон, лишь менее отрывистый.

381. Здравый смысл. — Они принуждены повторять: “Вы ведете себя недобросовестно, мы и не думаем спать!” и т. д. До чего же мне приятно видеть, как унижен, как просит пощады этот спесивый разум! Ибо кто уверен в своем праве, кто отстаивает его с оружием в руках, тот не станет так говорить. Он не тратит времени на разглагольствования о недобросовестности, а сразу карает ее силой оружия.

382. Возможно, в мире существуют какие-то явления, которые можно считать прямыми доказательствами, но никакой определенности в этом вопросе нет. Таким образом, ясно только одно: никто не может с определенностью утверждать — к вящей славе пирроники, — что все в этом мире неопределенно.

383. Против пирронизма. — ...Ну, не удивительно ли, что, стараясь точно определить подобные явления, мы их только запутываем! Говорим же мы о них постоянно. Мы убеждены, что все понимают их совершенно одинаково, — и глубоко заблуждаемся, потому что не располагаем никакими доказательствами. Я отлично знаю, что в сходных случаях люди употребляют сходные слова и что два человека, на чьих глазах переместился какой-нибудь предмет, скажут потом об одном и том же предмете одни и те же слова, — то есть что он переместился; вот на основании сходства употребляемых людьми слов и делается неотразимый вывод о сходстве людских представлений; разумеется, его никак нельзя считать безусловно доказанным, но и полностью отвергнуть

тоже нельзя, поскольку всем известно, что даже из взаимоисключающих посылок люди нередко делают одинаковые выводы.

Сказанного довольно, чтобы сильно запутать вопрос: это, конечно, не значит, что гаснет тот данный нам от рождения свет, который и помогает найти правильный путь; тут в выигрыше академики, но все же ясность подергивается туманом, смущая академиков и к вящей славе той клики пиррников, которая существует за счет подобной двойственности и некоторой сомнительной туманности, при том, что наши сомнения не способны полностью затмить ясность, а дарованный нам от рождения свет — полностью разогнать мрак.

384. В пирронизме есть истина. Ибо до пришествия Иисуса Христа люди вообще не понимали, какое место занимают в мире, велики они или малы. И утверждавшие то или иное положение тоже ровным счетом ничего не знали, строили догадки на песке и заблуждались даже тогда, когда одно из противоречащих друг другу утверждений считали ошибочным.

Quod ergo ignorantes quaeritis, religio annuntiat vobis¹.

385. Боже мой! Ну до чего дурацкие рассуждения! “Разве Бог стал бы создавать мир, чтобы предать его потом проклятию? Так много спрашивать с людей, до того слабых?” и т. д. Лекарство от этой болезни — пирронизм, он исцеляет от подобного суесловия.

386. “Пирроник” вместо “упрямец”.

387. Разговоры. — Громкие слова: “Ну, веру в Бога я не приемлю!”

¹ То неведомое, что вы ищете, вам возвещает вера (лат.).

Разговоры: “Пирронизм идет на пользу вере”.

388. Никто до тех пор не ведал, какое превосходное творение являет собой человек. Постигшие истинность превосходных его свойств считали предательством и неблагодарностью низкое мнение о себе, соприродное человеку, а другие, постигшие истинность низменных его свойств, считали смехотворной гордыней то высокое мнение о себе, которое тоже ему соприродно.

“Возденьте очи свои ко Всевышнему, — говорят одни, — сравните себя с Тем, Кому вы подобны, Кто создал вас, дабы вы Ему поклонялись. Вы можете уподобиться Господу, мудрость уравнивает вас с Ним, если пойдете по пути, Им указанному”. “Выше поднимите голову, свободные люди”, — говорит Эпиктет. А вот что говорят другие: “Опустите очи долу, о жалкие черви, и поглядите на животных, от которых вы ничем не отличаетесь”.

Что же станет с человеком? Кому уподобится он — Богу или животным? Какое чудовищное различие! Что с нами станет? И разве это не говорит с полной ясностью, что человек заблудился, что пал с того места, которое некогда занимал, что беспокоен ищет его и уже не может найти? И кто укажет ему, где оно? Это оказалось не под силу величайшим из людей.

389. У них — у пиррников, стоиков, атеистов — все исходные положения правильны. Но выводы у всех ошибочны, потому что правильными оказываются взаимоисключающие положения.

390. Философы. — Нас распирают желания, влекущие ко всему внешнему.

Некое тайное чувство нашептывает нам, что в самих себе мы счастья не обретем. Страсти толкают нас уйти из внутреннего мира в мир внешний, даже когда там нет для них никакой особенной приманки. Предметы этого мира всегда притягивают нас, соблазняют, даже когда мы о них не думаем. Поэтому сколько бы философы ни твердили: “Замкнись в себе и обретешь счастье”, — им верят лишь те люди, у которых пусто и в голове, и в сердце.

391. Стоики твердят: “Замкнись в себе и обретешь покой”. Но это заблуждение.

Другие твердят: “Уйди от себя во внешний мир, ищи счастья в развлечениях”. Но и это не меньшее заблуждение. Людей подстерегают недуги.

Счастья мы не найдем ни внутри, ни вне нас, счастье — в Боге, и вне, и внутри нас.

392. Философы не старались взрастить в людях чувства, подобающие двойственному нашему положению.

Они внедряли в умы сознание высочайшего величия, а подобное сознание несовместимо с человеческой сутью.

Они внедряли в умы сознание глубочайшей низменности, а подобное сознание несовместимо с человеческой сутью.

Пусть люди проникнутся сознанием своей низменности, но рожденным не природой, а покаянием, и не ради того, чтобы в нем коснеть, а чтобы с его помощью достичь величия. Пусть люди проникнутся сознанием своего величия, но не заслуженного ими, а дарованного им Господней благодатью, и лишь после того, как проникнутся сознанием своей низменности.

2. Вероисповедания

393. Видя слепоту и ничтожество человека, вглядываясь в немую Вселенную и в него, погруженного во мрак, предоставленного самому себе, словно заблудившегося в этом закутке мироздания и понятия не имеющего, кто его туда поместил, что ему там делать, что с ним станет после смерти, не способного к какому бы то ни было познанию, я испытываю ужас, уподобляясь тому, кто во сне был перенесен на пустынный, грозящий гибелью остров и, проснувшись, не знает, где он, знает только — нету у него никакой возможности выбраться из гиблого места. Думая об этом, я поражаюсь, как это в столь горестном положении люди не приходят в отчаянье! Я смотрю на окружающих меня, они во всем подобны мне, я спрашиваю у них — может быть, им известно что-то, неведомое мне, и в ответ слышу: нет, им тоже ничего не известно, — и, едва успев ответить, эти жалкие заблудшие существа, поглядев по сторонам, обнаруживают какие-то привлекательные на вид предметы, и вот они уже целиком ими заняты, целиком поглощены. Но я не могу разделить их чувства, и, так как, судя по многим признакам, существует нечто сверх зримого мною мира, я продолжаю искать, не оставил ли этот невидимый Бог каких-либо следов Своего бытия.

На свете существует несколько вероучений, мне они известны, и все они, кроме одного-единственного, исходят из ложных посылок. Каждое из них требует, чтобы его полностью приняли, утверждая собственную непогрешимость и грозя карой тем, кто отказывается верить. Но для меня эти учения неприемлемы. Любой может заявить все, что ему вздумается, любой может объявить себя пророком. Но, вникая в христианское вероучение, я нахожу в нем истинные пророчества, а быть истинным пророком дано не каждому.

394.	И. Х.
Язычники	Магомет
Неведение Бога	

395. В вопросах веры следует быть до конца честным: истинные язычники, истинные иудеи, истинные христиане.

396. Другие вероисповедания не содержат истины. — У них нет свидетелей. У христиан они есть. Господь отказал другим вероисповеданиям в таких подтверждениях (Исаия XLIII, 9; XLIV, 8).

397. История Китая. — Я верю лишь тем свидетелям исторических событий, которые не откажутся от своих показаний и под угрозой, что их придушат.

Кто больше достоин доверия — Моисей или китайцы?

Об этом нельзя говорить в общих чертах. Повторяю: тут можно и ослепить, и одарить светом.

Этими немногими словами я свожу на нет все ваши рассуждения. “Но история Китая все затемняет”, — говорите вы, а я вам отвечаю: “История Китая все затемняет, но свет все равно есть, его надобно найти. Ищите свет!”

Итак, все, что вы говорите, подтверждает одну точку зрения, но ничуть не противоречит другой. Итак, оно идет на пользу и нисколько не вредит.

Следовательно, вопрос нужно рассматривать во всех подробностях, нужно выложить карты на стол.

398. Против истории Китая. — Историки-мексиканцы; пять солнц, пятому всего лишь восемьсот лет.

Разница между книгой, созданной народом, и книгой, созидающей народ.

399. Магомет, никаких подтверждений. Его доводы должны обладать неотразимой силой убедительности, потому что только этой, силой они и располагают.

А что он проповедует? Что ему должно верить!

400. Я предлагаю судить о Магомете не по тем его утверждениям, которые кажутся темными или даже имеющими некий мистический смысл, а по самым что ни на есть ясным — по описанию рая и прочему в том же духе. Вот уж где он поистине смехотворен! А так как ясное у него смехотворно, то видеть в его темнотах мистические откровения значит глубоко заблуждаться.

Иначе обстоит дело с Евангелием. Пусть там будут места, неясностью своей приводящие в не меньшее недоумение, чем неясности у Магомета, но наряду с этим есть и места, поразительные по своей просветленности, есть недвусмысленные и сбывшиеся пророчества. Так что ставить знак равенства между Евангелием и Кораном немислимо. Нельзя смешивать и уравнивать их на том лишь основании, что и тут, и там есть темноты, обходя молчанием места, чья поразительная ясность побуждает относиться с глубочайшим почтением и к темнотам.

401. Против Магомета. — Считать Магомета автором Корана не больше оснований, чем считать его автором, скажем, Евангелия от Матфея, ибо святого Матфея из века в век цитировали многие авторы; не отрицали его авторства даже такие заклятые враги, как Цельс и Порфирий.

В Коране сказано, что апостол Матфей был благой человек. Следовательно, Магомет — лжепророк, ибо называет благих людей дурными людьми и не соглашается с тем, что они говорят об Иисусе Христе.

402. Различие между Иисусом Христом и Магометом. — Магомет предсказан не был, Иисус Христос предсказан.

Магомет сеял смертоубийство, Иисус Христос посылал на смерть Своих учеников.

Магомет воспрещал людям читать, апостолы требовали от людей, чтобы они читали.

Короче говоря, они так противоположны друг другу, что если Магомет избрал путь к преуспеянию, желанному всем людям, то Иисус Христос избрал путь к смерти, сужденной всем людям; и не следует делать из этого вывод, что поскольку Магомет преуспел, то Иисус Христос тоже мог бы преуспеть: нет, следует помнить, что, поскольку Магомет преуспел, Иисус Христос должен был погибнуть.

403. Любой человек может совершить совершенное Магометом, ибо он не творил чудес и его пришествие не было заранее предсказано; никто не может свершить совершенного Иисусом Христом.

404. Псалмы, которые пела вся земля.

Кто свидетельствует о Магомете? Он сам. Иисус Христос хочет, чтобы Его собственное свидетельство ничего не значило.

От свидетелей требуется, чтобы они были налицо всегда и везде. А Он в свой горестный час был всеми покинут.

3. Иудейский народ

405. Порядок. Обдумать, что в положении иудеев ясно и не может быть оспорено.

406. Это действительно так. Пока философы, не совпадая друг с другом во взглядах, создают различные секты, в некоем замкнутом захолустье живут люди, древнейший в

мире народ, и они утверждают, что этот мир погряз в заблуждениях, а вот им Господь открыл истину, и она во веки веков пребудет на земле. И действительно, все секты распались, а эта по-прежнему существует, и ей уже 4000 лет.

По их утверждению, от далеких предков до них дошла весть, что человек отпал от Господа Бога, что Господь отлучил его от Себя, но обещал со временем искупление первородного греха; что это учение во веки веков пребудет на земле; что у их Завета двойной смысл; что в течение 1600 лет меж них появлялись люди, которых они считают пророками, и предсказывали время и обстоятельства свершения обещанного; что 400 лет спустя они были рассеяны по всей земле, ибо люди на всей земле должны были узнать об Иисусе Христе; что Пришествие Его свершилось в предсказанное время и при предсказанных обстоятельствах; что с тех самых пор иудеи так и живут, рассеянные повсюду, и повсюду над ними тяготеет проклятие, и тем не менее они продолжают существовать.

407. Я знаю, что христианское вероучение зиждется на вероучении, ему предшествующем, и вот что, на мой взгляд, весьма существенно.

Я не собираюсь говорить здесь о чудесах, сотворенных Моисеем, Иисусом Христом и апостолами, ибо на первый взгляд они кажутся не слишком убедительными, меж тем как моя цель — со всей возможной ясностью изложить те основы христианства, которые столь неоспоримы, что решительно ни в ком не могут вызвать сомнения. Общеизвестно, что в разных местах нашей земной обители проживает некий народ, отгороженный от прочих народов мира, и зовется он иудейским народом.

Итак, мне известно, что в разных местах нашего мира и в разные времена являлись люди, созидающие новые вероучения, но заложенная в них нравственность меня не прельщает, доказательства их истинности не убеждают, и я равно не могу принять ни магометанства, ни верований китайцев, или древних римлян, или египтян по весьма простой причине: поскольку ни одно из них не отмечено печатью большей истинности и неоспоримости, нежели остальные, разум отказывается сделать выбор в пользу того или другого учения.

Но, взглядевшись в эту издревле существующую переменчивую и прихотливую мешанину нравов и верований, я обнаруживаю в некоем уголке нашей земли народ особенный, отгороженный от прочих народов и столь древний, что история его начинается на несколько веков раньше истории любого известного нам человеческого сообщества.

Итак, я обнаружил этот сильный и многочисленный народ, который произошел от единого предка, верует в Единого Бога и подчиняется закону, полученному, как утверждают эти люди, прямо из Его дланей. Они настаивают на том, что лишь им одним Господь открыл тайное тайных; что все люди порочны и Господь отлучил их от Себя; что они обречены полагаться лишь на собственные свои чувства и разум, и в этом причина их нелепых заблуждений и неискоренимой переменчивости в отношениях друг с другом, и верованиях, и нравах, равно как неколебимого упрямства в поведении; что, тем не менее, Господь не оставит другие народы в вечном мраке; что явится в этот мир Освободитель всех и каждого; что они, иудеи, для того и существуют, чтобы принести людям эту весть, для того и созданы, чтобы стать возвестителями, глашатаями великого события, призвать все народы вместе с ними ждать пришествия Освободителя.

Все, что я узнаю об этом народе, кажется мне удивительным и достойным особого внимания. Я изучаю закон, который, согласно их похвальбе, они получили из дланей Самого Господа, и нахожу, что он и впрямь превосходен. Это первый в истории человечества закон, иудеи обрели его и неукоснительно им руководствовались за тысячу лет до того, как само это слово вошло в язык древних греков. И еще этот закон поражает меня тем, что, будучи первым в мире, он тем не менее самый совершенный, что все великие законодатели черпали из него собственные свои установления — к примеру, законы Двенадцати Таблиц, появившиеся в Афинах, а затем перенятые римлянами; это

легко было бы доказать, но нет нужды, поскольку все вышесказанное уже достаточно подробно трактовано Иосифом и другими.

408. **Преимущества иудейского народа.** — Когда я начал заниматься всем этим, иудейский народ прежде всего поразил меня весьма примечательным сочетанием свойств превосходных с более чем странными свойствами.

Прежде всего я обнаружил, что весь он состоит из братьев и сестер, ибо, в отличие от других народов, представляющих собой множество объединившихся семейств, этот, столь многочисленный, имеет единого общего прародителя и, поскольку все члены его являются сродниками во плоти, ветвями одного и того же древа, образует могущественное государство, состоящее из единой семьи. Случай небывалый.

Это семейство, этот народ древнее всех народов, известных человечеству; особое почтение к нему — тем паче в этом труде — должно привлекать следующее обстоятельство: мы знаем, что Господь. Бог в разные времена общался с людьми, но узнать, как и когда это происходило, мы можем, лишь прибегнув к помощи иудейского народа.

Этот народ необычен не только древностью своего происхождения, но и непрерывностью бытия на земле, длящегося поныне. Ибо, меж тем как народы Греции и Италии, лакедемоняне, афиняне, римляне и многие другие, возникшие куда позднее, давным-давно погибли, иудеи продолжали существовать невзирая на старания многих могущественных владык уничтожить их — об этом повествуют иудейские историки, и этому легко поверить, поскольку таков естественный ход вещей, — они пережили бесконечную цепь веков, они по сей день целы и сохранны (и это было заранее предсказано), а их история, такая протяженная, вместила в себя историю всех наших народов.

Закон, который правит этим народом, и самый древний в нашем мире, и самый совершенный, и к тому же единственный, неизменно соблюдавшийся государством. Это убедительнейшим образом показали Иосиф в своем труде “Против Апиона” и Филон Иудей во многих местах своих сочинений: они утверждали, что слово “закон” стало известно самым древним народам лишь тысячу лет спустя после их возникновения; таким образом, даже Гомер, рассказавший историю стольких государств, ни разу его не употребил. Что касается совершенства этого закона, то оно бросается в глаза при простом чтении, ибо в нем предусмотрены любые стечения жизненных обстоятельств, к тому же так мудро, справедливо и беспристрастно, что древнейшие римские и греческие законодатели, мало-мальски просвещенные, черпали из него главнейшие свои установления; об этом свидетельствуют так называемые Двенадцать Таблиц и многое другое, приводимое в качестве примера Иосифом. Но в то же время этот закон суровее и жестче любого другого закона во всем, что касается обрядовой части, и, дабы держать народ в рамках долга, требует от него под страхом смерти соблюдения множества своеобразных и тягостных правил; тут надо сказать, что, к вящему удивлению, народ иудейский, столь нетерпеливый, столь строптивый, и впрямь на протяжении веков строжайшим образом соблюдал все, предписанное ему, меж тем как другие народы то и дело меняли свои куда более мягкие законы.

Книга, содержащая этот закон, — самая первая, самая древняя книга на земле: сочинения Гомера, Гесиода и других появились на свет шесть-семь веков спустя.

409. После сотворения мира и всемирного потопа, когда Господу уже не было нужды ни разрушать мир, ни вновь созидать его, ни являть другие величавые знаки Своего бытия, Он поселил на земле некий народ и назначил ему существовать до появления того народа, в который Мессия вселит Свой Дух.

410. Когда сотворение мира начало отступать в глубь веков, Господь озаботился появлением на свет единственного историка — очевидца оных событий и поставил целый народ хранителем этой книги, дабы из правдивейшей в мире истории все люди могли

узнать то, что им так необходимо было знать и что почерпнуть они могли лишь из этого источника.

411. Если повествование Ездры достойно доверия, значит, Писание и впрямь Священное Писание, ибо повествование это подкрепляется авторитетом тех, кто доверял авторитету Семидесяти, утверждавших святость Писания.

Итак, если рассказ Ездры правдив, больше и говорить не о чем, если нет — у нас довольно других показаний. Поэтому люди, которые пытаются посеять сомнение в истинности христианской веры, в чьей основе — Завет Моисея, лишь укрепляют ее с помощью тех же самых свидетельств, служивших им оружием нападения. И вот так охраняемая, она живет в веках.

412. Древность иудеев. — Как разнятся между собою книги! Меня ничуть не удивляет, что греки создали “Илиаду”, а египтяне и китайцы — свои легенды.

Стоит вдуматься в то, как они возникли, — и сразу все проясняется. Эти баснословные историки не были современниками событий, о которых они повествуют. Гомер сочинил роман, причем и он сам, и его слушатели относятся к этому сочинению именно как к роману, ибо все отлично знают, что Троя и Агамемнон — такой же вымысел, как золотое яблоко. Он отнюдь не собирался создать исторический труд, просто хотел развлечь. При этом он — единственный, чей язык — это язык его времени; творение Гомера столь прекрасно, что живет век за веком: все его знают, говорят о нем, — его нужно знать, его заучивают наизусть. Четыреста лет спустя очевидцев описанных событий давно уже не было в живых, никто уже не мог со знанием дела сказать, выдумка все это или доподлинная история: люди получили творение Гомера в наследство от предков, оно вполне может сойти за правдивое описание происшедшего.

Любые исторические события, изложенные не современниками, всегда сомнительны; лгут и все предвещения сивилл, и Трисмегиста, и многих других, — пусть им некогда свято верили, но ход событий подтвердил их лживость. Иное дело, когда о происшедшем рассказывают современники.

Велика разница между книгой, которую сочиняет, а потом отдает на потребу народу некий автор, и книгой, которую творит сам народ. Вот уж тут никто не усомнится, что книга эта столь же древняя, сколь древен народ.

413. У язычества сегодня нет никаких основ. Утверждают, будто некогда они содержались в предвещениях оракулов. Но что можно сказать о книгах, заверяющих нас в этом? Так ли уж непогрешимы их авторы, чтобы целиком положиться на них? И достаточно ли тщательно хранились оные книги, чтобы подмена их была невозможна?

В основе магометанства — Коран и Магомет. Но сей пророк, который должен был воплотить в себе последнюю надежду человечества, — был ли он предсказан? Что отличает его от любого другого человека, вздумавшего объявить себя пророком? Какие чудеса, по собственным его утверждениям, он совершил? Какие таинства поведал, судя по им же введенным обрядам? Какой нравственности, какому пониманию высшего блаженства научил?

К иудаизму следует относиться по-разному, в зависимости от того, рассматриваем мы его в связи со Священным Писанием или в связи с верованиями этого народа. Понятия о нравственности и высшем блаженстве в народных верованиях смехотворны, но все, что связано в иудаизме со Священным Писанием, поистине замечательно. (Как и в любой другой вере: ибо христианство, каким оно явлено в Священном Писании, совсем не похоже на христианство казуистов.) Да, основа иудаизма поистине замечательна, ибо Священное Писание — древнейшая и подлиннейшая книга в нашем земном мире, и, если Магомет воспретил читать свой Коран, дабы он сохранялся в веках, Моисей, напротив того, повелел всем читать свой Завет, дабы он сохранился в веках.

Наша вера столь Божественна по своей сути, что другая вера, тоже идущая от Бога, служит ей всего лишь основой.

4. В чем трудность

414. Вот что я вижу и что приводит меня в смятение. Куда я ни кину взгляд, меня везде окружает мрак. Все, явленное мне природой, рождает лишь сомнение и тревогу. Если бы я не видел в ней ничего отмеченного печатью Божества, я утвердился бы в неверии; если бы на всем лежала печать Создателя, я успокоился бы, исполненный веры. Но я вижу слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы уже ничем не смущаться, и сердце мое скорбит, и я не устаю повторять: если природа сотворена Богом, пусть неопровержимо подтвердит Его бытие, а если ее подтверждения обманчивы, пусть их совсем не будет, пусть она убедит меня во всем или во всем разубедит, дабы мне знать, чего держаться. Ибо в нынешнем своем положении, не ведая, что я такое и что мне должно делать, я не могу постичь ни своего положения в этом мире, ни своего долга. Всем сердцем я жажду постичь, где он — путь, который ведет к истинному благу; во имя вечности я готов на любые жертвы. Я полон зависти к людям, исполненным веры и тем не менее живущим в суете, нерадиво бросающим на ветер сокровище, которым я — так мне, по крайней мере, кажется — распорядился бы совсем иначе.

415. Если человек не создан для Бога, почему он обретает счастье только в Боге? Почему, если человек создан для Бога, он восстает на Бога?

416. Природа отмечена такими совершенствами, что всем должно быть ясно: она отражает образ Бога; вместе с тем природа отмечена такими недостатками, что всякому должно быть ясно: она всего-навсего лишь отражает Его образ.

417. [Митон] видит, что природа изъедена порчей, что людям претит порядочность, но ему неизвестно, почему все-таки они не могут взлететь хоть немного выше.

418. Порядок. — Когда на людях уже тяготел первородный грех, сказать; “Было бы справедливо, чтобы все знали о своей греховности, — те, кому нравится подобное состояние, и те, кому оно не нравится, — но было бы несправедливо, чтобы все знали об искуплении”.

419. Если человек не понимает, что он исполнен гордыни, честолюбия, слабости, похоти, ничтожества, несправедливости, он слеп. Но если, зная все это, он не желает освободиться от своей греховности, — что сказать о подобном человеке?..

И возможно ли не преклониться перед вероучением, которое так хорошо знает все людские пороки, возможно ли не пожелать приобщиться истине, заложенной в этом вероучении, которое обещает столь драгоценные целительные средства?

5. Преодоление трудности: естество, отпавшее от Господа

420. Все возражения, от кого бы они ни исходили, обращаются против возражающих, но никак не против нашей веры. Все, что говорят безбожники...

421. Должен сказать, что, по глубокому моему убеждению, стоит нам постичь основополагающее учение христианства о греховности природы человека и его отпадении от Бога, как у нас открываются глаза и мы сразу находим множество подтверждений этой истины, ибо решительно все и внутри, и вне нас несет печать греховности природы человека и его отпадения от Бога.

422. Греховность человеческой природы. — Человек не способен в своих поступках руководствоваться разумом, хотя разум — суть его натуры.

423. Порочность нашего разума проявляется во множестве разнообразнейших и нелепейших людских обыкновений. И только после пришествия в мир Истины человек перестал довольствоваться самим собой.

424. До грехопадения достоинство человека состояло в том, что он извлекал пользу из бессловесных тварей и возглавлял их, ну, а теперь его достоинство в том, что он отделяет себя от них и всех поработает.

425. Станет ли кто-нибудь утверждать, будто люди постигли смысл первородного греха, основываясь на утверждении, что справедливость покинула землю? *Nemo ante*

obitum beatus est¹, — значит ли это, будто они постигли, что истинное и непреходящее блаженство возможно обрести лишь после смерти?

6. Знамена истинного вероисповедания

426. После всестороннего обсуждения природы человека. — Истинным следует считать лишь то вероисповедание, которое всесторонне познало нашу натуру. Оно должно постичь и ее величие, и ее малость, и причины, лежащие в основе того и другого. А кто познал эту натуру глубже, нежели христианская вера?

¹ Никого нельзя назвать счастливым до его кончины (лат.).

427. Величие, ничтожество. — Чем просвещеннее человек, тем яснее он видит и все величие, и всю низменность людской натуры. Большинство людей; те, кто возвышеннее духом, — философы: большинство не может надивиться на них; христиане: философы не могут надивиться на них.

А кто дивится тому, что знания, обретаемые нами постепенно, по мере того, как просвещается наш ум, эти знания христианская вера дает нам сразу во всей их полноте?

428. Истинная природа человека, его истинное благо, и добродетель, и вера познаются лишь в своей целокупности.

429. Но из утверждения, что в Боге — конец концов, с неизбежностью, вытекает, что в Нем — и начало начал. Взоры человека возведены горе, но его ноги стоят на песке: Земля разверзнется, и человек провалится в бездну, не отрывая глаз от неба.

430. Лживо то вероучение, которое не преисполнено преклонения перед Господом как началом начал всего сущего и не утверждает главным своим нравственным законом любовь к Нему и только к Нему, как конечной цели всего сущего.

431. Если существует единое общее начало и единая конечная цель сущего, значит, все — от этого Единого и всё во имя Его. Поэтому истина — в том вероучении, которое учит поклоняться только Ему, любить только Его. Но так как мы равно не в силах поклоняться кому-то, нам неведомому, и любить кого-то, кроме нас самих, дело вероучения — не только научить нас нашему долгу, но и открыть нам глаза и на это бессилие, и на пути, ведущие к его исцелению. Вера учит нас, что если по вине одного-единственного человека мы всё утратили и были отрешены от Господа, то благодаря одному-единственному человеку Господь вновь приобщил нас к Себе.

Мы от рождения так мало привлекаем к себе Господню любовь, а меж тем она так необходима нам, что-либо мы и впрямь рождаемся на свет отягощенные виной, либо Господь несправедлив.

432. Признак истинности вероучения в том, что оно вменяет человеку в долг любовь к Господу. Что может быть справедливее? Однако из всех вероучений только христианство побуждает к подобной любви. Истинной вере надлежит также все знать о людской похоти и людском бессилии: христианство знает и это. Ему ведомо, как целить эти пороки; одно из таких целительных средств — молитва. Лишь христиане обращаются к Богу с мольбой ниспослать им любовь к Нему и силы следовать Его заветам.

433. Если Бог существует, нам надлежит любить Его, и только Его, а не творения, чей век мимолетен.

Рассуждение нечестивцев из “Премудрости” целиком основано на том, что Бога нету. “В таком случае, — сказано там, — будем же наслаждаться сущим”. Это на худой конец. Но они пришли бы к противоположному выводу, если бы верили в существование Бога и возможность любить Его. Именно такой вывод и сделали истинные мудрецы. “Существует Бог, не станем же искать наслаждения в сущем”.

Итак, все побуждающее привязываться к сущему пагубно для нас, ибо мешает служить Господу, если мы познали Его, или искать, если еще не познали. Но мы исполнены похоти и, значит, исполнены зла, и, значит, нам надлежит ненавидеть себя и все, что побуждает нас к привязанностям, мешающим единой любви к Господу.

434. Кто не питает ненависти к своему себялюбию и всегдашнему желанию обожествить себя, тот просто-напросто слеп. Разве не очевидно, что подобное желание противно истине и справедливости? Ибо неправда, что мы достойны обожествления, и несправедливо к этому стремиться, и невозможно этого достичь, поскольку все без изъятия хотят того же. Так что наша прирожденная несправедливость бьет в глаза, и нам от нее не избавиться, а избавиться необходимо.

Меж тем все другие вероучения молчат о том, что это — грех, что мы в этом грехе рождены, что наш долг — противостоять ему, они и не думают давать нам целительные средства от подобного недуга.

435. Истинное вероучение помогает нам постичь наш долг, наши слабости, которые мешают его исполнению — гордыню, похоть, — и целительные средства — смирение, умерщвление плоти.

436. Пусть истинное вероучение научит человека понимать, как он велик и как ничтожен, пусть внушит ему уважение и презрение, любовь и ненависть к самому Себе.

437. Все эти противоречия, которые, казалось бы, должны были так отдалять меня от познания сути любого вероучения, — именно они так быстро привели меня к вероучению, основанному на истине.

7. Заключение

438. Главные свои удары — о менее существенных я сейчас говорить не буду — пирроники сосредоточили на следующем: у нас нет никаких доказательств истинности этих основополагающих начал, кроме веры и откровения, да еще ощущения их изначального присутствия в нашем существе. Но это ощущение изначального присутствия нельзя считать решительным доказательством их истинности, ибо мы верим, но отнюдь не уверены в том, что человек действительно был сотворен благим Господом, а не злобным демоном или случайностью, и, следовательно, не зная, каково наше происхождение, не можем знать, все ли истина в оных основополагающих началах, или все ложь, или в них наличествует и то и другое. Более того, мы можем только верить, но отнюдь не знать наверное, что в эту минуту бодрствуем, а не спим, ибо спящие не менее твердо уверены, что бодрствуют, нежели мы, бодрствующие: им мнится, будто они видят пространство, облики, движения, чувствуют протекание времени, измеряют его, даже действуют во сне, словно наяву; и как знать, поскольку, по нашему собственному признанию, половина нашей жизни проходит во сне, когда человек, сам того не понимая, утрачивает всякое представление о действительности, ибо его чувства в это время — лишь воображаемые чувства, — как знать, не является ли сном та часть нашей жизни, которую мы считаем бодрствованием, сном с присущими именно ему особенностями, и не пробуждаемся ли мы от него как раз тогда, когда, по нашим представлениям, засыпаем?

И если бы люди спали все вместе и если бы им случилось видеть одинаковые сны — это бывает, и нередко! — а потом они бодрствовали бы врозь, можно ли усомниться, что сон они считали бы явью, и наоборот? В общем, как нам нередко снится, что мы видим сменяющие друг друга сны, так и в жизни, которая тоже есть сон, сновидения возникают одно из другого, и пробуждает нас только смерть, ну, а пока мы живем, у нас так же мало руководящих начал для постижения истины в блага, как их нет у спящих обыкновенным сном; что же касается множества мыслей, волнующих нас, вполне возможно, все они порождены заблуждением, как, скажем, вера в способность времени двигаться или пустые фантазии, населяющие наши сны.

Вот на что направлены главные удары той или другой стороны.

Не касаюсь сейчас менее существенных вопросов — например, выступлений пирроников против влияния установившихся обычаев и нравов, воспитания, местных особенностей и прочего в том же духе, — влияния, неотразимого для большинства людей, которые все догматы строят на этих основах, столь шатких, что они мгновенно рушатся,

едва пирроники на них подуют. А кто продолжает сомневаться, пусть прочитает их книги, уж тут-то он будет ими убежден — может быть, даже слишком. Упомяну здесь единственный сильный довод догматиков, состоящий в том, что вряд ли найдется такой человек, который с полной искренностью и убежденностью стал бы отрицать существование основополагающего начала. На этот довод пирроники возражают, ссылаясь, коротко говоря, на неясность происхождения человека и вытекающую из нее неясность нашей натуры, что, в свою очередь, влечет ответ догматиков, и спор этот будет длиться до скончания мира.

Словом, идет открытая война двух станов, и любой из нас должен принять в ней участие, неизбежно присоединиться либо к догматикам, либо к пирроникам. Ибо пожелавший остаться нейтральным как раз и окажется пирроником из пирроников: в нейтралитете и есть самая суть этой секты, потому что кто не против них, тот, безусловно, заодно с ними (в чем, видимо, их преимущество). Они ведь и сами не стоят за себя, они нейтральны, безразличны, непричастны не только к другим, но и к себе.

Ну, а как поведет себя в таких обстоятельствах человек? Во всем усомнится? Усомнится в том, что он сейчас бодрствует? Что его щиплют или жгут? Усомнится в том, что сомневается? В том, что существует на свете? Но до такого предела дойти невозможно, и я утверждаю, что подлинно последовательных пирроников никогда и не было. Тут на выручку беспомощному разуму приходит природа и воспрещает ему доходить до таких границ сумасбродства.

Или, напротив того, станет утверждать, что ему открыта вся истина, — это ему, тому самому, кого чуть толкнешь — и он уже не знает, на что опереться, и сдает все свои позиции?

Ну не фантастическое ли существо являет собой человек! Невидаль, чудище, хаос, клубок противоречий, диво дивное! Судия всему сущему, безмозглый червь, вместилище истины, клоака невежества и заблуждений, гордость и жалкий отброс Вселенной!

Кому под силу разобраться в этой путанице? Природа опровергает доводы пирроников, разум — доводы догматиков. Что же станет в таком случае с вами, о люди, ищущие истинное свое место в мироздании с помощью одного лишь здравого разума? Вы не можете отвергнуть взгляды обеих этих сект, но и стать на сторону той или другой тоже не можете.

Познай же, гордец, каким сочетанием несочетаемого предстаешь ты перед самим собою! Смирись, бессильный разум, замолчи, бессмысленная природа: постарайтесь понять, что человек намного превосходит человека, узнайте от вашего Владыки, каково оно, истинное ваше положение в мире, до сих пор вам неизвестное. Внемлите Господу.

Потому что, если бы человек не запятнал себя грехом, он в своей непорочности безмятежно наслаждался бы истиной и благодатью, а если бы человек изначально был греховен, он не имел бы понятия ни об истине, ни о небесном блаженстве. Но горе нам, несчастным, — тем большее горе, чем величавее был некогда наш удел! — мы представляем себе, каково оно, счастье, но не можем его достичь, чувствуем, какова она, истина, но все, чем владеем, сплошной обман; мы не способны ни к полному неведению, ни к несомненному знанию, — какие же еще нужны доказательства былого нашего совершенства, ныне, к несчастью, утраченного!

Но не поразительно ли, что древнейшая из ведомых нам тайн — я говорю о первородном грехе, — что именно она, и только она помогает нам познать самих себя! Ведь, бесспорно, нет ничего более оскорбительного для нашего разума, нежели утверждение, что за грех, свершенный первым человеком, в ответе самые отдаленные потомки этого человека, к его греху никак не причастные. Подобное перетекание вины представляется нам не просто невероятным, но и в высшей степени несправедливым, ибо что больше противостоит нашей убогой земной справедливости, нежели вечное проклятие, тяготеющее на ребенке, не способном на проявление собственной воли и не запятнанном грехом, который был совершен за шесть тысяч лет до его рождения?

Разумеется, подобное учение больно ранит нас, но, с другой стороны, лишь эта непостижимейшая из тайн и дает нам возможность постигнуть самих себя. Именно в ее бездне и скрыт узел, от которого тянется все перепутанное плетение нитей нашего нынешнего удела, так что человек был бы еще более невообразим без тайны первородного греха, чем тайна первородного греха невообразима для человека.

Отсюда напрашивается вывод, что Господь, пожелав сделать непостижимой загадку тягостности нашего бытия, сокрыл узел ее так высоко или, вернее, так низко, что нам до него не дотянуться; поэтому никакие высокомерные потуги нашего разума не помогут нам познать самих себя: помочь нам в этом может лишь смиренная покорность разума.

Из этих основных положений, твердо установленных нашим вероучением, мы черпаем две равно вековые истины: одна гласит, что человек в первородном своем состоянии или, другими словами, в состоянии благодати был вознесен над всеми другими тварями, он был как бы подобием Бога, на нем лежал отблеск его Божественного Создателя; вторая гласит, что после грехопадения он утратил благодать и стал подобен животным.

Обе эти истины неоспоримы и безусловны. Их несколько раз открыто провозглашает нам Священное Писание: “*Deliciae meae esse cum filius hominum*”¹, “*Effundam spiritum meum super omnem carnem*”², “*Dii estis*”³ и т.д.

А в других местах сказано: “*Omnis caro faenum*”⁴, “*Homo assimilatus est jumentis insipientibus et similis factus est illis*”⁵. “*Dixi in corde meo de filiis hominum*”⁶ (Еккл. III, 18).

¹ Радость моя была с сынами человеческими (лат.).

² Излию от Духа Моего на всякую плоть (лат.).

³ Вы — боги (лат.).

⁴ Всякая плоть — трава (лат.).

⁵ Но человек в чести не пребудет, он уподобится животным (лат.).

⁶ Сказал я в сердце своем о сынах человеческих (лат.).

Из чего с несомненностью следует, что человек, осененный благодатью, как бы подобен Богу, он приобщен к Нему, а лишенный благодати как бы подобен тупым животным.

439. Если бы не эти Божественные откровения, людям только бы и оставалось, что превознести себя, вняв тайному голосу, нашептывавшему о былом их величии, или, напротив того, впасть в уныние, ощутив нынешнее свое бессилие. Ибо кто не постиг истину во всей ее полноте, тот никогда не достигнет совершенной добродетели. Одни считают человеческую натуру непорочной, другие — неисправимой и соответственно погрязают или в гордыне, или в лености, а эти пороки — исток всех других пороков, потому что леность мешает их побороть, а гордыня — с ними расстаться. Ибо не познавшие превосходства человеческой природы не ведают о ее порочности и, значит, умеют справляться с леностью, но попадают в плен к гордыне, а сознающие порочность человеческой природы не ведают о ее высоком достоинстве и, значит, без труда справляются с тщеславием, но с головой погружаются в отчаяние. Вот это и породило множество сект — стоиков, эпикурейцев, догматиков, академиков и др.

Исцелить эти пороки дано только христианскому вероучению, но не с помощью земной мудрости, одним вытесняя другого, а с помощью евангельской простоты, вытесняя сразу обоих. Ибо христианство учит праведных, что оно возвышает их до причащения Самому Господу, но что и в этом столь благом состоянии духа они несут в себе порчу, которая до скончания дней обрекает их власти заблуждений, горестей, смерти, греха; и в то же время оно призывает к закоренелым безбожникам, твердит им, что и они могут сподобиться милосердия своего Спасителя. И вот, вселяя трепет в тех, кому дарует спасение, и утешая тех, кого сурово осуждает, христианская вера, с одной стороны, умеряет страх надеждой и, все время вещая о двойной способности любого человека и причаститься благодати, и погрязнуть в грехах, не дает впасть в отчаянье, хотя при этом так принижает, как никогда не мог бы принизить разум, а с другой стороны, не дает раздуться от спеси, хотя так возвышает, как никогда не могла бы возвысить наша

прирожденная гордыня: тем самым она, христианская вера, как бы вразумляет всех, что лишь ей, не запятнанной заблуждениями и пороками, дано исправлять людей.

Так возможно ли отвергнуть этот свет, льющийся с небес, возможно ли не довериться ему, не возлюбить его? Разве не яснее ясного, что любой из нас ощущает в себе неизгладимые черты совершенства? И не столь же очевидно, что ежечасно дают нам себя чувствовать следствия нашего прискорбного удела? И не об этой ли двойной природе человека кричит сей хаос, сия чудовищная путаница голосом столь громоподобным, что не услышать его просто невозможно?

Раздел II. УЗЕЛ

1. Убрать препятствия

440. “Случись на моих глазах чудо, оно укрепило бы веру во мне”, — говорят многие люди. Те, чьи глаза чуда не увидели. Иные доводы разума, если их рассматривать издали, ограничивают наш кругозор, но стоит найти правильную точку зрения, как мы начинаем видеть даже и за пределами нашего кругозора. Людской разум неиссякаемо словоохотлив. Нет правил без исключения, любят повторять люди, как нет истины столь всеобъемлющей, чтобы в любом случае оставаться безошибочной. А если она к обсуждаемому предмету неприменима, этого довольно, чтобы причислить его к исключениям и сказать: “Это утверждение не во всех случаях соответствует данной истине, значит, в этих случаях оно ошибочно”. И нам только и остается, что доказывать: нет, никакой ошибки в нем нет, — и до чего же неловкими и приниженными чувствуем мы себя, если не находим убедительного довода.

441. Порядок. — Окончив послание — “Должно искать Бога”, написать следующее — “Убрать препятствия”, где речь пойдет о “механизме”, о подготовке механизма, о поисках с помощью здравого разума.

442. Порядок. — Послание другу, призывающее к поискам. И его ответ: “А какой мне в этом прок? Кругом не видно ни зги”. И ответить ему: “Не теряйте надежды”. И он снова ответит, что был бы счастлив увидеть хоть проблеск света, но что само христианское учение гласит: если его вера этим и ограничится, спасения она ему не принесет, поэтому он предпочитает вовсе не искать. И ответ на это: Механизм.

2. Непостижимость. Бытие Бога. Ограниченность нашей логики

443. Я понимаю, что меня могло бы и не быть: мое “я” — в способности мыслить, меж тем я не появился бы на свет, если бы мою мать убили прежде, нежели я стал одушевленным существом; следовательно, меня нельзя считать существом необходимым. Точно так же я не вечен и не бесконечен, но все в этом мире говорит мне о том, что существует Некто необходимый, вечный и бесконечный.

444. Значит, вы отказываетесь верить в бесконечность и неделимость Бога? — Отказываюсь. — В таком случае я помогу вам сейчас увидеть нечто и бесконечное, и неделимое: разумею точку, которая движется одновременно во всех направлениях и с бесконечной скоростью, ибо она существует одновременно везде и вся целиком.

Пусть это явление природы, прежде казавшееся вам невозможным, убедит вас, что в природе, вполне вероятно, существует много такого, о чем вы еще даже не подозреваете. Из того, чему вы обучились, не делайте вывода, будто уже все постигли; напротив того, усвойте, что осталось бесконечно много неусвоенного.

445. Бесконечное движение, точка, все собою заполняющая, момент покоя; бесконечность, которую не исчислить, неделимая и бесконечная.

446. Если вечное Существо существует хотя бы мгновение, Оно существует всегда.

447. Непостижимо, что Бог есть, непостижимо, что Его нет; что в нашем теле есть душа, что у нас нет души; что мир был сотворен, что он никем не сотворен, и т. д.; что первородный грех был свершен, что он не был свершен.

448. С обычной людской точки зрения, первородный грех — прямая бессмыслица, но именно таков он и есть.

Не пеняйте же на меня за то, что учение о нем я не подкрепляю никакими разумными обоснованиями, ибо, с моей точки зрения, таких оснований просто не существует. Но эта бессмыслица мудрее всей людской мудрости, *sapientus est hominibus*¹. Ибо, не существуй первородного греха, разве можно было бы понять, что такое человек? Все его бытие определено этой неприметной черточкой. Да и как человеческому разуму ее приметить, если они несовместимы и если разум, сам решительно не способный додуматься до первородного греха, немедленно отступает в тень, стоит показать ему оный грех.

449. Привычка — суть нашей натуры. Кто привык верить, тот во всем полагается на веру, и уже не может не страшиться преисподней, и ничему другому не верит. Кто привык верить, что король грозен и т. д. Ну, а если наша душа привыкла видеть числа, пространство, движение — можно ли усомниться, что она полна веры, будто в мироздании существуют они, и только они?

450. Люди не привыкли возвращать достоинства, они только и способны, что награждать их, обнаружив уже готовенькими, вот и о Господе Боге они судят по собственной мерке.

3. Бесконечность — небытие

451. Бесконечность — небытие. — Наша душа брошенная в оболочку тела, находит там число, пространство, три измерения. Она рассуждает о них, объединив общим названием “природа”, “необходимость”, и ни во что другое поверить не способна.

Бесконечность не увеличится, если к ней прибавить конечную величину, как не удлинится бесконечное

¹ Премудрее человеков (лат.).

мерило, если к нему прибавить еще одну пядь. Конечное уничтожается при сопоставлении с бесконечным и становится абсолютным небытием. Равно как наш дух по сравнению с Духом Господним, как наша справедливость по сравнению с Господней справедливостью. Но наша справедливость более соразмерна Господней справедливости, нежели конечная величина — бесконечной.

Справедливость Господа должна быть столь же беспредельной, сколь и Его милосердие. Меж тем суровость суда Господня над грешниками менее беспредельна и потрясающа, нежели беспредельность милосердия к избранникам.

Мы знаем, что бесконечность существует, но не знаем, какова ее природа. Равно как знаем, что числам не может быть конца и, следовательно, некое число должно выражать бесконечность. И это все, что нам о нем ведомо; оно так же не может быть четным, как нечетным, ибо не изменится, если к нему прибавить единицу; вместе с тем оно — число, а любое число либо четно, либо нечетно (правда, это относится к числам конечным). Значит, человек вполне может знать, что Бог есть, и при этом не ведать Его сути. Нам ведомо множество истин частичных, не охватывающих всей истины, так почему же не может быть единой всеобъемлющей истины?

Итак, мы знаем, что существует конечное, нам понятна его природа, ибо мы сами конечны и протяженны, как оно. Мы знаем, что существует бесконечное, но нам непонятна его природа, ибо, обладая, как мы, протяженностью, оно не имеет границ. Но мы не знаем, существует ли Бог и, если существует, какова Его природа, ибо у Него нет ни протяженности, ни границ.

Однако вера открывает нам Его существование, удостоившиеся благодати познают Его природу. Напомню, я уже показал, что, даже не постигая природы какого-то явления, можно твердо знать, что оно существует.

Теперь поговорим об этом с точки зрения теории естественнонаучной.

Если Бог существует, Он бесконечно непостижим, поскольку, будучи неделим и беспределен, во всем отличен от нас. Итак, нам не дано знать, какова Его суть и есть ли Он. Но, признав это, кто дерзнет отрицать или утверждать Его бытие? Не мы, ибо ни в чем не соотносимы с Ним.

Как же можно осуждать христиан за то, что они не способны разумно обосновать свои верования, — они, исповедующие веру, не поддающуюся разумным обоснованиям? Христиане во всеуслышание заявляют, что их вера — нелепость, *stultitia*¹, — а вы после этого жалуетесь, что они ничего не доказывают! Начни христиане доказывать бытие Божие, они были бы нечестны, а вот говоря, что никаких доказательств у них нет, они тем самым проявляют здравый смысл.

— Ну хорошо, но даже если ваш довод оправдывает тех, кто подобным образом излагает христианское вероучение, и снимает с них обвинение в бездоказательности, он ни в коем случае не оправдывает тех, кто сию бездоказательность покорно принимает.

— Что ж, рассмотрим это возражение и скажем так: “Бог либо есть, либо Его нет”. Какой же ответ мы изберем? Разум нам тут не помощник: между нами и Богом — бесконечность хаоса. На самом краю этой бесконечности идет игра — что выпадет, орел или решка? На что вы поставите? Если внять разуму — ни на то, ни на другое; если внять разуму — выбор неправилен.

Не осуждайте же за лицемерие того, кто сделал выбор и поставил на Вездесущего, ибо вы и сами не знаете правильного ответа.

— Не знаю и поэтому предаю осуждению не за тот или иной выбор, а за выбор вообще: неправильно ставить на Бога, неправильно ставить против Него, любой выбор

¹ Глупость, нелепость (*лат.*).

равно неправилен. Единственный правильный путь — вообще воздержаться от выбора.

— Да, но не выбирать нельзя. Не спрашивая вашего согласия, вас уже засадили за эту игру. Так на что вы поставите? Давайте подумаем. Поскольку выбор неизбежен, подумаем, что вас меньше затрагивает. Вам грозят два проигрыша: в одном случае проигрыш истины, в другом — блага, на кон поставлены две ценности — ваш разум и ваша воля, знания и вечное блаженство, меж тем как ваше естество равно отворачивается и от заблуждения, и от безмерных мук. На что бы вы ни поставили, разум смирится с любым выбором — ведь отказаться от игры никому не дано. Так что тут все ясно. Но как быть с вечным блаженством? Взвесим наш возможный выигрыш или проигрыш, если вы поставите на орла, то есть на Бога. Сопоставим тот и другой: выиграв, вы выиграете все, проиграв, не потеряете ничего. Ставьте же, не колеблясь, на Бога!

— Превосходное рассуждение! Да, выбирать, пожалуй, придется, но не слишком ли многим я при этом рискую?

— Давайте подумаем. Мы уже знаем, каковы шансы на выигрыш и проигрыш, поэтому вам был бы полный смысл ставить на Бога, даже если бы вы взамен одной жизни выигрывали только две (ведь не играть вы все равно не можете), тем паче три; в этой принудительной игре с подобными шансами на выигрыш и проигрыш было бы величайшим неблагоприятием отказаться рискнуть одной жизнью ради возможных трех! А ведь на кону вечная жизнь и вечное блаженство! Будь у вас один шанс из бесконечного множества, вы и то были бы правы, ставя одну жизнь против двух, и, с другой стороны, действовали бы очень неосмотрительно, отказавшись поставить одну против трех, ну а что говорить о шансе, пусть одном из бесконечного множества, выиграть бесконечно блаженную бесконечную жизнь! В нашем же случае у вас шанс выиграть бесконечно блаженную бесконечную жизнь против конечного числа шансов проиграть то, что все равно идет к концу. Этим все и решается: если выигрыш — бесконечность, а возможность

проигрыша конечна, нет места колебаниям, нужно все ставить на кон. Таким образом, поскольку хотим мы того или не хотим, а играть все равно приходится, давайте откажемся от разума во имя жизни, рискнем этим самым разумом во имя бесконечно большого выигрыша, столь же возможного, сколь возможен и проигрыш, то есть небытие.

Ибо нет резона говорить, что выигрыш сомнителен, а риск несомненен, что бесконечность расстояния между несомненностью поставленного на кон и сомнительностью выигрыша вполне уравнивает конечное благо, которым человек, несомненно, рискует, с благом бесконечным, но сомнительным. Это пустая отговорка: в любой игре риск несомненен, а выигрыш сомнителен, тем не менее игрок идет на этот несомненный риск ради сомнительного выигрыша, ничуть не погрешая против разума. Неправда, что между такой несомненностью всего, что можно проиграть, и сомнительностью всего, что можно выиграть, пролегает бесконечное расстояние. Оно действительно пролегает, но лишь между несомненностью выигрыша и несомненностью проигрыша. Что же касается сомнительности выигрыша, то она прямо пропорциональна несомненности поставленного на кон, согласно соотношению между возможностью выигрыша и возможностью проигрыша. Отсюда вывод: если шансов выиграть столько же, сколько шансов проиграть, игра идет на равных и, значит, несомненность того, что стоит на карте, равна сомнительности выигрыша; другими словами, расстояние между ними отнюдь не бесконечно. Поэтому, когда речь идет об игре с подобными шансами на выигрыш и проигрыш, с риском проиграть конечное и выиграть бесконечное, наше утверждение обладает бесконечной доказательностью. Это очевидно, и если людям доступна хоть какая-то истина — вот она перед вами.

— Признаю вашу правоту и целиком с вами согласен. Но нет ли какого-нибудь способа выяснить, что кроется за этой игрой?

— Есть: чтение Евангелия и пр., и т.д.

— Все это так, но мне связали руки и заткнули рот, не дают вольно вздохнуть, меня принуждают играть и лишают свободы выбора, а я так устроен, что не могу уверовать. Что же прикажете мне делать с собой?

— Понимаю вас. Но постарайтесь по крайней мере понять, что если сам разум толкает вас к вере, а вы все равно не способны уверовать, значит, причина подобной неспособности — в ваших собственных страстях. Старайтесь преодолеть себя, но не с помощью умножения доказательств бытия Божия, а с помощью обуздывания страстей. Вы хотите прийти к вере, но не знаете пути, хотите исцелиться от безбожия и просите лекарств: учитесь у тех, кто был так же несвободен, как вы, а потом постепенно поставил на кон все свои блага; эти люди нашли путь, который вы ищете, исцелились от недуга, от которого вы жаждете исцелиться. Начните с того, с чего начали они: во всем поступайте так, словно уже уверовали, окропляйте себя святой водой, просите отслужить мессу и т. д. И вы невольно проникнетесь верой и перестанете умничать.

— Но этого-то я и боюсь.

— А чего тут бояться? Что вы теряете?

И чтобы вы уяснили себе, насколько правильно такое поведение, добавлю: оно поможет вам обуздать ваши страсти — камни преткновения на пути к вере.

Конец этого рассуждения. — Итак, чем вы рискуете, сделав такой выбор? Вы станете честным, неспособным к измене, смиренным, благодарным, творящим добро человеком, способным к нелицеприятной, искренней дружбе. Да, разумеется, для вас будут заказаны низменные наслаждения — слава, сладострастие, — но разве вы ничего не получите взамен? Говорю вам, вы много выиграете даже в этой жизни, и с каждым шагом по избранному пути все несомненное будет для вас выигрыш и все ничтожнее то, против чего вы поставили на несомненное и бесконечное, ничем при этом не пожертвовав.

— Ваше рассуждение приводит меня в восторг, восхищает! и т. д.

— Если оно вам нравится, если убеждает вас, знайте: так рассуждает человек, не перестающий колени преклоненно молить за вас То высшее, неделимое Существо,

Которому целиком покорно его собственное существо, чтобы и вы в свою очередь покорились Ему ради вашего блага и ради славы одного человека; вот так сила сочетается с подобной низменностью.

4. Покорность и разумение

452. Если бы что-то делать стоило лишь ради сулящего несомненный успех, ради веры ничего не стоило бы делать, ибо подобной несомненности в ней нет. Но сколько мы делаем такого, что отнюдь не сулит несомненного успеха: взять хотя бы морские путешествия или войны. Вот я и утверждаю, что при этом условии вообще не следует ничего делать, так как в мире нет ничего несомненного; ну, а в вере несомненности больше, нежели в том, что мы доживем до завтрашнего дня, ибо доживем ли — сомнительно, а вот что можем не дожить — несомненно. Меж тем о вере этого никак не скажешь. Мы можем сомневаться в ее несомненности, но кто дерзнет с полной несомненностью ее отрицать? Итак, человек, который трудится ради завтрашнего дня, то есть ради чего-то сомнительного, поступает разумно, ибо иначе и нельзя поступать, согласно правилам игры и выбора, о которых уже шла речь.

Блаженный Августин видел, что люди пускаются в плавание по морю, идут на войну и т.д., хотя успех этих дел сомнителен, но не ведал о правилах игры, которые свидетельствуют, что так оно и должно быть. Монтень видел, как раздражает хромой ум и как всевластен обычай, но не знал причины этого следствия.

Эти люди видели следствия, но не видели причин; по сравнению с теми, кто до этих причин додумался, они точь-в-точь как наделенные зрением по сравнению с наделенными вдобавок еще и разумом, ибо следствия как бы воспринимаются чувствами, а причины возможно постичь только с помощью разума. И хотя разум тоже постигает следствия, но по сравнению с разумом, постигающим причины, он точь-в-точь как любое из наших телесных чувств по сравнению с разумом.

453. Согласно правилам игры, вам должно без усталости стараться найти истину, ибо, если вы умрете, не исполнившись благоговейной любви к Зиждигителю, вас ждет гибель. — “Но когда бы Он и впрямь желал моей благоговейной любви, то подал бы мне какие-то знаки Своей воли”, — отвечаете вы. А Он и подал, только вы их не заметили. Ищите же, дело стоит того!

454. Правила игры. — В земной юдоли человеку следует устраивать жизнь, опираясь на одно из двух противоположных утверждений: 1. Его пребывание в этом мире будто бы нескончаемо; 2. Оно, вне всяких сомнений, быстролетно и, возможно, через час уже придет к концу. В этом втором утверждении — истинная суть нашего удела.

455. Если отпущенный мне десяток лет (ибо таковы правила игры) я проведу, ублажая свое себялюбие и безуспешно стараясь понравиться, что вы можете обещать мне, кроме несомненных мучений?

456. Возражение. — Надежда на спасение дарует человеку счастье, но этому счастью сопутствует страх перед преисподней.

Ответ. — У кого больше оснований страшиться преисподней: у людей, не знающих, существует преисподняя или нет, но уверенных, что будут ввергнуты в нее, если она все же существует, или у людей, которые не сомневаются в ее существовании, но преисполнены надежды, что спасутся?

457. “Я немедленно отказался бы от мирских наслаждений, если бы верил в Бога” — так обычно говорит безбожник. А я так отвечаю на это: “Вы немедленно поверите в Бога, как только откажетесь от мирских наслаждений”. Так что первый шаг должны сделать вы.

Я внушил бы вам веру, если бы мог, но это не в моей власти, и, значит, не в моей власти проверить, так ли оно было бы в действительности, как вы говорите. Но в вашей власти отказаться от наслаждений и проверить, так ли оно будет в действительности, как говорю вам я.

458. Порядок. — Мне было бы куда страшнее заблуждаться и лишь потом обнаружить, что в христианской вере сокрыта истина, чем, не заблуждаясь, твердо верить в ее истинность.

459. Христианская вера говорит о том, о чем чувства сказать не могут, но никогда не вступает в противоборство с ними. Она превышает чувств, но между ними нет противостояния.

460. Сколько нам понадобилось подозрных труб, чтобы открыть светила, доселе не существовавшие для наших философов! Священное Писание не раз оспаривали из-за поминаемого там великого множества звезд, громогласно заявляя при этом: “Их всего-навсего тысяча двадцать две, уж это мы твердо знаем!”

На земле растут разные травы — мы их видим. — Но с Луны их не увидели бы. — Эти травы обросли ворсинками, между ворсинок ютятся крошечные твари, а уж мельче их нет ничего. — О самомнительный человек! — Сложные вещества состоят из элементов, но вот элементы совершенно однородны. — О самомнительный человек! Тут пролегает некая еле заметная черта. — Не следует говорить, будто существует что-то недоступное нашему зрению. — Итак, говорить следует, как все, но думать — по-своему.

461. Покорность. — Порою должно уметь сомневаться, порою — проникнуться верой, порою — покорствовать. Кто не следует этим правилам, тот не в ладу со здравым смыслом. Иные люди не способны усвоить ни одного из них: они или всему верят как доказанному, ибо ничего не понимают в доказательствах, или во всем сомневаются, ибо не понимают, в каких случаях должно покорствовать общепринятому, или всему покорствуют, ибо не понимают, что в иных обстоятельствах следует пораскинуть собственным умом.

462. Блаженный Августин: разум никогда не стал бы покорствовать, если бы не считал, что в иных случаях покорность — его прямой долг. Следовательно, если он сам считает, что должен покорствовать, в подобной покорности заложена справедливость.

463. Покорность и умение здраво мыслить — вот черты, которыми отмечено истинное христианство.

464. Мудрость велит нам уподобиться детям: *Nisi efficiamini sicut parvuli*¹.

465. Отличительнейшая черта разума — его недоверие к себе.

466. Наивысшее проявление силы разума — в способности признать, что существует множество явлений, ему непостижимых; он слаб, если не понимает этого.

А если даже естественные явления превосходят его понимание, то что уж говорить о явлениях сверхъестественных!

5. Польза доказательств с помощью механических действий: автомат и воля

467. Возлагать надежду только на исполнение всех обрядов значит покорствовать суеверию, своевольно отвергать обряды — значит покорствовать гордыне.

468. При таинстве исповеди, чтобы грехи были нам отпущены, необходимо не только их отпущение, но и

¹ Если не будете как дети (лат.).

покаяние, которое не будет настоящим, если оно не стремится к таинству. Точно так же не благословение снимает с врачующихся грех при зачатии, но желание зачать детей, угодных Богу, а непритворно такое желание лишь у тех, кто сочетается законным браком. И как не причастившийся таинству, но мучимый совестью может больше надеяться на отпущение грехов, нежели причастившийся, но не раскаянный грешник, точно так же дочери Лота, например, только и желавшие, что иметь детей, были целомудренней, хотя и не состояли в браке, нежели замужние женщины, этого желания не испытывающие.

469. Дабы обрести Бога, внешнее следует сочетать с внутренним, иными словами — следует преклонять колени, читать молитвы и т. д. в знак того, что человек, исполненный гордыни и не желавший покорствовать Богу, теперь покорствуется Его творению. Ожидать

помощи только от внешнего — значит быть исполненным суеверия, не желать внутреннее сочетать с внешним — значит быть исполненным гордыни.

470. Ибо не следует заблуждаться на свой счет: мы — и бездушные механизмы, и одушевленные существа, и, следовательно, убедить вас в чем-то можно не только с помощью очевидного. На свете так мало очевидного! Доказательства убедительны только для разума. Куда неотразимее доказательства обычая: он воздействует на автомат, который затем незаметно склоняет на свою сторону разум. Кто и когда доказал, что завтра снова наступит день и что все мы смертны? А вместе с тем, кому придет в голову оспаривать эти утверждения? Итак, убедил нас в них обычай, тот самый обычай, который множеству людей прививает христианство, который сотворяет их турками, язычниками, ремесленниками, солдатами и т. д. (Христиане обретают свою веру еще при крещении, их больше, чем язычников.) Наконец, обычай приходит на помощь и в том случае, когда разум уже узрел, в чем содержится истина, дабы напитать, окрасить живыми красками нашу веру, ежечасно грозящую от нас ускользнуть: слишком уж хлопотно все время искать доказательства, ее подтверждающие. Нам нужна необременительная вера, а как раз такую веру и дарует привычка, которая без всякого насилия, без ухищрений и доказательств побуждает уверовать в то, или другое, или третье, клонит к этому все отпущенные нам способности, так что наша душа сама собой целиком отдается помянутой вере. Если человек верует лишь по подсказке рассудка, меж тем как автомат в нем склонен верить противоположному, вера его шатка. Итак, верой должны проникнуться обе наши половины: рассудок, единожды и навсегда убежденный разумными доказательствами, равно как автомат, убежденный обычаем, накладывающим запрет на неверие. *Inclina cor meum, Deus!*

Человеческий разум медлителен, к тому же привык рассматривать любое явление под столь различными углами зрения, которые всегда следует иметь в виду, что поневоле то и дело задремывает или вообще сбивается с пути, потеряв нить рассуждений. Чувство, напротив того, проворно: оно мгновенно отвечает на воздействие и всегда к этому готово. Вот почему, когда дело касается веры, мы должны положиться на чувство, иначе она всегда будет шаткой.

471. Письмо о пользе доказательств, полученных с помощью механизма. — Вера во всем отлична от доказательства: доказывает человек, веру дарует Бог. *Justus ex fide vivit*²: это сказано о той вере, которую Сам Господь вкладывает в сердце человека, причем орудием для этого нередко служит доказательство, *files ex auditu*³, но вера живет в сердце, понуждая повторять *credo*⁴, а не *scio*⁵.

¹ Приклони сердце мое. Господи! (лат.)

² Праведный верою жив будет (лат.).

³ Вера от слышания (лат.).

⁴ Верую (лат.).

⁵ Знаю (лат.).

472. Велика и существенна разница между поступками, продиктованными волей, и всеми прочими нашими действиями.

Воля — одна из главных пружин любого верования, но не потому, что она сама творит эти верования, а потому, что истинность или ложность наших понятий зависит от того, какую их сторону мы рассматриваем. Стоит воле предпочесть ту или иную сторону, как она тут же отвращает рассудок от изучения сторон, ей не полюбившихся; вот почему он, неразрывно связанный с волей, разглядывает лишь сторону, которая была ею одобрена, и судит, исходя из этой точки зрения.

473. Г-н де Роанне не раз говорил: “Разумные причины приходят мне в голову не сразу, что-то нравится или, напротив того, отталкивает меня сперва без всяких причин; вместе с тем я потом обнаруживаю, что оттолкнувшее меня оттолкнуло по той самой причине, которая пришла мне в голову лишь позднее”. Но я думаю, что нечто оттолкнуло от себя не по той разумной причине, которая пришла в голову позднее, а что она лишь потому и пришла в голову, дабы хоть как-то объяснить отталкивание.

6. Сердце

474. Любое рассуждение нашего разума сводится к оправданию победы чувства над этим самым разумом.

А вот воображение и подобно чувству, и противоположно ему, поэтому отличить одно от другого не так-то просто. С равным успехом можно утверждать и что чувство — плод воображения, и что именно воображение — самое подлинное чувство. Тут необходимо опираться на некое твердое правило. Разум это правило подсказывает, но он в плену у всех наших чувств, вот и получается, что никаких твердых правил не существует.

475. Люди нередко путают воображаемое чувство с чувством истинно сердечным, поэтому им кажется, что они уже вступили на путь праведный, хотя на самом деле еще только собираются вступить на него.

476. Как еще долг путь от познания Бога до любви к Нему!

477. У сердца немало своих собственных разумных, по его понятию, чувств, непостижимых разуму, и этому утверждению есть множество доказательств. Я убежден, что сердце искренне любит и Вездесущего, и так же искренне — себя; поэтому оно, в зависимости от минутной склонности, отдается нежным чувствам или, напротив того, охладевает то к одному, то к другому. Вы оставили в вашем сердце любовь лишь к одному из двух; но разве побудили вас к этому доводы разума?

478. Сердце, инстинкт, руководящее начало.

479. Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем: именно сердце помогает нам постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца. Пирроники, которые лишь этим и занимаются, зря тратят время. Мы знаем, что ничего не примыслили, а бессилие доказать нашу правоту с помощью разума свидетельствует не о шаткости обретенного нами знания, как утверждают пирроники, а о слабости этого самого разума. Ибо мы не менее твердо убеждены в том, что наравне с существованием пространства, времени, движения, чисел существует некое начало начал, нежели во всем, чему нас научил разум. Вот на эти знания, обретенные с помощью сердца и инстинкта, должен опираться разум, из них он должен исходить в своих рассуждениях. Сердце чувствует, что пространство трехмерно и что чисел бесконечное множество, и уж потом на этой основе разум доказывает, что два возведенных в квадрат числа никогда не бывают равны друг другу. Основные начала мы чувствуем, математические положения доказываем, то и другое непреложно, хотя приобретаются эти знания разными путями. И равно смешно, равно бесплодно разуму требовать от сердца доказательств существования начала начал — иначе он не поверит в него, — а сердцу требовать от разума чувством воспринять математические положения — иначе оно их отвергает.

Итак, подобное бессилие разума должно сбить спесь с него, жаждущего быть полномочным судьей всем и всему, не поколебав при этом нашей уверенности. Будь на то Господня воля, мы никогда не нуждались бы в нем и все существенное познавали бы с помощью инстинкта и чувства. Но природа отказала нам в этом благе, она отмерила нам более чем скудные познания именно в самом существенном, меж тем как все прочие сведения мы и впрямь обретаем с помощью разума.

Вот почему те, кого Бог сподобил обрести веру по велению сердечного чувства, так счастливы, а их убеждения так неколебимы. Что же касается всех прочих, нам остается одно — склонять этих людей к вере доводами разума в ожидании, пока Господь не откроет их сердцам истину, ибо только вера, идущая от сердца, возвышая человека над всем человеческим, обещает ему вечное спасение.

480. Вера — дар Божий. И не рассчитывайте, что мы станем утверждать, будто она — дар нашего разума. Другие вероисповедания гласят другое: для них только наше разумение наставляет на путь истинный, вот только путь этот никуда не ведет.

481. Человек не умом, а сердцем чувствует Бога. Это и есть вера: не умом, а сердцем чувствовать Бога.

7. Вера и что может помочь нам уверовать. Просопопея

482. Веру можно обрести тремя способами: либо с помощью разума, либо обычая, либо откровения. Христианская вера — а она исполнена разума — истинными своими чадами числит только тех, кому даровано было откровение; это не значит, что она отменяет здравый разум и обычай; напротив того, человек должен здраво оценить доводы в пользу ее разумности, должен найти подкрепление им в обычае, но откровение будет ему дано, если он смирился духом, затем что только смирение приносит нетронутые порчей плоды: *Ne evacuetur crux Christi*¹.

483. Вступление; после истолкования непостижимости. — И величие, и ничтожество человека так очевидны, что истинному вероучению необходимо преподать ему суть великого начала, в котором коренится это величие, равно как суть великого начала, в котором коренится это ничтожество. И объяснить смысл столь разительного противоречия.

Дабы люди обрели наконец счастье, христианскому вероучению надлежит внушить всем и каждому, что Бог воистину существует и наш долг — любить Его, что подлинное наше блаженство — в причащении Ему, а подлинное несчастье — в отпадении от Него; надлежит признать, что мы погружены во мрак, который мешает нам познать и возлюбить Господа; что, внемля гласу долга, призывающему любить Бога, и велениям похоти, заглушающим этот глас, мы преисполняемся несправедливости. Поэтому вероучению надлежит объяснить нам, в чем причина такого нашего сопротивления и Господу, и собственному благу. Пусть вероучение научит и тем целебным средствам, которые помогут человеку справиться с духовной немощью, пусть укажет, как эти средства обрести. Вникните в любое из существующих в мире вероучений, и вы обнаружите, что исполнить все перечисленные требования способно только христианство.

Может быть, его вполне заменят те философы, которые предлагают единственным благом считать лишь те блага, которые присущи нашему внутреннему миру? Но так ли это? Удалось ли помянутым философам найти средство, помогающее нам нести бремя наших недугов? Исцелят ли человека от самовозвеличивания те, кто приравнивает его к Богу? А те, кто приравнивает нас к животным,

¹ Чтобы не упразднить креста Христова (лат.).

или магометане, даже в вечной жизни сулящие земные улады как наиглавнейшее благо, — помогут ли они нам совладать с нашими вожделениями? Какая вера научит справляться с гордыней и похотью? Научит, наконец, пониманию, в чем истинное наше благо и наш долг, каковы они, наши слабости, отвращающие от исполнения этого долга, чем вызваны, какими средствами возможно их исцелить и как обрести эти средства?

Никакому другому вероисповеданию это не под силу. А вот что совершает Господь в премудрости своей.

“Не ждите, о люди, — вещает Он, — ни истины, ни утешения от людей. Это Я сотворил вас, и лишь Я могу поведать вам, кто вы такие. Но вы уже не те, какими были сотворены Мною. Я создал человека святым, безгрешным, совершенным, исполненным разума и света, приобщил его к славе Моей и к Моему чудотворству. Взор его созерцал тогда величие Господне. Он не был тогда обречен мраку, его ослепляющему, смерти и горестям, его гнетущим. Но он не выдержал причастности к такой славе и впал в грех самонадеянности. Возжелал стать средоточием своего бытия, независимым от Моей помощи. Он вышел из-под Моей власти, уравнивал себя со Мною, возжелав найти блаженство в себе самом, и тогда Я покинул его и вдохнул непокорство в тварей, прежде ему послушных, и они стали врагами человека; и ныне он уподобился животным и живет в таком отлучении от Меня, что еле различает слабый отсвет сияния своего Творца, до того

изгладилось из его памяти или смешалось все, что некогда было ему ведомо! Чувства, независимые от разума, а порою им повелевающие, толкают человека на поиски наслаждений. Все живые существа либо мучают его, либо искушают, они властвуют над ним, либо подавляя силой, либо чаруя прелестью, а власть прелести — самая жестокая и неумолимая.

Таков ныне людской удел. Человек ощущает какое-то смутное и бессильное томление по утраченному блаженству, неотрывному от первоначальной его натуры, но при этом он слеп и ввергнут в пучину вожделений, которые стали сутью второй, нынешней его натуры.

Теперь, когда вы узнали от Меня об этом главенствующем начале, вам должна стать понятна причина стольких противоречий, которые всех вас так поражали, рождая самые несхожие чувства. И, вспомнив, сколько славных, исполненных величия деяний было совершено людьми, невзирая на всю горестность их бытия, вы, несомненно, поймете, что причина всех подобных свершений — в первоначальной природе человека”.

Для Пор-Рояля на завтра (Просопопея). “Тщетно, о люди, пытаетесь вы в самих себе обрести целебное средство от горестного своего ничтожества. Прозорливости вашей только на то и хватает, чтобы уразуметь — ни истины, ни блага вам в самих себе не найти. Философы обещали одарить вас и тем и другим, но оказались бессильны. Им не дано знать, ни каково оно, ваше истинное благо, ни каков он, ваш истинный удел. Какие целебные средства могут они предложить, не зная, каким снедаемы вы недугом? А страдаете, вы гордыней, отвращающей вас от Бога, и вожделениями, привязывающими вас к земле; меж тем философы только и могут, что взращивать один из этих недугов. Бога они оставляли вам лишь для того, чтобы внушить, будто сутью своей вы и подобны Ему, и равны. Ну а те, что понимали тщету таких притязаний, повергли вас в другую бездну, внушив, что натурой своей ничем не отличны вы от животных, и побудив тем самым искать благо в скотском ублажении плоти. Этим способом не исцелить вас от скверны, которую не разглядели сии ученые мужи. И только Я могу открыть вам, в чем ваша суть, и...”

Адам, Иисус Христос.

Причащает вас Богу благодать, а не ваша природа.

Склоняет вас к самоуничтожению покаяние, а не ваша натура.

Итак, подобная двойственность...

Вы ныне не те, какими были сотворены.

Теперь, когда эти две ваши натуры вам показаны, вы не можете не увидеть их. Стоит вам взглянуть в собственные свои порывы, углубиться в себя — и вы сразу обнаружите явные черты этих двух натур.

Возможно ли, чтобы в едином существе уживалось столько противоречий?

— Непостижимо.

Пусть и непостижимое, тем не менее оно существует. Бесконечное число. Бесконечное пространство, равное конечному.

— Невероятно, что Господь причащает нас Себе. — Утверждающие это имеют в виду лишь низменную нашу сторону. Но если вы искренне так думаете, доведите свою мысль, подобно мне, до конца, и тогда вам станет ясно: именно из-за нашей низменности мы не способны постичь, что в милосердии Своем Господь может возвысить нас до Себя. Ибо хотел бы я знать, какое право имеет это животное, сознающее свою слабость, собственными мерками мерить Его милосердие и ставить Ему какие-то вымышленные пределы? Человек так не способен постичь Бога, что и себя-то плохо понимает, но, смятенно стараясь разобраться в себе, он все же дерзко утверждает, будто Господь не в состоянии одарить способностью приобщаться Ему!

Что ж, тогда я спрошу у этого человека: а с чего он взял, что Господь от людей, познающих Его, требует чего-то сверх любви к Нему, что не может явить Себя познаваемым, внушить им любовь к Себе, ибо по природе своей они способны и к любви,

и к познанию? Во всяком случае, человек сознает собственное свое бытие и всегда исполнен любви к чему-нибудь. Но, приняв как данное, что человек зрит какой-то проблеск в окружающем его мраке и находит нечто достойное любви в земной юдоли, почему считать, что, если Господь откроется ему хотя бы в одном-единственном луче Божественной Своей сути, этот человек окажется неспособным познать и полюбить Бога своего в образе, в каком Он соблаговолит явить Себя? Во всех таких рассуждениях кроется несомненная невыносимая самонадеянность, при том, что они как будто преисполнены глубоким смирением, но смирение это и лицемерно, и бессмысленно, если оно не побуждает нас признать, что самим нам не дано постичь, кто мы такие, и открыть людям глаза на это может лишь Господь Бог.

“Я не жду от вас слепого доверия, тем более не намерен самовластно его требовать. Точно так же Я не намерен растолковывать причину причин, но, дабы примирить все противоречия, Я желаю открыть вам глаза, привести такие неотразимые доказательства, явить такие знаки Божественной Моей сути, которые всех вас убедят, что перед вами — ваш Господь; деяниями и чудесами Я внушу вам веру в Мое всемогущество, и тогда вы проникнетесь тем, чему Я вас поучаю, ибо не будет у вас иных оснований отвергать Мои поучения, кроме собственной вашей неспособности понять, достойны ли они веры”.

Господь пожелал искупить грехи людей и открыть путь к спасению тем, кто станет этот путь искать. Но люди так погрязли в скверне, что Он справедливо отказывает в этой благодати особенно закоснелым в великом Своем милосердии снисходя к другим, хотя и они ее недостойны. Пожелай Он сломить упрямство даже самых зачерстневших в грехах, Он сломил бы его, явив Себя им так неприкровоенно, что у них уже не осталось бы сомнений в Его бытии, подобно тому как Он явит Себя в Судный день при яростном сверкании молний, когда земля разверзнется, и мертвецы встанут из гробов, и слепые обретут зрение.

Не в таком образе пожелал Он явить Себя во время Своего исполненного кротости пришествия, но столь великое множество людей оказались недостойными Божественного снисхождения, что Он пожелал отказать им в благе, которого они не хотели. Итак, было бы несправедливо, если бы явление Его свершилось в ореоле Божественной славы, которая всем без изъятия внушила бы веру, равно как было бы несправедливо, если бы для безоглядно искавших Господа оно осталось бы сокрытым непроницаемой завесой. Им Он пожелал открыть Себя в Своей сути, но, открывшись всем безоглядно искавшим Его, Он сокрыл Себя от всех безоглядно бежавших от Него и таким образом очертил круг Своей познаваемости теми, кто ищет Его, зримыми знаками открываясь им, и только им. Поэтому всегда довольно света для жаждущих узреть и всегда довольно мрака для жаждущих остаться незрячими.

Главнейший вопрос.

Был ли некогда человек возвышен до состояния сверхъестественного бытия?

484. Человек недостойн Бога, но он все же может стать достойным Его.

Господь не удостаивает ничтожного человека причащением Себе, но все же Он может удостоить его извлечением из столь горестного ничтожества.

Раздел III. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ ИИСУСА ХРИСТА

ВСТУПЛЕНИЕ

485. Люди в большинстве своем обладают способностью не думать о том, о чем не хотят думать. “Не обращай внимания на те места, где речь идет о Мессии”, — говорил еврей своему сыну. Такие же советы подают и наши отцы. Такой же позиции держатся все религии — и ложные, и наша истинная. Но иные люди просто не способны не думать — напротив того, чем больше им запрещают, тем больше они думают. И отрекаются не только от лжерелигий, но и от религии истинной, если нет серьезных доводов, ее подкрепляющих.

486. Доказательства истинности христианской веры. — Нравственность. Учение. Чудеса. Пророчества. Образы речи.

487. Доказательство. — 1. Христианская вера и ее обоснованность: она сама себя обосновывает с несравненной кротостью и неколебимостью, при том, что так противоречит - природе. — 2. Святость, возвышенность и смирение души, проникнутой духом христианства. — 3. Чудеса в Священном Писании. — 4. Иисус Христос в особенности. — 5. Апостолы в особенности. — 6. Моисей и пророки в особенности. — 7. Народ иудейский. — 8. Пророчества. — 9. Преемственность. — 10. Учение, дающее объяснение всему сущему. — 11. Святость этого Завета. — 12. Весь ход мироздания.

Несомненно, что после всего вышесказанного любой человек, сознающий и что такое наша жизнь, и каково оно, это вероучение, склонится на сторону христианства если, разумеется, христианство проникает в его сердце и смеяться над ним и ему подобными нет ни малейших причин.

488. Иисус Христос, в котором оба Завета — Ветхий, ожидая Его пришествия, Новый, считая мерилom мерил, — видят свое средоточие.

Глава I. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

1. Моисей

489. Почему Моисей так удлинил человеческую жизнь и так сократил число поколений? Потому что не долголетие человека, а многочисленность поколений постепенно затемняет ход событий. Ибо только при смене людей может исказиться облик истины. При этом он устанавливает два события, два главнейших из когда-либо свершившихся, которые всегда следует твердо помнить, — сотворение мира и всемирный потоп, столь недавние, что их, так сказать, можно потрогать.

490. Сим, который видел Ламеха, который видел Адама, видел также Иакова, который видел тех, которые видели Моисея; следовательно, всемирный потоп и сотворение мира не выдуманы. К такому выводу пришли люди, хорошо в этих вопросах осведомленные.

491. Долголетие патриархов не только не привело к тому, что события минувших времен канули в бездну забвения, но, напротив того, помогло сохранить их в людской памяти. Ибо человек порою недостаточно осведомлен в истории своих предков из-за того, что никогда не жил с ними, что они сошли в могилу раньше, чем его разум окреп. Меж тем в пору, когда люди жили так долго, дети долго жили со своими праотцами. И подолгу с ними беседовали. О чем еще они могли беседовать, как не об истории этих своих предков, если к ней сводилась вообще вся история, если не существовало еще ни школьных уроков, ни наук, ни искусств, занимающих чуть ли не главное место в обычных наших беседах? Поэтому нет сомнения, что в те времена любой народ бережно хранил в памяти свое родословие.

2. Завет

492. Моисей (Втор. XXX) обещал, что Господь обрежет их сердца, дабы они любили Господа от всего сердца.

493. Довольно одного слова Давида или Моисея — например, “Господь обрежет их сердца”, — чтобы судить об их уме. Пусть все остальное в речах того или другого кажется темным и двусмысленным с точки зрения философии или христианского вероучения, — слова, приведенные выше, определяют смысл всех остальных, как какое-нибудь словцо Эпиктета опровергает смысл всех остальных его слов, двусмысленность простирается лишь до этого слова, ну, а после от нее не остается и следа.

494. Иудеи привыкли к великим и разительным чудесам, поэтому столь великие события, как переход через Красное море и обретение земли Ханаанской, считали всего лишь залогом еще более великих свершений от грядущего своего Мессии; другими словами, они ожидали от Него чудес столь разительных, что рядом с ними деяния Моисея показались бы лишь первой пробой.

495. Кто возьмется судить о вероисповедании иудеев по людям невежественным, тот мало что в нем уразумеет. Об этой вере с неоспоримостью гласят Священное Писание и книги пророков, достаточно ясно дающие понять, что Завет они понимают отнюдь не буквально. Точно так же и наше вероучение, исполненное Божественного духа в изложении Евангелия, апостолов, во всех своих обрядах, становится смехотворным в толковании иных людей. Мессия, согласно плотским иудеям, явится в образе могучего земного владыки. Иисус Христос, согласно плотским христианам, пришел в наш мир, чтобы освободить нас от любви к Богу, одарив таинствами, которые сами, без людского участия, свершают все потребное людям. Оба эти утверждения не имеют никакого касательства ни к вере христианской, ни к вере иудейской.

Истинные иудеи, равно как истинные христиане, всегда ожидали Мессию, который научит их любить Господа и, с помощью любви, побеждать врагов.

496. Плотские иудеи являют собой нечто среднее между христианами и язычниками. Язычники не ведают Бога и любят только все земное. Иудеи ведают истинного Бога, но любят только все земное. Христиане ведают истинного Бога и не любят ничего земного. Иудеи и язычники любят одни и те же блага. Иудеи и христиане ведают Единого Бога.

Иудеев следует разделять на две категории: у одних были такие же склонности, как у язычников, у других — такие же, как у христиан.

497. Приверженцы любого вероисповедания всегда состоят из людей двух категорий: язычники — из поклонников животных и поклонников Единого Бога в образе природы; иудеи — из плотских и духовных, то есть христиан, но знающих только Ветхий Завет; среди христиан тоже есть бездуховные, то есть те же иудеи, но знающие Новый Завет. Плотские иудеи ожидали плотского Мессию, бездуховные христиане верят в Мессию, который освободит их от любви к Богу, истинные же христиане, равно как истинные иудеи, поклоняются Мессии, который научит их любви к Богу.

498. Дабы показать, что истинные иудеи и истинные христиане исповедуют одну и ту же веру. — На первый взгляд, иудеи веруют только в праотца Авраама, в обрезание, жертвоприношение, обряды, Ноев ковчег, храм, Иерусалим и, наконец, в Ветхий Завет и заповеди Моисея.

Я утверждаю:

Что смысл иудейской веры отнюдь не в перечисленном выше, а только в любви к Богу и понимании, что все остальное Ему неужгодно.

Что Бог отвратится от потомства Авраамова. Что, если иудеи прогневят Бога, Он покарает их, как наказал другие народы. Втор. VIII, 19—20: “Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, и пойдешь вслед богов других... то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете. Как народы, которые Господь истребляет от лица вашего...”

Что иноплеменики будут приняты Господом не хуже, чем иудеи, если они возлюбят Его. Исаия LVI, 3; 6 — 7: “Да не говорит сын иноплеменика, присоединившийся к Господу: “Господь совсем отделил меня от Своего народа...””. “И сыновей иноплемеников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа... я приведу... и обрадую их в Моем доме .молитвы... ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов”.

Что истинные иудеи главное свое достоинство видят в том, что исходит оно от Бога, а не от Авраама. Исаия, LXIII, 16: “Только Ты — Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, — Отец наш, от века имя Твое: “Искупитель наш””.

Даже Моисей сказал им, что Господь не смотрит на лица. Втор. X, 17: “Ибо Господь, Бог ваш... не. смотрит на лица и не берет даров”.

Суббота была лишь знамением. Исход XXXI, 13; напоминанием об исходе из Египта. Втор. V, 15. Итак, в ней больше нет надобности, ибо следует забыть о Египте.

Обрезание было лишь знамением. Бытие XVII, II. И отсюда следует, что они не совершали обрезания, когда жили в пустыне, ибо не могли смешиваться с другими народами, а после пришествия Иисуса Христа оно вовсе стало не надобно. Что Господь повелел совершать обрезание сердца. Втор. X, 16; Иеремия IV, 4: “Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковольны. Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица...”

Что Господь сказал — Он однажды Сам это сделает. Втор. XXX, 6: “И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца...”

Что те, у кого не обрезаны сердца, будут судимы. Иеремия IX, 24—26: “...Я, Господь, творящий милость, суд и правду на земле... посещу всех обрезанных и необрезанных... весь дом Израилев с необрезанным сердцем”.

Что бесполезно внешнее, если нет внутреннего. Иоиль, II, 13: “Scindite corda vestra”¹ и т.д. Исайя LVIII, 3, 4, ест.

Все Второзаконие наставляет любви к Богу. Втор. XXX, 19—20: “Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя...”

Что иудеи не преисполнились любовью к Господу и понесут кару за свои преступления, и язычники станут избранными и займут их место. Осия I, 10; Втор. XXXII, 20—21: “И сказал: сокрою лице Мое от них, и увижу, какой будет конец их: ибо они род развращенный, дети, в которых нет верности. Они раздражили Меня не Богом, суетными своими огорчили Меня: и Я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их”. Исайя LXV, 1.

¹ Раздирайте сердца ваши (лат.).

Что блага преходящие — мнимые блага и что истинное благо — пребывание в Боге. Псалом CXLI, 15.

Что Господь отвергает их праздники. Амос V, 21. Что Господь отвергает жертвоприношения иудеев, Исайя LXVI, 1—3; I, 11. Иеремия VI, 20. Давид, Miserere”¹, даже когда их приносят праведные (“Exstavi”². Псалом XLIX, 8—14). Что были они Им установлены только из-за жестокости самих иудеев. Михей (превосходно) VI, 6—8; 1-я Царств XV, 22; Осия VI, 6.

Что жертвоприношения язычников будут приняты Господом, а жертвоприношений от иудеев Господь не возжелает. Малахия I, 11.

Что наступят дни, когда Господь через Мессию заключит новый союз, а прежний будет расторгнут. Иеремия XXXI, 31.

Mandata non bona³. Иезекииль XX, 25. Что все прежнее будет забыто. Исайя XLIII, 18, 19; LXV, 17, 18.

Что не будут больше говорить о ковчеге завета Господня. Иеремия III, 15, 16.

Что храм будет отвергнут. Иеремия VII, 12—14. Что прежние жертвы будут отвергнуты и станут приносить новые, чистые жертвы. Малахия I, 11.

Что первосвященник будет вовек не по чину Аарона, а по чину Мелхиседека, который введен будет Мессией. Псалом “Dixit Dominus”⁴.

Что чину этому быть во веки веков. Там же. Что будет отвергнут Иерусалим и признан Рим. Псалом “Dixit Dominus”.

Что имя иудеев будет отвергнуто и дано новое имя. Исайя LXV, 15.

Что имя это будет лучше, нежели прежнее, и останется навек. Исайя LVI, 5.

¹ Помилуй (лат.).

² Уповая (лат.).

³ Постановления недобрые (лат.).

⁴ Сказал Господь (лат.).

Что останутся иудеи без пророков (Амос), без царя, без жертвоприношений, без идола.

Что, невзирая на это, народ иудейский пребудет всегда. Иеремия XXXI, 36.

499. Р е с п у б л и к а. — В республике христианской и даже иудейской никогда не было иного владыки, кроме Господа Бога, — так утверждал в своей книге “О монархии” Филон Иудей.

Они воевали во имя Бога, надеялись только на Бога, свои города считали городами Бога и охраняли их во имя Бога. 1 Паралипоменон, XIX, 13.

500. Бытие XVII, 7: Statuam pactum meum inter me et te... faedere sempiterno, ut sim Deus tuus. 9: Et tu ergo custodies pactum meum¹.

Иудеи — свидетели, доныне существующие и безукоризненные

501. Ревностное благочестие иудейского народа, особенно с то¹ поры, как у него не стало пророков.

502. Во времена, когда ради поддержания веры существовали пророки, народ ею пренебрегал; но с той поры, как пророков не стало, народ проникся благочестивым рвением.

503. Исполненное ревностного благочестия почитание иудеями своего завета и своего храма (Иосиф, Филон Иудей ad Caium²). Существовал ли на свете хоть один народ, исполненный такого же благочестивого рвения? Но это было необходимо.

504. Нечистый дух смущал благочестивый пыл иудеев до пришествия Иисуса Христа, ибо это шло им на пользу, но не после.

¹ И поставлю завет Мой между Мною и тобою... завет вечный в том, что Я буду Богом твоим. ² Ты же соблюдай завет Мой (лат.).

² К Гаю (лат.).

Осмеяние иудеев язычниками; преследование христиан. 505. Какое поразительное, достойное самого пристального внимания явление представляет собой иудейский народ, который существует уже столько веков, неизменно погруженный в бедственное ничтожество: его существование необходимо, ибо он свидетельствует пришествие Иисуса Христа, бедственность этого существования неизбежна, ибо иудеи распяли Его; и вот, как ни сопротивляются они своему бедственно-ничтожному бытию, оно все длится, все такое же бедственно-ничтожное.

506. Этот народ явно существует лишь для того, чтобы свидетельствовать пришествие Мессии (Исайя XLIII, 9; XLIV, 8). Он любит и хранит свои священные книги и при этом совершенно их не понимает. И все это было предсказано: что предначертания Господа будут им доверены, но останутся для них за семью печатями.

507. Пророчества. — Скипетр не был утрачен из-за плена вавилонского, потому что быстро пришло освобождение, к тому же предсказанное.

508. Когда Навуходоносор увел в плен народ иудейский, Он, дабы не думали, что скипетр утрачен этим народом, заранее оповестил их, что плен будет недолгим и восстановятся иудеи во всех своих правах. Они всегда были утешены предсказаниями пророков, их цари по-прежнему управляли ими. Но после второго пленения они не получили никаких обещаний, и у них уже не осталось ни пророков, ни царей, ни утешения, ни надежды, ибо скипетр был навеки отнят у иудеев.

509. Доказательства бытия Иисуса Христа. — Плен не есть плен, если пленные уверены, что через семьдесят лет будут свободны. Но ныне они в плену и нет у них никакой надежды.

Господь обещал, что, рассеяв их по всей земле, Он вновь воссоединит их, если они будут блюсти Его завет. Они тщательно соблюдали завет Господень, но так и не освободились от гнета.

510. Господь пожелал ослепление этого народа обратить во благо избранным.

511. Прямодушие иудеев. — Они преданы и верны этой книге, в которой Моисей утверждает, что в них никогда не было ни капли благодарности Богу и, как ему доподлинно известно, после его, Моисея, смерти эта неблагодарность еще возрастет, и он берет небо и землю в свидетели, что они именно таковы, невзирая на все его наставления.

Он утверждает, что Господь, восплавав наконец гневом, рассеет их среди всех земных народов; что на поклонение чужим богам, а не истинному их Богу ответит тем же и назовет свой народ, который от века не был Его народом; и хочет Моисей, чтобы слова его никогда не позабылись, а книга была помещена в ковчег завета и свидетельствовала против них. Исайя говорит то же самое, XXX, 8.

512. Прямодушие иудеев. — После того, как у них не стало пророков, — Маккавеи; после Иисуса Христа — Масореты. “Эта книга будет вам как свидетельство”. Испорченные и конечные буквы.

Прямодушие до попраiania собственной чести, идущее во имя этого на смерть: подобных примеров не было в мире, это свойство не укоренено в природе.

Причина ослепления иудеев

513. (Либо иудеи порочны, либо христиане, — это непреложно.)

514. “Если все было с такой точностью предсказано иудеям, почему они не поверили? Или почему не были истреблены за неверие в столь точно сбывшееся предсказание?” — Отвечаю: да, все было предсказано, и они не поверили в столь точно сбывшееся и не были истреблены. Но именно это и пошло к вящей славе Мессии, ибо мало того, что предсказания существовали, их должны были вечно хранить не постигающие заложенного в них смысла. Таким образом и т.д.

515. Те, кто сомневается в основах христианства, приводят как довод в свою пользу неверие иудеев. “Если все было так ясно, разве могли бы они не уверовать”, — говорят эти люди, якобы недовольные упорством иудеев, подкрепляющим их собственное безверие. Но дело-то в том, что как раз это упорство и лежит в основе нашей веры. Мы не отдавались бы ей с такой горячностью, будь они нашими единоверцами. И у нас было бы на это куда больше оснований. Ведь это поразительно — вселить в иудеев такое преклонение перед предсказаниями того, что свершится, и такую вражду к предсказаниям уже свершившимся.

516. Язычников, равно как плотских иудеев, постигают несчастья, постигают они и христиан. Для язычников нет Икупителя, ибо им неведома даже и надежда на Него. Для иудеев нет Икупителя, они тщетно надеются на Него. Икупитель есть только для христиан (прочитайте “Непрерывность”).

517. Во времена Мессии этот народ разделился. Те, в ком жила душа, последовали за Мессией, те, в ком жила только плоть, остались как свидетели Его пришествия.

518. Если бы все иудеи были обращены Иисусом Христом, до нас дошли бы лишь не внушающие доверия свидетельства. Если бы все иудеи были истреблены, до нас вообще не дошло бы никаких свидетельств.

519. Иудеи не признали Его, но не все: святые приняли, плотские отвергли. И ореол Его славы не только не померк из-за этого, но, напротив того, воссиял небывалым светом. Единственный приводимый ими довод — он содержится во всех их писаниях, в Талмуде, в поучениях раввинов — сводится к тому, что Иисус Христос не подчинил Себе народы вооруженной рукой, *gladium tuum, potentissime*¹. Неужели этим исчерпываются все их доводы? Иисуса Христа убили, говорят они; Он пал, Он не одолел силу язычников, не дал на растерзание нам их останки, не одарил нас их богатствами. И это все, что они могут сказать? Но именно этим Он так любезен моему сердцу. И не надобен был бы мне тот, кого рисуют себе они. Яснее ясного, что они не пожелали признать Иисуса Христа только из-за собственной своей порочности, но именно этот отказ делает их столь безупречными свидетелями, более того — превращает в орудие свершения предсказанного.

520. Иудеи, не признав в Нем Мессию, убили Его, тем самым с несомненностью доказав, что Он — Мессия, а потом, продолжая упрямо отвергать Иисуса Христа, стали безукоризненными свидетелями Его пришествия: и этим убийством, и этим все длящимся непризнанием Мессии они осуществили предсказанное.

521. Чем Ему могли повредить Его враги иудеи? Признав, они подтвердили бы, что Он — истинно Мессия, ибо это значило бы, что в Нем зрят Мессию хранители обетования Его пришествия; отвергнув — признали бы самим этим отвержением.

3. Предсказания. Надежды на пришествие Мессии*Убедительная сила пророчеств. Предсказания и их исполнение*

522. И венец всему — предсказание, дабы уже никто не мог утверждать, что все это — дело случая.

Тот, кому осталось жить одну неделю, не согласится, что правильнее всего считать, будто случай здесь ни при чем.

Меж тем, если бы страсти не держали нас в плену, мы понимали бы, что неделя у нас в запасе или сто лет — от этого ровным счетом ничего не меняется.

523. Пророчества лишь тогда становятся понятными, когда они сбываются: точно так же смысл отшельничества, обетов воздержания, молчания и т. д. понятен лишь тому, кто эти обеты исполняет и верует в них.

Иосиф столь внутренний в Завете столь внешнем.

Внешние знаки покаяния располагают к покаянию, идущему изнутри, равно как уничиженность располагает к смирению.

524. Доказательство. — Пророчества и как они сбываются; все, что было до пришествия Иисуса Христа, и все, что за Его пришествием последовало.

525. Синагога предшествовала Церкви, иудеи предшествовали христианам. Пророки предсказали появление христиан; апостол Иоанн, Иисус Христос.

526. Пророчества — вот главные доказательства пришествия Иисуса Христа. И Господь озабочился, чтобы они были во множестве, ибо гласят не просто о некоем событии, а о чуде, и родилось оно вместе с нашей Церковью и будет вместе с ней существовать до скончания веков. И Господней волею пророки существовали на протяжении тысячи шестисот лет, а потом Он четыреста лет рассеивал пророчества вместе с хранившими их иудеями по всему лицу Земли. Вот какая велась подготовка к рождению Иисуса Христа, ибо для того, чтобы в Его Евангелие уверовал весь мир, нужно было пророчества о пришествии Мессии распространить по всему миру, пропитать верой в них весь мир.

527. Существовали пророчества, но этого было недостаточно: их должно было распространить по всему миру, должно было запечатлеть в людской памяти на все времена. И чтобы этот многоголосый хор не был сочтен делом случая, он должен был быть предсказан.

И к вящей славе Мессии было то обстоятельство, что, сверх роли, которую иудеям назначил Господь, они еще стали зрителями этой славы, а порою даже и орудиями, ее сотворившими.

528. Пророчества. — Если бы лишь один-единственный человек возвестил в своей книге пришествие Иисуса Христа и рассказал, когда и при каких обстоятельствах оно свершится и Иисус Христос явился бы в мир именно так, как было предсказано, это пророчество обладало бы огромной силой.

Но речь идет о чем-то еще более разительном. В течение четырех тысяч лет ряд людей, один вслед за другим, непрерывно и без всякого разнобоя предсказывают Его пришествие. И то же самое возвещает целый народ, существующий вот уже четыре тысячи лет ради того, чтобы давать свидетельские показания, которыми располагает и на которых настаивает, пренебрегая угрозами и преследованиями: насколько же неотразимо подобное доказательство!

529. Предсказания частных обстоятельств. — Они жили чужаками в Египте, не имели земельной собственности ни там, ни в других краях. (Им и в голову не могла прийти мысль о своих царях — таких, какие появятся у них в далеком будущем, — ни о том облеченном, полномочиями Совете из семидесяти судей, именовавшемся “Синедрион”, основанном Моисеем и просуществовавшем вплоть до пришествия Иисуса Христа: все это казалось совершенно несбыточным в их нынешнем положении), когда Иаков, благословляя на смертном одре двенадцать своих сыновей, возвестил им, что они будут владеть обширными землями, и отдельно предрек Иуде, что от него произойдут цари и эти цари будут править народом, что братья станут его подданными (что даже Мессия, которого должно ждать всем народам, произойдет из Иудина племени, что царская власть, и правители, и законодатели будут из его племени, пока не явится рожденный в недрах того же племени, столь ожидаемый Мессия).

И тот же Иаков, деля эти обещанные в будущем земли, словно уже владел ими, дал Иосифу на один участок земли больше, нежели другим сыновьям, и сказал: “Я даю тебе, преимущественно перед братьями, еще один участок”. А когда Иосиф подвел к нему для благословения двух своих сыновей и поставил старшего, Манассию, по правую руку, а младшего, Ефраима, по левую, Иаков скрестил руки, и правую положил на голову Ефраима, а левую на руку Манассии, и благословил обоих; на замечание Иосифа, что он отдал предпочтение младшему, Иаков ответил с замечательной твердостью: “Знаю, сын мой, знаю... но меньшей его брат будет больше его”. И все именно так и сбылось, и так многоплоден был Ефраим, как два поколения, вместе взятые, составляющие целое государство, что стали их всех называть одним именем Ефраим.

И, умирая, заклил Иосиф сыновей своих унести кости его с собой, когда пойдут они в ту землю обетованную, а пошли они туда лишь двести лет спустя.

Моисей, который описал все происшедшее задолго до того, как оно произошло, сам заранее наделил каждое семейство земельным участком, словно был уже там хозяином (и сказал потом, что Бог породит пророка из их племени и народа, и он — предтеча этого пророка, и в точности предсказал, что с ними, произойдет после его, Моисея, смерти, когда они войдут в землю обетованную, и победы, которые им поможет одержать Бог, и их неблагодарность Богу, и наказание, которое они понесут за это, и еще многое другое). И он назначил судей, чтобы наделять земельными участками, и предписал форму правления, которую им должно избрать, и повелел держаться этой формы, строить укрепленные города и т.д.

530. Пророчества вперемешку с наказами касательно частной жизни и тут же предсказания пришествия Мессии, чтобы пророчества о Мессии не казались бездоказательными, а наказы касательно частной жизни не были бесплодными.

Раскрытие замысла Господня в пророчествах о явлении Мессии

531. Вековечное пленение иудеев. — Иеремия XI, 11: “Вот, Я наведу на них бедствие, от которого они не смогут избавиться”.

Образы. — Исая V [1—7]: “У Возлюбленного моего был виноградник... и ожидал, что он принесет хорошие грозды, а он принес дикие ягоды... И оставлю его в запустении; не будут ни обрезать, ни вскапывать его... и повелю облакам не проливать на него дождя. Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие”.

Исая VIII [13—17]: “Господа Саваофа — Его чтите свято, и Он — страх ваш, и Он — трепет ваш! И будет Он освящением и камнем преткновения и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима. И многие из них преткнутся, и упадут, и разобьются, и запутаются в сети, и будут уловлены. Завяжи свидетельство и запечатай при учениках Моих. Итак, я надеюсь на Господа, сокрывшего лицо Свое от дома Иаковлева, и уповаю на Него”.

Исая XXIX [9—13]: “Изумляйтесь и дивитесь; они ослепили других и сами ослепли; они пьяны, но не от вина, — шатаются, но не от сикеры; ибо навел на вас Господь дух усыпления, и сомкнул глаза ваши, пророки, и закрыл ваши головы, прозорливцы”. (Даниил XII, 10: “...И не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют”. Осия, последняя глава, последний стих; после многих обещаний грядущего изобилия сказано: “Кто мудр, чтобы разуместь это?” и т.д.) “И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умершему человеку и говорят: „Прочитай ее”. И тот отвечает: „Я не умею читать””.

“И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими... сердце же его далеко отстоит от Меня (вот она, причина, вот основание: потому что любят они Господа сердцем, то вняли бы пророчествам), и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих; так вот, Я еще необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость его погибнет, и разума у разумных [не станет]”.

Пророчества. Доказательства бытия Божия. — Исайя XLI [22—26]: “...Пусть возвестят [нам] что-либо прежде, нежели оно произошло, и мы вникнем умом своим и узнаем, как оно кончилось, или пусть предвозвестят нам о будущем”.

“Скажите, что произойдет в будущем, и мы будем знать, что вы боги, или сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели. Но вы — ничто, и дело ваше — ничтожно” и т. д. “Кто возвестил об этом изначально, чтобы нам знать, и задолго перед тем, чтобы нам можно было сказать: „правда”? Но никто не сказал, никто не возвестил, никто не слышал слов ваших”.

Исайя XLII [8—10]: “Я Господь, это — Мое имя, и не дам славы Моей иному... Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возведу; прежде нежели оно произойдет, Я возведу вам. Пойте Господу новую песнь, хвалу Ему от концов земли...”

Исайя XLIII [8—27]: “Выведи народ слепой, хотя у него есть глаза, и глухой, хотя у него есть уши. Пусть все народы соберутся вместе... Кто между ними предсказал это? пусть возвестят, что было от начала; пусть представят свидетелей от себя, и оправдаются, чтобы можно было услышать и сказать: “правда!”.

А Мой свидетели, говорит Господь, вы и раб Мой, которого Я избрал, чтобы вы знали и верили Мне, и разумели, что это Я...

Я предрек, и спас, и возвестил; а иного нет у вас, и вы — свидетели Мои, говорит Господь, что Я — Бог... Ради вас Я послал в Вавилон, и сокрушил все запоры... Я Господь, Святой ваш, Творец Израиля, Царь ваш. Так говорит Господь, открывший в море дорогу, в сильных водах стезю, выведший колесницы и коней, войско и силу; все легли вместе, не встали: потухли, как светильня, погасли. Но вы не вспоминаете прежнего, и о древнем не помышляете.

Вот, Я делаю новое; ныне же оно явится; неужели вы и этого не хотите знать? Я проложу дорогу в степи, реки в пустыне... Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою... — и т. д.

Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну. Припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтобы оправдаться. Праотец твой согрешил, и ходатаи твои отступили от Меня”.

Исайя XLIV [6—8]: “Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога. Ибо кто как [не] Я? Пусть он... в порядке представит Мне все с того времени, как Я устроил народ древний, или пусть возвестят наступающее и будущее. Не бойтесь и не страшитесь; не издавна ли Я возвестил тебе и предсказал? И вы Мои свидетели”.

Пророчества о Кире. — Исайя XLV, 4: “Ради Иакова... избранного Моего, Я назвал тебя по имени”.

Исайя XLV, 21: “Объявите и скажите, посоветовавшись между собою: кто возвестил это из древних времен, наперед сказал это? Не Я ли, Господь?”

Исайя XLVI, 9—10: “Вспомните прежде бывшее, от начала века, ибо Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я_возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю”..

Исайя XLII, 9: “Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возведу; прежде, нежели оно произойдет, Я возведу вам”.

Исайя XLVIII, 3—8: “Прежнее Я задолго объявил; из Моих уст выходило оно, и Я возвещал это, и внезапно делал, — и все сбывалось. Я знал, что ты упорен, и что в шее твоей жилы железные, и лоб твой — медный; поэтому я объявлял тебе задолго, прежде, нежели это приходило, и предъявлял тебе, чтобы ты не сказал: “идол мой сделал это, и истукан мой и изваянный мой повелел этому быть”.

Ты слышал, посмотри на все это; и неужели вы не признаете этого? А ныне Я возвещаю тебе новое и сокровенное, и ты не знал этого. Оно произошло ныне, а не задолго и не за день, и ты не слышал о том, чтобы ты не сказал: “вот! я знал это”. Ты и не

слыхал, и не знал об этом, и ухо твое не было прежде открыто; ибо Я знал, что ты поступишь вероломно, и от самого чрева матерного ты прозван отступником”.

Отвержение иудеев и обращение язычников. — Исайя LXV [1—25]: “Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня: “вот Я! вот Я!” говорил Я народу, не именовавшемуся именем Моим. Всякий день простирал Я руки к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям, к народу, который постоянно оскорбляет Меня в лице, приносит жертвы в рощах...” и т. д. “Они — дым для обоняния Моего” — и т. д. “Беззакония ваши, говорит Господь, и вместе беззакония отцов ваших... и отмерю в недрах их прежние деяния их.

Так говорит Господь: когда в виноградной кисти находится сок, тогда говорят: “не повреди ее, ибо в ней благословение”; то же сделаю Я ради рабов Моих, чтобы не всех погубить. И произведу от Иакова семя, и от Иуды — наследника гор Моих, и наследуют это избранные Мои, и рабы Мои будут жить там... А вас, которые оставили Господа, забыли святую гору Мою, приготовляете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Меня, — вас обрекаю Я мечу, и все вы преклонитесь на заклятие, потому что Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали, но делали злое в очах Моих и избирали то, что было негодно Мне. Посему так говорит Господь Бог: вот, рабы Мои будут есть, а вы будете голодать; рабы Мои будут пить, а вы будете томиться жаждою; рабы Мои будут веселиться, а вы будете в стыде; рабы Мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа. И оставите имя ваше избранным Моим для проклятия; и убьет тебя Господь Бог, а рабов Своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины... потому что прежние скорби будут забыты и сокрыты от очей Моих. Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться вовеки о том, что Я творю: ибо” вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью. И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля... И будут, прежде нежели они воззовут, — Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу. Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь”.

Исайя LVI [1—5]: “Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду, ибо близко спасение Мое и откровение правды Моей. Блажен муж, который делает это... хранит субботу от осквернения и оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла. Да не говорит сын иноплеменика, присоединившийся к Господу: “Господь совсем отделил меня от Своего народа...” Ибо Господь так говорит... которые хранят Мои субботы, и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится”.

Исайя LIX [9—11]: “Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, и вот тьма, — озарения, и ходим во мраке. Осязаем как слепые стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые. Все мы ревом, как медведи, и стонем как голуби; ожидаем суда, и нет его — спасения, но оно далеко от нас”.

Исайя LXVI [18—19]: “Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и все языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Фарсис, в Пулу и Луду... на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей; и они возвестят народам славу Мою и представят всех братьев ваших...”

Осуждение храма. — Иеремия VII [12—16]: “Пойдемте же на место Мое в Силом, где Я прежде назначил пребывать имени Моему, и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего... И ныне, так как вы делаете все эти дела, говорит Господь, ...то

я так же поступлю с домом сим, над которым начертано имя Мое, на который вы надеетесь, и с местом, которое Я дал вам и отцам вашим, как поступил с Силомом (ибо Я его отверг и повелел воздвигнуть храм в другом месте). И отвергну вас от лица Моего, как отверг всех братьев ваших, все семя Ефремово. (Отвергнуты безвозвратно.) Ты же не проси за этот народ...”

Иеремия VII [22—24]: “Ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве; но такую заповедь дал Им: слушайтесь голоса Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом... (и только тогда, когда они совершили всесожжения перед золотым тельцом, Я повелел им приносить жертвы Мне, дабы во благо обратить дурной обычай)”.

Иеремия VII, 4: “Не надейтесь на обманчивые слова: "здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень””.

532. Пророчества. — В Египте. Pug[io Fidei], Талмуд. “Наш народ из поколения в поколение хранит знание о том, что, когда явится Мессия, Дом Господень, предназначенный распространять Его слово, явит собою мерзость запустения, а мудрость писцов растлится и опорочится. Тех, в ком жив будет страх перед грехом, народ строго осудит и начнет именовать умалишенными и одержимыми”.

Слуга Господень

533. Исайя XLIX [1—26]: “Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние: Господь призвал меня от чрева, от утробы матери Моей назвал имя Мое; и сделал уста Мои как острый меч; тению руки Своей покрывал Меня; и сделал Меня стрелою изостренною; в колчане Своем хранил Меня; и сказал Мне: Ты раб Мой, Израиль, в Тебе Я прославлюсь. А Я сказал: напрасно Я трудился, ни на что и вотще истощал силу Свою. Но Мое право у Господа, и награда Моя у Бога Моего. И ныне говорит Господь, образовавший Меня от чрева в раба Себе, чтоб обратиться к Нему Иакова и чтоб Израиль собрался к Нему; Я почтен в очах Господа, и Бог Мой — сила Моя. И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых... но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли. Так говорит Господь..., презираемому всеми, поносимому народом, рабу властелинов: цари увидят и встанут; князья поклонятся ради Господа, Который верен... Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа, чтобы... возвратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: "выходите", и тем, которые во тьме: "покажитесь". Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их. Не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их, и приведет их к источникам вод. И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты. Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим. Радуйтесь, небеса, и веселись, земля... ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих. А Сион говорит: "оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!" Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда передо Мною. Сыновья твои поспешат к тебе, а разорители и опустошители твои уйдут от тебя. Возведи очи твои и посмотри вокруг, — все они собираются, идут к тебе. Живу Я! — говорит Господь, — всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста. Ибо развалины твои, и пустыни твои, и разоренная земля твоя будут теперь слишком тесны для жителей... Дети, которые будут у тебя после потери прежних, будут говорить вслух тебе: "тесно для меня место; уступи мне, чтобы я мог жить". И ты скажешь в сердце твоём: "кто мне родил их? я была бездетна и бесплодна, отведена в плен и удалена; кто же возрастил их? вот, я оставалась одинокою; где же они были?" Так говорит Господь Бог: вот, Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари питателями твоими, и

царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся. Может ли быть отнята у сильного добыча и могут ли быть отняты у победителя взятые в плен? Да! так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими и сыновей твоих Я спасу... и всякая плоть узнает, что Я — Господь, Спаситель твой и искупитель твой, Сильный Иаковлев”.

Исаия L [1—11]: “Так говорит Господь: где разводное письмо вашей матери, с которым Я отпустил ее? или которому из Моих заимодавцев Я продал вас? Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отпущена мать ваша. Почему, когда Я приходил, никого не было и, когда Я звал, никто не отвечал? Разве рука Моя коротка стала, чтоб избавлять, или нет силы во Мне, чтобы спасать? Вот... Я облакаю небеса мраком, и вretiще делаю покровом их. Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтоб Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтоб Я слушал подобно учащимся. Господь Бог открыл Мне ухо, и Я не воспротивился, не отступил назад. Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевывания. И Господь Бог помогает Мне: поэтому Я не стыжусь, поэтому Я держу лицо Мое как камень, и знаю, что не останусь в стыде. Близок оправдывающий Меня: кто хочет состязаться со Мною? станем вместе. Кто хочет судиться со Мною? пусть подойдет ко Мне. Вот, Господь Бог помогает Мне: кто осудит Меня? Вот, все они, как одежда, обветшают; моль съест их. Кто из вас боится Господа, слушается гласа Раба Его? Кто ходит во мраке, без света, да упоает на имя Господа и да утверждается в Боге своем. Вот, все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами! Это будет вам от руки Моей: в мучениях умрете”.

Исаия LI [1—4]: “Послушайте Меня [говорит Господь], стремящиеся к правде, ищущие Господа! Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, и в глубину рва, из которого вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас; ибо Я призвал его одного, и благословил его, и размножил его. Так, Господь утешит Сион, утешит все развалины его, и сделает пустыни его как рай... Послушайте Меня, народ Мой, и племя Мое, приклоните ухо ко Мне! ибо от

Меня произойдет закон, и суд Мой поставлю во свет для народов”.

Амос VIII [9—14]. Перечислив грехи Израиля, сказал пророк, что Господь клялся не забыть ни одного из дел их. “И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня, и обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши — в плач... и произведу в стране плач, как о единственном сыне, и конец ее будет — как горький день. Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его. В тот день иставать будут от жажды красивые девы и юноши, которые клянутся грехом Самарийским и говорят: “жив Бог твой, Дан! и жив путь в Вирсавию!” — Они падут и уже не встанут”.

Амос III, 2: “Только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония...”

Даниил, XII, 7. Описав, сколь долгим будет царство Мессии, пророк возвещает, что “по совершен -ном низложении силы народа святого все это совершится”.

Аггей II [3—9]: “Кто остался между вами, который видел этот Дом в прежней его славе, и каким видите вы его теперь? Не есть ли он в глазах ваших как бы ничто? Но ободрись ныне, Зоровавель, говорит Господь, ободрись, Иисус, сын Иоседеков, великий иерей! ободрись, весь народ земли, говорит Господь, и производите работы, ибо Я с вами, говорит Господь Саваоф. Завет Мой, который Я заключил с вами при исшествии вашем из Египта, и дух Мой пребывает среди вас: не бойтесь! Ибо так говорит Господь Саваоф: еще

раз, — и это будет скоро, — Я потрясу небо и землю, море и сушу [образное выражение, которое должно подчеркнуть великие и небывалые перемены], и потрясу все народы, — и придет Желаемый всеми народами, и наполню Дом сей славою, говорит Господь Саваоф [то есть не приношением серебра и золота должно Меня чтить, — подобно тому, как в другом месте Он говорит: “Мои все звери в лесу”, — зачем же приносить их Ему в жертву?]. Слава сего последнего храма будет больше, нежели первого, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир, говорит Господь Саваоф”.

[Втор. XVIII, 16—19]. “Так как ты просил у Господа, Бога твоего, при Хориве в день собрания, говоря: “да не услышу впредь гласа Господа, Бога моего, и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть”. И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили. Я воздвигну им Пророка из среды братьев их... и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушается слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу”.

Царство святых

534. Даниил II [27—46]: “Даниил отвечал царю и сказал: “тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но, есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни... [Ясно, что этот сон глубоко запал в душу царя.] А мне тайна сия открыта не потому, чтоб я был мудрее всех живущих, но для того, чтоб открыто было царю разумение и чтобы ты узнал помышления сердца твоего.

Тебе, царь, было такое видение: вот какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукан, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукан, сделался великою горою и наполнил всю землю. Вот сон! Скажем перед царем и значение его.

Ты, царь, царь царей, которому Бог Небесный даровал царство, власть, силу и славу; и всех сынов человеческих, где бы они ни жили... Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими, ты — эта золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо, ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать. А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечною глиною. И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое. А что ты видел железо, смешанное с глиною горшечною, это значит, что они смешаются через семя человеческое, но не сольются одно с другим, Как железо не смешивается с глиною. И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото. Великий Бог дал знать царю, что будет после сего. И верен этот сон, и точно истолкование его!”

Тогда царь Навуходоносор пал на лицо свое...” и т.д.

Даниил VIII [8—25]. Даниил увидел, что после битвы с овном “козел чрезвычайно возвеличился; но когда он усилился, то сломился большой рог, и на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных. От одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку и к прекрасной стране. И вознесся до

воинства небесного, и низринул на землю часть сего воинства и звезд, и поправил их. И даже вознесся на Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его... И было: когда я, Даниил, увидел это видение и искал значения его... И услышал я... голос человеческий, который воззвал и сказал: “Гавриил, объясни ему это видение!”... и, сказал он мне:

“Овен, которого ты увидел с двумя рогами, это цари Мидийский и Персидский. А козел косматый — царь Греции, а большой рог, который между глазами его, это — первый ее царь; он сломился, и вместо него вышли другие четыре: это четыре царства восстанут из этого народа, но не с его силою. Под конец же царства их, когда отступники исполнят меру беззаконий своих, восстанет царь наглый и искусный в коварстве; и укрепятся силы его, хотя и не его силою, и он будет производить удивительные опустошения и успевать и действовать и губить сильных и народ святых. И, при уме его, и коварство будет иметь успех в руке его, и сердцем своим он превознесется, и среди мира погубит многих, и против Владыки владык восстанет, но будет сокрушен — не рукою”.

Даниил IX [20—27]: “И когда я еще говорил и молился и исповедовал грехи мои и грехи народа моего, Израиля, и повергал мольбу мою пред Господом Богом моим... муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы, и вразумлял меня, говорил со мною и сказал: “Даниил! теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению. В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты — муж желанный; итак, вникни в слово и уразумей видение. Семьдесят седьмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых”. (После чего этот народ уже не будет твоим народом, а этот город — святым городом. Время гнева пройдет, и навеки воцарятся годы милосердия.) “Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седьмин и шестьдесят две седмины [у иудеев в обычае указываемое число обозначать двумя числами, причем меньшее ставить впереди большего; семь и шестьдесят два в сумме дают шестьдесят девять: из этих семидесяти останется одна семидесятая, то есть последние семь лет, о которых речь впереди]; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена. И по истечении шестидесяти двух седьмин [которые последуют за семью первыми, Христос будет предан смерти после шестидесяти седьмин, то есть в последнюю седмицу] предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения.

И утвердит завет для многих одна седмина [то есть последняя, семидесятая], а в половине седмины [то есть в последние три с половиной года] прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя”.

Даниил XI [2—24]. Потом ангел возвестил Даниилу: “...еще три царя [после Кира, о котором только что шла речь] восстанут в Персии [Камбиз, Смердис и Дарий]; потом четвертый [Ксеркс] превзойдет всех великим богатством, и когда усилится богатством своим, то поднимет всех против царства Греческого.

И восстанет царь могущественный [Александр], который будет властвовать с великою властью и будет действовать по своей воле. Но когда он восстанет, царство его разрушится и разделится по четырем ветрам небесным [как уже было сказано, IV, 6 и VIII, 8] и не к его потомкам перейдет, и не с тою властью, с какою он властвовал; ибо раздробится царство его и достанется другим, кроме этих [четверых главных его наследников].

И усилится южный царь [Египет, Птолемей, сын Лага], и один из князей его пересилит его и будет властвовать, и велико будет владычество его [Селевк, царь Сирийский, Аппиан утверждает, что он — могущественнейший из следовавших

Александру]. Но через несколько лет они сблизятся, и дочь южного царя [Береника, дочь Птолемея Филадельфа, сына Птолемея Старшего] придет к царю северному [к Антиоху Второму, царю Сирийскому и Азийскому, племяннику Селевка Лагида], чтобы установить правильные отношения между ними; но она не удержит силы в руках своих, не устоит и род ее, но преданы будут как она, так и сопровождающие ее и рожденный ею и помогавшие ей в те времена [Береника и ее сын были убиты по приказу Селевка Каллиника].

Но восстанет отрасль от корня ее [Птолемей Эвергет рожден от того же отца, что и Береника], придет к войску и войдет в укрепления царя северного, и будет действовать в них, и усилится, даже и богов их, истуканы их с драгоценными сосудами их, серебряными и золотыми, увезет в плен в Египет [если бы семейные дела не призвали его в Египет, ой бы еще не так ограбил Селевка, говорит Юстин] и на несколько лет будет стоять выше царя северного. Хотя этот и сделает нашествие на царство южного царя, но возвратится в свою землю. Потом вооружатся сыновья его и соберут многочисленное войско [Селевк Керавн, Антиох Великий], и один из них быстро пойдет, наводнит и пройдет, и потом возвращаясь будет сражаться с ним до укреплений его. И раздражится южный царь и выступит, сразится с ним, с царем северным [Птолемей Филопатор против Антиоха Великого при Рафии], и выставит большое войско... и сердце царя вознесется [этот Птолемей осквернит храм: Иосиф]; он низложит многие тысячи, но от этого не будет сильнее; ибо царь северный [Антиох Великий] возвратится и выставит войско больше прежнего и чрез несколько лет быстро придет с огромным войском и большим богатством. В те времена многие восстанут против южного царя [южного царя Птолемея Эпифана], и мятежные из сынов твоего народа поднимутся, чтобы исполнилось видение, и падут [те, что стали вероотступниками, дабы подольститься к Эвергету, когда он послал свои войска в Скопас, ибо Антиох отвоюет этот город, нанеся им поражение]. И придет царь северный, устроит вал и овладеет укрепленным городом, и не устоят мышцы юга, ни отборное войско его; неостанет силы противостоять... и на славной земле поставит сан свой, и она пострадает от руки его. И вознамерится войти со всеми силами царства своего [пренебрегая юностью Эпифана, говорит Юстин]... и совершит это; и дочь жен отдаст ему [Клеопатру, чтобы она предала своего мужа; по этому поводу Аппиан говорит, что, не уверенный в возможности силой укрепить свое владычество в Египте, которому покровительствовал Рим, царь решил прибегнуть к хитрости], на погибель ее, но этот замысел не состоится, и ему не будет пользы из того. Потом обратит лицо свое к островам [то есть к приморским землям] и овладеет многими [по утверждению Аппиана]; но некий вождь [Сципион Африканский, остановивший продвижение Антиоха Великого, ибо этот последний наносил оскорбление римлянам в лице их союзников] прекратит нанесенный им позор и даже свой позор обратит на него. Затем он обратит лицо свое на крепости своей земли, но споткнется, падет [он был убит своими соотечественниками], и не станет его.

На место его восстанет некий [Селевк Филопатор, или Сотер, сын Антиоха Великого], который пошлет сборщика податей пройти по царству славы [то есть по владениям этого народа], но и он после немногих дней погибнет, и не от -возмущения и не в сражении. И восстанет на место его презренный, и не воздадут ему царских почестей; но он придет без шума и лестью овладеет царством. И всепотопляющие полчища будут потоплены и сокрушены им, даже и сам вождь завета. Ибо после того, как он вступит в союз с ним, он будет действовать обманом и взойдет, ибо держит верх с малым народом. Он войдет в мирные и плодоносные страны и совершит то, чего не делали отцы его и отцы отцов его; добычу, награбленное имущество и богатство, будет расточать своим и на крепости будет иметь замыслы свои, но только до времени”.

4. Пророчества, подтвержденные пришествием Мессии, Иисуса Христа, положившего начало внутреннему духовному царству

535. Предсказания. — Что во время четвертой монархии, еще до разрушения второго храма, на семидесятой неделе, по пророку Даниилу, когда иудеи не были еще лишены верховенства и нерушим второй храм, — что в эти времена просветятся язычники и познают Бога, которому поклоняются иудеи, и что возлюбившие Его будут избавлены от своих врагов и преисполнятся трепета перед Ним и любви к Нему.

И было так, что при четвертой монархии, еще до разрушения второго храма и т. д., язычники во множестве преклоняются перед Господом и ведут ангельски безгрешную жизнь: юницы посвящают Господу свое девство и свою жизнь, мужчины отказываются от всех усад. То, что Платону не удастся внушить избраннейшим и образованнейшим из людей, некая тайная сила немногими словами внушает сотне миллионов людей глубоко невежественных. Богачи расстаются со своим богатством, дети расстаются с негою отчего дома ради полной лишений жизни в пустыне и т. д. (Об этом можно прочесть у Филона Иудея.) Что все это означает? Это означает именно то, что было уже так давно предсказано. В течение двух тысяч лет ни один язычник не преклонился перед Господом иудеев, и вот, в предсказанные времена, язычники во множестве преклоняются перед этим единым Господом. Они разрушают капища, и даже цари покоряются Кресту. Что все это означает? Это Дух Господень снизошел на землю.

Ни один язычник от времен Моисея до пришествия Иисуса Христа — как свидетельствуют сами раввины. После пришествия Иисуса Христа язычники во множестве преисполняются веры в книги Моисея, строго следуя и букве их, и духу, отбрасывая только бесполезное.

536. В разных пророчествах перечислены разные события, которые будут сопровождать пришествие Мессии, следовательно, события эти должны произойти одновременно. Следовательно, четвертая монархия не могла наступить до истечения семи седьмин, о которых вещает пророк Даниил, и скипетр должен был уже выпасть из рук Израиля, и все именно так и произошло, причем самым естественным путем, и вот тогда свершилось пришествие Мессии, явился Иисус Христос и сказал, что Он и есть Мессия, и произошло это все тоже самым естественным путем, и таким образом подтверждается истинность предсказаний пророков.

537. Пророки предсказывали, но не были предсказаны. Святые, что явились потом, были предсказаны, но не предсказывали. Иисус Христос был предсказан и Сам предсказывал.

538. Две древнейшие в мире книги — это Книга Моисея и Книга Иова; первый из них — иудей, второй — язычник, но для обоих Иисус Христос — и средоточие, и цель; для Моисея — потому что он связывает с Иисусом Христом обеты, которые Господь дал Аврааму, Иакову и т. д., из этого вытекают и пророчества; а вот слова Иова: “Quis mihi det ut”¹ и т. д. “Scio anim quod redemptor meus vivit”² и т. д.

539. Доказательства пришествия Иисуса Христа. — Почему сохранилась Книга Руфь? Почему — рассказ о Фамари?

540. В Евангелии о девстве Пречистой Девы упоминается лишь в связи с рождением Иисуса Христа. Все связано с Иисусом Христом.

Вопрос: содержится ли в Священном Писании второй смысл

541. Доказательства, связующие воедино Ветхий и Новый Заветы. — Чтобы одновременно доказать истинность и Ветхого, и Нового Заветов, довольно привести те пророчества, содержащиеся в первом, которые потом сбываются во втором. Чтобы правильно истолковать эти пророчества, нужно прежде всего уяснить их смысл. Ибо если считать, будто все они — односмысленны, то несомненным выводом из них станет утверждение, что никакой Мессия людям не явится; но если в этих пророчествах есть и

второй смысл, то столь же несомненно, что пришествие Иисуса Христа и есть пришествие Мессии.

Итак, вопрос сводится к тому, есть ли в предсказаниях пророков второй смысл.

¹ О, если бы записаны были слова мои (лат.).

² А я знаю, Искушитель мой жив (лат.).

Вот доказательства того, что у Священного Писания два смысла, приданных ему Иисусом Христом и апостолами.

1. Доказательство, почерпнутое в самом Священном Писании;
2. Доказательство, почерпнутое в учении раввинов; Моисей Маймонид утверждает, что у Писания два лика и что пророки только о пришествии Иисуса Христа и пророчествовали;
3. Доказательство, почерпнутое в Каббале;
4. Доказательство, почерпнутое в мистическом толковании самими раввинами Священного Писания;
5. Доказательство, почерпнутое в основополагающих началах, утверждаемых раввинами: в том, что смыслов два, что будет два пришествия Мессии — одно исполненное величия, другое — уничижения, в зависимости от стоящей перед ним цели, что пророки только о Мессии пророчествовали, что Завет не вечен и после пришествия Мессии изменится, что тогда уже не будут вспоминать о Красном море, что иудеи и язычники перемешаются;
6. Доказательство, почерпнутое с помощью того ключа, который дают нам Иисус Христос и апостолы.

542. Образы. — Господь, возжелав сотворить для Себя народ, облеченный святостью, который Он обособит от всех других народов, и освободит от врагов, и поселит в месте покойном, обещал, что так оно и будет, и устами Своих пророков предсказал место и обстоятельства Своего пришествия. И притом, дабы укрепить надежду в избранных Своих, Он во все времена являл им Свой образ, многаяжды подтверждая и волю, и власть даровать этому народу спасение. Ибо Адам был и свидетелем сотворения человека, и хранителем обета ниспослать людям Спасителя, рожденного смертной женщиной, а люди в ту пору, столь недавно сотворенные, еще не забыли и о сотворении своем, и о грехопадении. Когда ушли из этого мира все, воочию видевшие Адама, Господь послал людям Ноя, и спас его, и затопил всю землю, подтвердив этим чудом, что властен спасти род человеческий, и желает его спасти, и породит от смертной женщины Того, чье пришествие Он некогда возвестил. Этого обещания было довольно, чтобы укрепить людские чаяния. Когда память овсемирном потопе была еще совсем свежа в людской памяти, когда еще не умер Ной, вот тогда Господь и дал Свой обет Аврааму, а когда еще не умер Сим, Господь послал Моисея, и т. д.

543. Что Иисус Христос будет мал в начале Своем, а потом станет великим: камень пророка Даниила.

Если бы я ничего не слышал о пришествии Мессии, все равно после столь поразительных предсказаний о будущем миропорядке, предсказаний, которые, как мне доподлинно ведомо, сбылись, у меня не осталось бы сомнений, что они отмечены Господней печатью. И если бы мне стало ведомо, что те же книги предсказывают пришествие Мессии, я постарался бы уяснить себе, верить ли этому; узнав, что речь идет о времени, предшествующем разрушению второго храма, я сказал бы: “Да, Он приходил”.

544. Иисус Христос, предсказанный и во времени, и во всем ходе событий: Законодатель, отошедший от чресел Его, и четвертая монархия. Какое счастье — видеть этот свет в этом мраке!

Как прекрасно взирать глазами веры на Дария и Кира, на Александра, римлян, Помпея и Ирода, как прекрасно что-то свершать, не сознавая этого, во славу Евангелия!

545. Как прекрасно глазами веры взирать на историю Ирода, Цезаря!

546. Пророчества. — Время, обозначенное с помощью рассказа о положении иудеев, положении язычников, положении храма, с помощью летосчисления.

547. Нужна великая смелость, чтобы предсказать одно-единственное событие под столь разными углами зрения: четыре монархии, идолопоклонные или языческие, конец царствования Иуды и семьдесят недель, — все это должно было соотноситься во времени и все происходить до разрушения второго храма.

548. Пророчества. — Семьдесят седьмин пророка Даниила — срок сомнительный в начале пророчества, потому что не совпадает с другими сроками, указанными в том же пророчестве, и не менее сомнителен в конце, потому что не совпадает со сроками, указанными другими хронологами. Но колебания в сроках не превышают двух сотен лет.

549. О том, что Завет насквозь пронизан образами.

550. Две ошибки: 1. Понимать все буквально; 2. Понимать все символически.

551. Выступить против преувеличения образности.

552. Иные образы ясны и самоочевидны, но есть и другие, притянутые, можно сказать, за волосы и убедительные только для тех, кто и без них убежден. Они похожи на образы из Апокалипсиса, но, в отличие от апокалипсических, лишены несомненности, причем в такой степени, что было бы в высшей степени несправедливо утверждать, будто они столь же естественны и обоснованы самой сутью дела, как многие образы из нашего Завета, ибо нет в них и следа вот такой убедительности. Так что никакого знака равенства тут ставить нельзя. Не должно путать их и уравнивать между собой, забывая о том, что, пусть и сходные одним концом, они так резко отличаются другим: когда иносказания исходят от Бога, в них заложены такие откровения, которые побуждают с благоговейным трепетом относиться и ко всем темнотам.

Например, иным местам, изложенным затемненным языком, не понимающие этого языка люди способны придать самый нелепый смысл.

553. Вздорные выдумки апокалиптиков, предамитов, милленариев. — Вот приблизительно как рассуждают люди, которым взбредает на ум в основу какой-нибудь вздорной выдумки положить Священное Писание: “В Писании сказано: “Не пройдет род сей, как все сие будет”, из чего я сделаю вывод, что этот род сменится другим родом, и такая последовательность никогда не нарушится. Во второй книге Паралипоменон говорится о Соломоне и о царе, словно о двух разных людях, поэтому я буду утверждать, что речь идет и впрямь о двух разных людях”.

554. Я вовсе не утверждаю, что в букве “мем” содержится некий мистический смысл.

555. Образы. — Если Слово Божие, всегда истинное, в буквальном смысле неверно, Оно истинно в смысле духовном. “Sede a dextris meis”¹ — в буквальном смысле слова эти неверны, и, значит, они истинны в смысле духовном. В подобные слова люди вкладывают свое, человеческое представление о Господе, и означают они только одно: если в данных обстоятельствах у человека возникает намерение посадить кого-то по правую руку от себя, такое же намерение возникнет и у Бога. Итак, речь идет именно о намерении Господа, а не о том, как Он его воплощает в действие. Вот почему, когда сказано: “Господь воспринял аромат ваших курений и в награду за них одарит вас тучными землями”, это означает, что у Господа появилось намерение вознаградить вас за этот фимиам, как появилось бы оно в подобных обстоятельствах у смертного человека, ибо и вы отнеслись к Нему так, словно Он — смертный человек, которому другой смертный человек воскуряет фимиам. Это относится и к таким речениям, как *iratus est*², “Бог ревнитель” и др. Ибо все, относящееся к Господу, будучи непостижимо, не может быть выражено другими словами, и Церковь употребляет их и сегодня: “Quia confortavit seras”³ и т. д.

Нам не дозволено вычитывать в Священном Писании смысл, который оно не пожелало открыть нам прямыми словами.. Поэтому нельзя утверждать, что закрытое “мем” у Исаии означает шестьсот, — нам это не было открыто. Нигде не сказано, что

конечные “цаде” с отсутствующим “хе” означают таинства. Поэтому нам не дозволено утверждать это, и еще меньше дозволено утверждать, что это своего рода философский камень. Но мы говорим, что смысл буквальный не есть

¹ Седи одесную Меня (лат.).

² Возгорится гнев (лат.).

³ Ибо Он укрепляет верев (лат.).

истинный смысл, потому что об этом говорили и пророки.

556. О б р а з ы . — Дабы стало ясно, что весь Ветхий Завет построен на образах и что пророки под земными благами разумели совсем другие блага, нужно показать:

Во-первых, что иное понимание оскорбительно для Господа;

Во-вторых, что в них содержится прямое обещание земных благ, и тем не менее они тут же утверждают, что их речи темны и смысл этих речей не будет понят. Из чего явствует, что скрытый смысл отнюдь не тождествен лежащему на поверхности и, значит, что пророки говорили о неких других жертвах, другом Освободителе и т. д. Они говорили, что лишь в последние дни уразумеют смысл их речей. Иеремия XXX, последний стих.

Третье доказательство — их рассуждения противоречивы и сами себя сводят на нет. Поэтому, утверждая, будто в слова “Завет” и “жертва” они вкладывали тот же смысл, что Моисей, мы тем самым признаем существование этих явных, бросающихся в глаза противоречий. Меж тем, чтобы понять, какой смысл вкладывает автор...

557. Похоть стала до того натуральна для нас, что превратилась во вторую нашу натуру. Так что в каждом из нас теперь две натуры: хорошая и дурная. А где Господь? Там, где вас нет, и царство Божие внутри вас. Раввины.

Доказательство с помощью Священного Писания. О том, что каждое слово в Библии следует воспринимать в его религиозном значении

558. Противоречие . — Мы не можем делать вид, будто все в порядке, пока не приведены к согласию все наши противоречия, причем не только согласуемые, но и прямо противоположные друг другу. Чтобы понять любого автора, следует согласовать в его труде все противоречащие друг другу места.

Таким образом, чтобы понять Священное Писание, мы должны постичь заложенный в нем руководящий смысл, который приводит в согласие все противоречащие друг другу места. Тут мало найти единый смысл в местах, друг с другом согласуемых, тут нужно найти смысловое единство даже в местах, по смыслу противоположных.

Труд любого автора имеет некий единый смысл, приводящий к согласию все противоречия, или же он вовсе лишен смысла. Мы никак не можем сказать, что Священное Писание и книги пророков лишены смысла, — для этого в них слишком много здравого смысла. Значит, нам остается одно: искать смысл, согласующий все противоречия.

Значит, иудеям не был открыт этот истинный смысл, а вот в Иисусе Христе все противоречия приходят к согласию.

Иудеи никак не могли бы согласовать предсказание пророка Осии о том, что не будет у них ни царя, ни Князя с пророчеством Иакова. Если принимать все, сказанное о законе, жертвоприношениях, царстве в прямом смысле, согласовать эти места между собой просто невозможно. Отсюда с неизбежностью следует вывод: их нужно считать иносказаниями. Иначе нам не удастся согласовать не только сказанное одним пророком или в одной книге, но даже сказанное в одной главе, причем ясно, что любое из упомянутых мест — отнюдь не оговорка: к примеру, слова пророка Иезекииля (глава XX) о том, что иудеи будут жить по заповедям Господним и не будут жить по ним.

559. О б р а з ы . — Если закон и жертвоприношения воплощают в себе истину, они с неизбежностью будут угодны Господу и не могут быть неужодны Ему. Если же они — образные выражения, то с неизбежностью будут и угодны, и неужодны.

Так вот, все Писание гласит о том, что они и угодны Ему, и неуютны. Там сказано, что и закон изменится, и жертвоприношения изменятся, что не будет у иудеев ни царя, ни князя, ни жертвоприношений, появится Новый Завет, что закон обновится, что обряды их неуютны, а жертвы омерзительны Господу, что Он никогда не желал подобных жертв.

И, в противоречии с этим, там сказано, что закон дан на веки веков, что этот Завет вековечен, что жертвоприношения вековечны, что не отойдет скипетр от их, доколе не придет Примиригель.

Говорят ли эти утверждения, что их нужно понимать только буквально? Нет. Говорят ли о том, что их нужно понимать только как образные выражения? Нет. Но они говорят о том, что их нужно понимать или в смысле буквально, или как образы. Но если первое утверждение невозможно истолковать буквально, то, значит, это некий образ.

Все приведенные места не поддаются буквальному пониманию, но все они могут быть поняты как образные выражения: следовательно, смысл их не в букве, а в образе. *Agnus occisus est ab origine mundi*¹. *Juge sacrificium*².

560. Исайя, LI: Красное море, образ Искупления. “*Ut sciatus quod filius hominis habet potestatem remittendi peccata, tibi dico: „Surge”*”³.

Господь, желая показать, что Он может сотворить святой народ, чья святость незрима, и преисполнить вечной славы, сотворил чудеса, всем зримые. Так как природа — образ Его благодати, Он свершил с ее дарами то, что должно было свершиться с дарами благодати, дабы все узнали, что если Он обладает силой творить зримое,

¹ Агнца, закланного от сотворения мира (лат.).

² Жертва в вечности (лат.).

³ Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит расслабленному: тебе говорю: “встань” (лат.).

то обладает и властью творить незримое. И вот Его произволением этот народ спасся от всемирного потопа, и начало свое повел от Авраама, и освободился от вражеских пут, и зажил в покое.

Свершил все это Господь не ради спасения людей от потопа, не ради того, чтобы целый народ произошел от Авраама, а потом поселился на тучных землях. И даже благодать — лишь образ славы, ибо не она — конечная цель. Ее образом был закон, а сама она — образ славы, но, будучи образом, она также — начало начал или причина.

Обыденная жизнь людей подобна жизни святых. И те и другие ищут довольства, только источники этого довольства у них разные, именуют врагами своими тех, кто этим поискам мешает, и т. д. Таким образом, Господь явил Свою силу даровать блага незримые, показав Свою власть над благами зримыми.

561. Образы. — Господь, возжелав лишить верных Своих суетных благ и дабы ведали, что Он не бессилен даровать эти блага, создал иудейский народ.

562. Слово Господне равно не отличается и от Его намерения, ибо Он истинен, и от Его дела, ибо Он всемогущ; точно так же способы не отличаются от Его цели, ибо Он премудр. Берн., ult. serm., in Missus¹.

Блаженный Августин, *De civ. Dei*, V, 10. Это правило всеобъемлющее: Господь может все, кроме того, что было бы отрицанием Его всемогущества: Он не может умереть, быть обманутым и т. д., солгать и т. д.

563. И тем не менее этот Завет, сотворенный, чтобы ослеплять одних, а другим открывать глаза, даже и в тех, кого Он ослепил, запечатлевал истину, которую должны были постичь другие. Ибо зримые блага, которыми Господь осыпал их, столь великие и Божественные, не оставляли сомнения в Его власти даровать блага незримые и ниспослать Мессию.

¹ Берн[ард], Последн[ие] пропов[еди], о вестнике (лат.).

Ибо природа — образ благодати, а зримые нв деса — образы чудес незримых. *Ut sciatis... tibi dico: Surge*¹.

Пророк Исайя (LI) говорит, что Искупление будет подобно переходу через Красное море.

И вот, исходом из Египта через море, поражением царей, манной небесной, всей родословной Авраама Господь явил людям Свою власть даровать спасение, напитать хлебом небесным и т.д.; так что этот враждебный народ есть образ и подобие того самого Мессии, которого он не признает, и т. д. — Так Господь научает нас тому, что все это — только образы, а также тому, что означает “истинно свободный”, “истинный иудей”, “истинное обрезание”, “истинный хлеб небесный”.

Киркерус и Уссериус.

В этих обетованиях Господних каждый находит то, что ищет в глубинах собственного сердца, блага бранные или блага духовные, Бога или смертных тварей, но с той разницей, что ищущие смертных тварей находят их, но тут же возникает ряд препон — запрет любить их, повеление поклоняться только Богу и любить только Его Одного — а это ведь одно и то же, — и, наконец, слова о Мессии, который приходил не для этих людей; меж тем ищущие Бога находят Его, и тут не будет никаких препон, будет лишь повеление любить только Его Одного и весть о Мессии, который в назначенные времена приходил, дабы даровать им столь желанные для них блага.

Следовательно, иудеи зрели чудеса, они внимали пророчествам, которые потом сбывались, их Завет учил поклоняться только Богу и любить только Его одного, и вероучение это никогда не менялось. Значит, оно имело все признаки истинности: оно и было истиной. Но должно различать учение, которому следовали иудеи, от того, чему наставлял Завет. Это учение не содержало истины, хотя иудеи зрели чудеса и внимали пророчествам, и оно

¹ Чтобы знали... тебе говорю: встань (лат.).

никогда не прерывалось, но не было в нем еще одного повеления: поклоняться только Господу Богу, любить только Господа Бога.

564. Завеса, скрывающая эти книги от иудеев, скрывает их и от дурных христиан, и от всех, кто не исполнен ненависти к самому себе.

Но как приуготовлен к пониманию этих книг и к приятию Иисуса Христа человек, истинно себя ненавидящий!

Как объяснить то, что одни признали в Иисусе Христе Мессию, а другие не признали

565. Образ сочетает в себе присутствие и отсутствие, удовольствие и неудовольствие. — У шифрованного письма два смысла: явный и тот, который именуют сокрытым.

566. О б р а з ы . — Портрет сочетает в себе присутствие и отсутствие, удовольствие и неудовольствие. Действительность исключает отсутствие и неудовольствие.

Чтобы понять, являются ли закон и жертвоприношения образами или подлинной действительностью, следует уяснить себе, как их понимали и толковали пророки — просто ли как знаки этого древнего союза, или видели в них живописное изображение чего-то иного, ибо в портрете мы всегда видим некий образ изображаемого. Для этого только и нужно, что вникнуть в их речи. Говоря о том, что союз будет вечен, имеют ли они в виду тот самый союз, о котором говорят, что он изменится? То же самое относится к жертвоприношениям и пр.

У шифра всегда два смысла. Когда мы наталкиваемся на важное послание, чей смысл совершенно ясен, а вместе с тем сказано, что он скрыт и затемнен, что он скрыт, дабы, прочитывая глазами это послание, его не видели и, понимая, не понимали, как же нам не прийти к выводу: перед нами зашифрованное послание с двойным смыслом, тем более что в нем не обобратятся противоречий, если его понимать буквально? Пророки совершенно ясно говорили, что Израиль всегда будет любим Господом и что закон сохранится вовеки, и они же говорили, что люди не поймут смысла их речей, что он сокрыт.

Как же глубоко должны мы почитать людей, которые растолковывают нам зашифрованное, помогают понять его скрытый смысл, особенно когда заложенные там начала ясны и несомненны! А именно этим занимались Иисус Христос и апостолы. Они взломали печати, сдернули покровы, обнажили духовный смысл. И таким путем преподали нам, что враги людей — их собственные страсти, что Искупитель — воплощение духовности и царство Его — духовное царство, что будет два пришествия: первое, исполненное унижения, дабы принизить человека в гордыне его, и второе, исполненное славы, дабы возвысить человека в унижении его, что Иисус Христос — и Бог, и человек.

567. Образы. — Иисус Христос открыл им духовный смысл, — без этого они не могли бы понять Священное Писание. — Вот два великих открытия.

1. Все, преподанное им, было преподано в образной форме: *vere israelite, vere liberi*¹, истинный хлеб небесный;

2, Господь, в унижении Своём, распятый на кресте: Христос должен был вознестись к славе Своей через страдание, должен был принять смерть, чтобы смертью Своей победить смерть. Два пришествия.

568. Образы. — Стоит нам однажды разгадать эту тайну — и все становится яснее ясного. Прочитайте под этим углом зрения Ветхий Завет и подумайте — подлинно ли нужны жертвоприношения, подлинно ли родословная Авраама была причиной благосклонности к нему Господа, подлинно ли земля обетованная была

¹ Истинные иудеи, истинно свободные (лат.).

местом отдохновения? Нет. Следовательно, все это — лишь образы, фигуры речи. Подумайте и над всеми предписанными обрядами, над всеми установлениями, не имеющими целью своей милосердие, — и вы поймете, что и они — тоже образы.

Итак, все жертвоприношения, все обряды — либо образы, либо просто-напросто дурачество. Но смысл иных установлений, пусть и совершенно явный, слишком возвышен, чтобы счесть его дурачеством.

569. Образы. — Буква убивает; все происходит в форме образов — вот шифр, преподанный нам апостолом Павлом. Христос должен был претерпеть смертную муку: униженный Бог. Обрезание сердца, истинный пост, истинное, жертвоприношение, истинный храм. Пророки не раз говорили, что все это нужно понимать не в буквальном, а в духовном смысле. — Мясо, но не то, что подвержено порче, а то, что порче не подвержено. “Истина сделает вас свободными”. Итак, другая свобода — лишь образ истинной свободы. “Я хлеб, сошедший с небес”.

570. Есть люди, которые понимают, что единственный враг человека — его собственная похоть, отвращающая от Господа, а не Господь Бог, а единственное его благо — Господь Бог, а не клочок тучной земли. Те, кто единственным благом почитают плотское благо, а единственным злом — помехи на пути к чувственным усладам, — пусть они допьяна напьются этими уладами и умрут. Но те, что всем сердцем ищут Господа и единственным злом почитают отлучение от Него, те, чье единственное желание — приобщиться Ему, те, у кого нет других врагов, кроме помех на пути к Господу, других горестей, кроме сознания: вот, вражеское кольцо все теснее смыкается вокруг них, — пусть эти люди утешатся, я принес им счастливую весть: им дарован Освободитель и я помогу узреть Его. Я покажу им, что есть у них Бог, но другим показывать не стану.

Я помогу им постичь, что возведено пришествие Мессии, который освободит их от врагов, что одно пришествие уже было, но ради освобождения от неправедных, а не от врагов.

Когда Давид предрек, что Мессия освободит Свой народ от врагов, это можно было толковать в смысле грубо плотском, то есть что Он освободит от египтян, и тогда я не сумел бы доказать, что пророчество сбылось. Но можно понять и так, что речь идет о незаконных, ибо истинные враги не египтяне, а незаконные.

Итак, слово “враг” двусмысленно. Но поскольку в другом месте сказано, что Он избавит свой народ от грехов, поскольку о том же говорит Исайя и другие пророки, всякая двусмысленность исчезает, у определения “враги” остается один-единственный, вполне явный смысл — “беззаконные”. Потому что, имея в виду грехи, Он вполне мог назвать их врагами, но, разумея врагов, никогда не назвал бы их беззаконниками.

Следовательно, и Моисей, и Давид, и Исайя употребляли одинаковые слова-определения. Так возьмется ли кто-нибудь утверждать, что они не вкладывали в них одинаковый смысл, что Давид, разумеющий, несомненно, под врагами беззаконных, не заимствовал этот смысл у Моисея, который именно его вкладывал в слово “враги”?

Когда Даниил (гл. IX) молит Господа избавить народ от врагов, он врагами называет грехи народа и, дабы это было понятно, рассказывает, как ему явился архангел Гавриил и принес весть, что молитвы его услышаны, что ждать определено всего семьдесят седьмин, чтобы запечатаны были грехи и заглажены преступления, и Освободитель, Святой святых, принесет с Собою справедливость вечную, не законом земным установленную, а вечную.

5. Причина употребления образных иносказаний. Основы христианского вероисповедания

571. Следует перенести в главу “Основы” то, что помещено в главе “Образные выражения” и касается причины появления определенных образов: почему предсказано первое пришествие Иисуса Христа; почему это предсказание изложено туманным слогом.

572. *Fac secundum exemplar quod tibi ostensum est in monte*¹.

Итак, вероисповедание иудеев основано было на сходстве с истиной Мессии, и эта истина была признана вероисповеданием иудеев, которое следует считать ее образным выражением.

У иудеев истина выступает лишь как образ, в небесах она неприкровенна. В христианском вероучении она прикровенна и познаваема при сопоставлении с образом.

Образ был основан на истине, истина была познаваема на основе образа.

573. Дела Господни вовек останутся неисповедимы для тех людей, которые не постигли важнейшего: одних Он пожелал ослепить, других — сделать зрячими.

Два смысла, заключенных в Священном Писании

574. Как объяснить появление образных выражений. — (Их цель — захватить внимание народа плотского и сделать его восприимчивым к Завету, преисполненного духовности); дабы этот народ поверил в пришествие Мессии, оно должно было быть заранее предсказано, притом людьми безупречными, исполненными горячей, ревностной, неуклонной веры и прославленными по всей земле.

Для свершения Своего намерения Господь избрал этот плотский народ и сделал его хранителем пророчеств, предрекающих пришествие Мессии, Освободителя и Расточителя плотских благ, оному народу столь любезных. И народ иудейский пылко почитал своих про-

¹ Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе (лат.).

роков и являл всему миру те книги, где предсказано пришествие Мессии, и всем племенам возвещал, что произойдет оно именно тогда и так, как предсказано в этих книгах, всему миру открытых. И эти же самые иудеи, обманутые постыдно жалким обликом, в котором Он явился, стали Его лютыми врагами. Вот так и получилось, что народ, менее любого другого благоволяющий к нам, но исполненный небывалого пыла и тщания в соблюдении своего закона, хранит книги пророков в полной неприкосновенности.

Вот почему в пророчествах под смыслом плотским, любезным этому народу, таится другой, ему враждебный духовный смысл. Будь он явен, иудеи не смогли бы проникнуться к нему любовью и, будучи не способны нести его в сердцах своих, не стали

бы столь ревностно хранить свои книги, равно как и свои обряды; ну, а если бы они прониклись любовью к этим духовным обетованиям и сохранили их, не изменив ни слова, до пришествия Мессии, свидетельства иудеев не имели бы никакой силы, потому что были бы подсказаны любовью к обетованиям Господним.

Поэтому правильно, что духовный смысл не прояснен; с другой стороны, если бы его вообще нельзя было уразуметь, он не послужил бы свидетельством грядущего пришествия Мессии. Как же были достигнуты обе цели? Духовный смысл во многих местах скрыт под слоем мирских бытописаний, но в нескольких — столь неприкровенен и к тому же уснащен столь точными предсказаниями обстоятельств и времени пришествия, что смысл этот ясен как белый день; помешать пониманию духовного смысла, такого очевидного в этих пассажах, может лишь слепота, подобная той, которую плоть насыщает на разум, когда хочет подчинить его себе и принудить к молчанию.

Так вершил Свои дела Господь. Во множестве мест духовный смысл скрыт под совсем другим смыслом, а в некоторых, совсем немногих, открыт, но не настолько, чтобы там, где он прикровенен, двусмысленность сменилась бы полной ясностью, а ровно настолько, чтобы там, где открыт, единый его смысл был несомненен.

Никакой ошибки здесь не могло быть, впасть в заблуждение способен был лишь этот столь плотский народ.

Ибо что помешало им оценить щедро обещанные истинные блага, что, кроме их собственной алчности, для которой только земные блага и существуют? Но те, для кого нет блага вне Господа, только Ему и воздавали все эти блага. Ибо людской волей всегда движет одно из двух определяющих начал: алчность или милосердие. Это вовсе не значит, что алчность не может сочетаться с верой в Бога, а милосердие — с любовью к земным благам, но алчность прибегает к Богу, чтобы приобщить себе побольше земных благ, меж тем как милосердие прибегает к земным благам, чтоб приобщиться Богу.

Итак, конечная цель в том, чтобы всё и вся назвать своими именами. И любой встающий помехой на этом пути именуется врагом. Поэтому смертные существа, даже исполненные самых добрых чувств, — враги праведных, если отвращают их от Бога, и Сам Господь Бог — враг тех, чью жадность Он испытует.

Таким образом, поскольку смысл слова “враг” определяется конечной целью, праведные разумели под ним собственные свои страсти, а люди плотские — вавилонян; таким образом, это понятие было затемнено только для неправедных. Что и разумел пророк Исаия, говоря: “Signa legem in electis meis”¹ и называя Иисуса Христа скалою соблазна. Но “блажен, кто не соблазнится о Мне!”.

Пророк Осия замечательно выразил это в конце своей книги: “Кто мудр, чтобы разуметь это?.. Ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них”.

¹ Запечатанное откровение при учениках Моих (лат.).

575. Образность. — Алчность, как ничто другое, сходствует с милосердием и, как ничто другое, противоположна ему. Вот почему иудеи, владевшие множеством благ, которые услаждали их алчность, так соответствовали христианам и были им так противоположны. Именно поэтому они обладали двумя необходимейшими свойствами: так соответствовали Мессии, что как бы представляли Его, и были так противоположны Ему, что свидетельства их не вызывали сомнения.

576. Образность. — Господь, избрав Своим оружием вождения иудеев, тем самым заставил этих людей служить Иисусу Христу [исцелявшему от вождений].

577. Плотские иудеи не понимали ни величия, ни унижения Мессии, предсказанного их пророками. Они не распознали Его во всем Его величии, когда Он говорил, что Мессия, хотя и сын Давидов, будет господином Давида, что был прежде, нежели Авраам, и видел Авраама; они не поверили в Его вековечное величие. Не распознали они Мессию ни в унижении Его, ни в смерти. “Мессия пребывает вовек, — говорили они, — этот же говорит, что вознесену быть Сыну Человеческому”. Итак, они не

поверили Ему, ни смертному, ни бессмертному: они искали в Нем одно только плотское величие.

578. Ослепление Священным Писанием. — “Священное Писание гласит, — говорили иудеи, — что, когда Христос придет, никто не будет знать, откуда Он. Священное Писание гласит, что Христос пребудет вечно, а этот говорит, что умрет”.

Святой Иоанн говорит: “Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не верили в Него... Потому не могли веровать в Него, что, как сказал еще Исайя, народ этот ослепил глаза свои...”

579. Величие. — В христианской вере такое величие, что по справедливости отлучены от нее те люди, которые не дают себе труда искать пути к ней, если поначалу этот путь скрыт от них. И смеют ли они роптать, если кто ищет, тот обрящет?

580. Избранным все идет во благо, даже темноты в Священном Писании, потому что они почитают эти темноты из-за Божественного света откровений. Ну, а другим все идет во зло, даже эти откровения, потому что они кощунственно хулят их из-за невнятных им темнот.

581. Обычное отношение мирян к Церкви: Господня воля одних ослепить и просветить других. — Ход событий доказал Божественное происхождение этих пророчеств, и, значит, ко всему остальному также надлежит относиться с полной верой. И вот каким с этой точки зрения представляется нам весь миропорядок.

Когда чудеса сотворения мира и всемирного потопа изгладились из памяти человечества, Господь ниспослал людям закон, и чудеса Моисея, и пророков, которые предсказывали события преходящие; дабы подготовить людские умы к чуду непреходящему, Он равно готовит и пророчества, и их свершение, но люди могут усомниться в них, а Господь желает, чтобы никаких сомнений ни у кого не было и т. д.

582. Света всегда довольно, чтобы просветить избранных, и темноты всегда довольно, чтобы вселить в них смирение. Темноты всегда довольно, чтобы ослепить отлученных, и света всегда довольно, чтобы осудить . и показать непростительность их вины. (Блаженный Августин, Монтень. “[Раймунд] Сабунд-ский”.)

Родословная Иисуса Христа помещена в Ветхом Завете среди такого множества никому не нужных родословных, что ее просто невозможно обнаружить. Если бы Моисей перечислил предков только Иисуса Христа, это было бы слишком заметно. Если бы он их совсем не назвал, это могло бы пройти незамеченным. Но, в общем, кто внимательно читает Ветхий Завет, тот обнаружит родословие Иисуса

Христа и там, где речь идет о Фамари, и в Книге Руфь и т. д.

Те, что приказывали совершать жертвоприношения, понимали их бесполезность, те, что вслух говорили о бесполезности жертвоприношений, продолжали их совершать.

Если бы Господь дозволил людям исповедовать лишь одну-единственную веру, она была бы слишком уж очевидна; но вдумайтесь в существующую ныне путаницу вероисповеданий — и вы сразу различите среди них веру истинную.

Основное положение: Моисей был наделен острым умом. Следовательно, руководствуясь он рассудком, Моисей не стал бы утверждать то, что с этим рассудком несовместно. -

Таким образом, все, что кажется явной слабостью, на деле оборачивается силой. Например: два родословия — апостола Матфея и апостола Луки. Разве же не очевидно, что тут не могло быть никакого сговора?

Милосердие — вот единственный предмет, которому посвящено Священное Писание

583. Образы. — Иудейский народ состарился, так и не расставшись с этими своими насквозь земными убеждениями: что Господь возлюбил Авраама, и его потомков, и потомство этих потомков; что поэтому Он их размножил, и отличил среди других

народов, и воспретил с оными народами смешиваться; что вывел их из Египта, где они томились в плену, осыпав при этом столь великими милостями; что наплатил их в пустыне манной небесной; что привел их в страну тучных земель; что даровал им царей и храм на диво благообразный, где они должны были приносить в жертву животных, дабы очиститься кровью этих жертв, и что, в довершение всего, обещал прислать им Мессию и сделать потом владыками всего земного мира, и предсказал время, когда обещанное пришествие свершится.

Мир состарился, так и не расставшись с этими плотскими заблуждениями, в предсказанный срок свершилось пришествие Иисуса Христа, но отнюдь не в ожидаемом ореоле славы, и они даже помыслить не могли, что это — Мессия. После Его смерти апостол Павел стал учить людей тому, что все это происходило с ними как образы, что царство Божие не во плоти, но в духе; что враги людей не вавилоняне, а собственные их страсти; что Господу угодно не святилище рукотворное, а возведенное в сердце чистом и смиренном; что обрезание плоти бесполезно, а надобно обрезание сердца; что Моисей не дал им хлеба небесного и т. д.

Но Господь, не желая открывать грядущие события народу, недостойному подобного знания, желая, однако, предсказать их, дабы внушить веру в них, со всей точностью предсказал время, когда они свершатся, иногда — прямыми словами, а зачастую в образных выражениях, чтобы любящие образы над ними задумались, а любящие воплощенное в этих образах Его узрели.

Те места в Священном Писании, где милосердие прямо не названо, — суть образные выражения. Все Священное Писание только милосердию и посвящено. А если оно прямо не названо, значит, перед нами его образное выражение. Ибо, поскольку цель — одна, если она не названа прямо, значит, дана в образе.

Господь разнообразит Свой проходящий красной нитью через все Священное Писание наказ о милосердии, дабы убогатить наше любопытство, всегда ищущее разнообразия, но, разнообразя, неизменно ведет к единственно нужному для нас. Ибо нужно для нас только одно, а мы любим разнообразие, и Господь с помощью разнообразия, ведущего к единой цели, дарует нам и то и другое.

Иудеи так любили образы и так ждали их воплощения, что не распознали действительных событий, этими образами воплощаемых, когда события и впрямь свершились в предсказанное время и в предсказанных обстоятельствах.

Раввины принимают за образ сосцы Жены и вообще все, что не выражает прямыми словами единственную признаваемую ими цель, а именно — бrenные блага. А христиане даже Евхаристию принимают за образ той Славы, к которой влекутся душой.

584. Иудеи, призванные покорять народы и царей, были рабами греха; христиане, чье призвание — служить и покорствовать, — чада свободы.

585. Не буквоеды. — Когда святой Петр и другие апостолы рассуждают о том, что следует отменить обрезание, а это значит — нарушить закон, установленный Господом, они не заглядывают при этом в книги пророков, они просто помнят о нисхождении Духа Святого и на необрезанных. По их здравому рассуждению, Господу угодны все, восприявшие Его Святой Дух, и нет нужды следовать букве закона. Они знают, что закон обретает свой конец в Святом Духе, и, значит, для восприявших Святой Дух обрезание не надобно.

586. Святой Павел сам говорит, что найдутся люди, которые вздумают запрещать браки, и сам же говорит коринфянам о браке, как бы ставя при этом ловушку. Ибо если какой-нибудь из пророков сказал одно, а святой Павел скажет потом другое, его начнут поносить за это.

587. Возражение. — Совершенно очевидно, что в Священном Писании далеко не все продиктовано Святым Духом. — Ответ. — Но там нет и ничего такого, что было бы во вред вере. — Возражение. — Но Церковь учит, что там все от Святого Духа. —

Ответ. — Мой ответ состоит из двух пунктов: во-первых. Церковь никогда этого не утверждала, а во-вторых, если бы и утверждала, ее правоту можно было бы доказать.

На свете множество людей с кривым умом.

Дионисий милосерден: он был на своем месте.

По-вашему, пророчества, которые приведены в Евангелии, для того дошли до нашего времени, чтобы внушить вам веру? Нет, для того, чтобы отстранить от нее вас.

588. Признайте же истинность этой веры, вопреки тому, что она так затемнена, что мы еле различаем исходящий от нее свет, вопреки даже тому, что вовсе не стремимся ее познать.

589. Дабы Мессия был признан добронравными и не признан злонравными, Господь пожелал предсказать Его пришествие именно так, как предсказал. Если бы обстоятельства этого пришествия были предсказаны со всей ясностью, не затемнилось бы зрение даже у самых злонравных. Но если бы и время было затемнено, затемнилось бы зрение и у добронравных, ибо сердечная их доброта не помогла бы понять им, что, скажем, закрытое “мем” означает шесть столетий. Но время пришествия было предсказано ясно, а обстоятельства — в образных выражениях.

Вот и получается, что, хотя время предсказано ясно, злонравные, считая, что обещанные блага — блага земные, сбиваются с толку, в отличие от добронравных. Ибо понимание того, каковы они, обещанные блага, полностью зависит от подсказки сердца, именующего благом все, что ему любезно, а понимание того, когда наступит предсказанное время, в подсказке сердца не нуждается. Так что ясное предсказание времени и затемненное — будущих благ вводит в обман только злонравных.

590. Время первого пришествия было предсказано, о времени второго ничего не ведомо, потому что первое должно было произойти прикровенно, а второе произойдет столь явно и в таком ореоле славы, что и враги не смогут закрыть на него глаза. Но так как Он должен был явиться в образе, окутанном безвестностью, и дабы Его узнали те, кто глубоко проник в смысл Священного Писания...

Бог сокровенный

591. Что говорят пророки об Иисусе Христе? Что Он, несомненно, станет Богом? Нет, что Он — Бог истинно сокровенный, что будет не признан, что мало кто поймет — да, это пришел Он, что станет камнем преткновения, о который многие споткнутся, и т. д. Так пусть больше не порицают нас за недостаточную ясность, ибо она входила в наши намерения.

Но, говорят иные, у пророков есть совсем темные выражения. — А иначе Иисус Христос не стал бы камнем преткновения, меж тем именно такова была цель пророков: Ехсаеса...¹

592. Моисей в начале своих поучений говорит о Троице, о первородном грехе, о Мессии. Давид, важнейший свидетель: царь, источающий доброту, способный прощать, великодушный, разумный, могущественный; он пророчествует, и вот чудо его сбывается, и всего не перечислить; будь он тщеславен, ему ничего не стоило бы объявить себя Мессией, ибо пророчества легче отнести к нему, нежели к Иисусу Христу. То же самое относится и к Иоанну Крестителю.

593. Ирод верил в пришествие Мессии. Он отнял скипетр у Иуды, но сам был не из колена Иудина. И тогда появилась новая большая секта. Мессией иудеи признали Бар-Кохбу и еще некоего имярек. И слухи об этом шли в те времена повсюду: Светоний, Тацит, Иосиф Флавий. — А мог ли вообще существовать этот Мессия, с чьей помощью Иуда должен был навеки сохранить скипетр, но с чьим приходом должен был его утратить? Лучшего способа сделать зрячих незрячими и слышащих неслышающими просто быть не могло. — Проклятие, которому предают иудеи тех, кто всю историю делит на три эпохи.

594. “Homo existens, te Deum facis”. “Scriptum est: Dii estis, et non potest solvi Scriptura”. “Haec infirmitas
¹ Да не узрят... (лат.)

non est ad mortem”. “Lazarus dormit”. “Et deinde dixit: Lazarus mortuus est”¹.

595. Мыслимо ли не благоговеть перед человеком, если он предсказывает события, которые сбываются, прямо заявляет о своем намерении ослеплять и просветлять и перемежает темнотами понятные речи о том, что затем сбывается?

Почему Господь пожелал остаться сокровенным

596. Господу угоднее править нашей волей, нежели нашим умом. Полная ясность идет на пользу уму и во вред воле. Принизить гордычку.

597. Люди ухитряются даже истину превращать в кумир, меж тем истина, отделенная от милосердия, не Бог, а лишь Его подобие, кумир, который не заслуживает ни любви, ни поклонения; впрочем, еще меньше заслуживает любви и поклонения противоположность истины, то есть ложь.

Я искренно могу любить полную темноту, но, если Господь ввергает меня в полутьму, эта неполная темнота мне всегда не по нраву, я не вижу в ней достоинств полной темноты, и потому она мне не нравится. Это плохо, это знак того, что темноту я превращаю в кумир и тем самым восстаю против установленного Господом порядка. А наш долг — преклоняться перед порядком, установленным Самим Господом.

598. О том, что Господь пожелал остаться Богом сокровенным. — Если бы на свете существовало только одно вероисповедание, Бог¹ открыто являл бы Себя в нем. Точно так же, как если бы мучениками были одни христиане.

¹ “Будучи человек, делаешь Себя Богом”. “Написано в законе: вы боги, и не может нарушиться Писание”. “Эта болезнь не к смерти”. “Лазарь уснул”.

“Тогда сказал им прямо: Лазарь умер” (лат.).

Итак, Господь Бог сокрыт от людей, и любое вероисповедание, которое умалчивает об этом, не зиждется на истине, и любое вероисповедание, которое не объясняет людям, почему Он сокрыт, не способно их просветить. Христианское вероисповедание ни о чем не умалчивает и все объясняет: Vere, tu es Deus absconditus¹.

599. Если бы человека не окружала такая тьма, он не чувствовал бы всей своей порочности, если бы в этой тьме совсем не было света, он не надеялся бы на очищение. Поэтому не только справедливо, но и полезно для всех нас, что Господь отчасти сокрыт, отчасти открыт, ибо для человека равно опасно познать Бога, не познав горестного своего ничтожества, и познать горестное свое ничтожество, не познав Бога.

¹ Поистине, Ты — Бог сокровенный (лат.).

Глава II. НОВЫЙ ЗАВЕТ. ИИСУС ХРИСТОС

Введение. Иисус Христос Богочеловек, средоточие сущего

600. Вот поэтому я и отвергаю все другие вероучения. Вот благодаря этому я нахожу ответ на все возражения.

И как справедливо, что Господь, исполненный такой чистоты, открывается только людям, очистившим свои сердца!

Вот поэтому христианство так для меня притягательно: его учение о нравственности столь возвышенно, что оно одно уже придает ему в моих глазах силу закона, но я вижу в нем и Другое важнейшее.

Я вижу, что с незапамятных времен существует на земле народ, древнейший из всех, когда-либо существовавших; множество раз людям было возвещено, что все они погрязнут в пороках, но в свой час к ним явится Икупитель; целый народ предсказывает Его пришествие, целый народ поклоняется Ему потом: это утверждает не какой-то отдельный человек, а множество людей, это предсказывает целый народ, ради этого и существующий на земле вот уже четыре тысячи лет. Их книги вот уже четыреста лет как рассеяны по всему миру. Чем больше я в них вчитываюсь, тем больше нахожу там истин: то, что предшествовало, и то, что последовало, и эта синагога, предсказавшая Его явление, и, наконец, сам этот народ, не имеющий ни кумиров, ни царя, погруженный в горестное ничтожество, не имеющий пророков, но синагогу посещающий, народ, который, будучи враждебен пророкам, предстает перед нами несравненным свидетелем правдивости помянутых пророчеств, где уже все сказано и о его горестном ничтоестве, и даже о его ослеплении.

Я вижу эту цепь событий, эту веру, отмеченную печатью Бога в своей непрерывности, долговременности, непрерывности, в нравственных своих основах, в том, как она воплощается в жизнь, чему учит, в том, чего уже достигла; и этот наводящий ужас и предсказанный мрак, в который погружены иудеи: *Ens palps in meridie*¹. *Dabitur liber scienti litteras et dicet: "Non possum legere"*²; скипетр еще крепко держит первый чужеземный захватчик, слух о пришествии Иисуса Христа.

И я протягиваю руку к моему Спасителю, чье пришествие предсказывали в течение четырех тысяч лет, и Он снизошел на землю, дабы в предсказанное время и в предсказанных обстоятельствах принять мученическую смерть за меня, и теперь я, искупленный Его милосердием, спокойно ожидаю часа смерти в надежде на вековечное воссоединение с Ним, живу и радуюсь, дарует ли Он мне в щедрости Своей блага или, ради моего блага, посылает недолгу, научив Своим примером терпеливо ее сносить.

601. Исток противоречий. — Бог, униженный так глубоко, что приемлет смерть на кресте; Мессия торжествующий, смертью смерть попирающий. Две сути Иисуса Христа, два пришествия, две сути человеческой натуры:

602. Они кощунственно говорят о том, чего не ведают. Христианское вероучение зиждется на двух основных положениях, и людям равно необходимо знать оба и равно опасно не знать то или другое, и равно

¹ Ты будешь ошупью ходить в полдень (лат.).

² Подают умеющему читать книгу, и тот отвечает: "Не умею читать" (лат.).

безгранично милосердие Господа, отметившего оба Своею печатью.

И тем не менее они берут на себя смелость утверждать, будто эти положения не взаимосвязаны. Мудрецов, утверждавших, что Бог Един, преследовали, иудеев ненавидели, а о христианах и говорить не приходится.

В свете здравого смысла они понимали, что, если на земле существует вероучение, содержащее истину, оно должно стать центром всех земных устремлений, направленных к

единственной цели — утверждению и возвеличиванию христианства; людские сердца должны полниться чувствами, согласными с тем, чему оно учит нас, и, наконец, что оно должно до такой степени стать целью и средоточием всех наших помыслов, дабы постигший его основы мог постичь и суть человеческой природы в частности, и весь ход миропорядка в целом.

И, ссылаясь на это, они дерзают кощунственно поносить христианское вероучение, хотя совсем не разбираются в нем⁴. Эти люди мнят, будто оно целиком сводится к поклонению Богу, которому приписывают величие, могущество и вековечность; меж тем, будь это на самом деле так, христианство совпадало бы с деизмом, а оно почти так же далеко от него, как от атеизма, являющего собой полную противоположность нашей вере.

Тем не менее они, исходя из своей неверной посылки, делают вывод, что в христианстве не содержится истины, ибо попросту не понимают того главного, о чем свидетельствует все, нас окружающее: Господь Бог никогда не являет. Себя людям с той очевидностью, с какою мог бы явить.

Но пусть себе делают любые выпады против деизма — они при этом никак не задевают христианского вероучения, вещающего о таинстве пришествия Искупителя, который, совмещая в Себе суть смертного человека и Божественную суть, освободил людей от бремени первородного греха и в Божественном Своем образе примирил с ними Бога.

Итак, христианство учит нас одновременно двум истинам: первая гласит, что существует Бог, которому люди способны причаститься, вторая — что, опороченные первородным грехом, они этого недостойны. Каждому человеку насущно важно познать обе эти истины, равно как опасно, познав Бога, не познать собственного своего горестного ничтожества или, познав все свое ничтожество, не познать Искупителя, который может даровать ему исцеление. Первая из этих истин, не сопровождаемая второй, порождает гордыню, свойственную философам, познавшим Бога, но не ведающим своего ничтожества, вторая без первой порождает отчаянье, свойственное безбожникам, ведающим свое ничтожество, но не познавшим Искупителя.

И так как человеку равно необходимо познать обе истины, милосердие Господне равно позволяет открыть ему глаза на ту и другую. Этим и занято христианское вероучение, в этом и заключена его суть.

Обдумайте с этой точки зрения миропорядок, и вы поймете, что он сводится к утверждению главнейших идей нашей веры: Иисус Христос — цель и средоточие всего сущего. Кто познал это, познал причину причин.

Заблуждающиеся лишь потому заблуждаются, что им неведома одна из этих двух истин. Ибо можно познать Бога, не познав при этом собственного своего горестного ничтожества, можно познать свое ничтожество, не познав при этом Бога, но невозможно познать Иисуса Христа, не познав при этом и Бога, и горестное свое ничтожество.

Вот почему я и не стану доказывать здесь, опираясь на доводы, почерпнутые в мире природы, что Господь Бог, Троица, бессмертие души истинно существуют, — ничего такого я здесь доказывать не стану, и не только в силу недостаточности моих знаний для подыскания доводов, способных переубедить закоренелых безбожников, но и в силу полной бесполезности и бесплодности оных знаний, если человек не познал Иисуса Христа. И пусть он твердо уверен, что числовые пропорции суть истины нематериальные, вечные и зависящие от основополагающей истины, содержащей их в себе и именуемой Богом, я все же никак не могу счесть этого человека далеко продвинувшимся по пути к спасению своей души.

Бог христиан — отнюдь не только Создатель геометрических истин и природных стихий; такие рассуждения подобают язычникам и эпикурейцам. Он не только Бог, властный над жизнью и благосостоянием людей, дарующий вереницу счастливых лет тем, кто Ему поклоняется; такие рассуждения — удел иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан — это Бог любви и утешения; Бог, преисполняющий Собою сердца

и души тех, кем Он владеет; Бог, побуждающий их всем существом почувствовать свое низменное ничтожество и все Его возвышенное, безграничное милосердие; сочетающийся с ними в глубине их душ; наполняющий эти души смирением, радостью, доверием, любовью; все их стремления сливающий в одно-единственное — в стремление к Нему.

Кто ищет Бога вне Иисуса Христа и ограничивает свои поиски одной лишь природой, тот либо не находит даже проблеска света, который помог бы ему в этих поисках, либо выдумывает свой собственный способ познания Бога и служения Ему без Посредника, тем самым обрекая себя на безбожие или почти столь же отвратительный христианскому вероучению деизм.

Без Иисуса Христа земной мир перестал бы существовать, потому что был бы обречен уничтожению или уподобился бы аду.

Если бы земной мир существовал, чтобы свидетельствовать людям о Боге, все вокруг источало бы зримое сияние Его Божественного величия, но, так как он существует лишь радением Иисуса Христа и ради Иисуса Христа, ради того, чтобы свидетельствовать людям об их греховности, равно как об искуплении этой греховности, все вокруг носит бьющую в глаза печать этих двух истин.

Все вокруг, не являясь прямым подтверждением или отрицанием бытия Божия, тем не менее внятно вещает, что Он есть, но желает Себя сокрыть. Все свидетельствует об этом.

Найдется ли на свете хоть один-единственный человек, который, познав природу, не познал бы одновременно горестного своего ничтожества? И разве единственно лишь тот, кто познал ее, единственно несчастен в этом мире? Человеку не должно совсем ничего не видеть, не должно ему и видеть так много, чтобы он вообразил, будто теперь всем овладел; ему должно видеть ровно столько, чтобы понять — он все утратил, должно видеть и не видеть; именно такова ныне природа...

Но какой бы точки зрения он ни придерживался, я не оставлю его в покое.

603. Итак, все вокруг свидетельствует о нынешнем положении человека, но свидетельство это требует правильного понимания, ибо равно неверно и то, что все вокруг являет ему Бога, и то, что все скрывает Его. Правильно одновременно и то и другое, правильно, что Бог скрывает Себя от тех, кто пытается Его искушать, и открывает Себя тем, кто Его ищет, потому что люди одновременно и недостойны Господа, и способны Ему причаститься: недостойны из-за нынешней своей греховности, способны благодаря первоначальной своей природе.

604. Какой вывод мы можем сделать из нашего вечного блуждания в потемках, кроме одного-единственного: мы недостойны?

605. Кто решается утверждать, что все люди слишком мелки для причащения Богу, тот обладает поистине великим самомнением.

606. Если бы Господь Бог никогда и ни в чем не являл Себя, вывод из этого вековечного Его неприсутствия можно было бы сделать двоякий: либо что Божества не существует вообще, либо что люди недостойны Его познать. Но так как Он то являет Себя, то скрывает, вывод из этого может быть только один. Если Господь Бог явил Себя хотя бы раз, значит, Он был, есть и пребудет во веки веков, из чего следует, что люди недостойны своего Творца.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРИШЕСТВИЯ ИИСУСА ХРИСТА

1. Исполнение пророчеств и особенности этих пророчеств

607. Иисус Христос не желал, чтобы о Нем свидетельствовали нечистые духи или те люди, на которых не лежала печать избранничества. Его свидетелями были только Господь Бог и Иоанн Креститель.

608. Наказ о милосердии никак нельзя считать неким иносказательным, образным предписанием. Говорить, что Иисус Христос, Чье пришествие означало замену образов истиной, пришел, дабы существовавшее прежде милосердие заменить лишь его образом, — говорить так попросту чудовищно; “если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?”

609. Пророки предсказывали, но не были предсказаны. Святые, что явились потом, были предсказаны, но не предсказывали. Иисус Христос был предсказан и предсказывал.

610. Иисус Христос, явленный в образе Иосифа: невинный, любимец своего отца, отправленный отцом на свидание с братьями, проданный ими за двадцать сребренников и ставший благодаря этому их господином, их спасителем, и спасителем многих иноплеменников, и спасителем всего мира; ничего подобного не случилось бы, когда бы не замысел его погубить, не продажа в рабство, не осуждение за подобный поступок.

В темнице неповинный Иосиф меж двух преступников; Иисус Христос на кресте меж двух разбойников. Иосиф предсказывает одному преступнику спасение, другому — смерть, хотя судьба их как будто во всем сходствует. Иисус Христос спасает избранных и проклинает отверженных, хотя те и другие совершили одинаковые преступления. Иосиф только предсказывает, но ничего не свершает, Иисус Христос свершает. Иосиф просит у того, кто спасется: пусть в дни своей славы вспомнит о нем, а разбойник, спасенный Иисусом Христом, просит у Него: пусть не забудет о нем, когда придет в царство Свое.

611. Когда после многих, ему предшествовавших, свершилось наконец пришествие Иисуса Христа, Он сказал: “Вот, Я пришел, и время исполнилось. Предсказанное пророками свершится в ходе времен, и говорю вам, Мои апостолы это свершат. Иудеев постигнет кара, Иерусалим будет вскоре разрушен, а язычники познают Бога. Мои апостолы свершат это после того, как наследник виноградника будет вами убит”.

И потом апостолы сказали иудеям: “Вы будете прокляты”, и язычникам: “Вы познаете Бога”. Так оно и произошло. (Цельс издевался над этим.)

612. Во время пришествия Мессии. — Aenigmatis¹, Иезекииль XVII. Его предтеча, Малахия III. Родится младенец, Исайя IX. Он родится в городе Вифлееме, Михей V. Всего чаще Он будет пребывать в Иерусалиме, а произойдет из колена Иудина и Давидова.

Он сомкнет глаза пророкам и закроет головы прозорливцам, Исайя VI, VIII, XXIX и т. д., и будет благовествовать Евангелие нищим и малым сим, Исайя XXIX; вернет зрение слепым, исцелит сокрушенных сердцем и выведет узников из темницы, Исайя LXI.

Он наставит на путь праведный и даст Свой Завет, во свет для язычников, Исайя LV, XLII, 1—7.

Пророчества должны быть сокрыты и запечатаны для нечестивых, Даниил XII, Осия, глава поел., 10, но

¹ Загадка (лат.).

вняты для разумеющих. Пророчества, говорящие о нищете Его, говорят, что Он — царь народов.

Исайя LI, 14 и т. д., LIII; Захария IX, 9. Пророчества, предсказывающие Мессию, являют Его лишь как вождя язычников, лишь страждущим, но не воспаряющим к небесам,

не судией. А те, что являют вот в таком облике — Творящего суд и пребывающего в славе Своей, — ничего не говорят о времени пришествия.

Что Он должен стать жертвой во искупление грехов рода человеческого, Исайя XXXIX, LIII и т. д. Он должен лечь в основание камнем краеугольным, драгоценным, Исайя XXVIII, 16. Он должен стать камнем преткновения и скалою соблазна, Исайя VIII. Иерусалим должен споткнуться об этот камень. Строители должны отвергнуть этот камень, но Господь положит его во главу угла. Псалом CXVII, 22. И камень этот должен разрастись и сделаться великою горою и наполнить всю землю, Даниила II.

Что вот так он будет отвержен, предан, Псалом CVIII; продан, Захария XI, 12; оплеван, обещен пощечинами, осмеян, безмерно унижен, голод Его утолен желчью, Псалом LXVIII; грудь пронзена стрелами, Захария XII; ноги и руки пригвождены, Он убит, об одежде Его бросают жребий.

Что Он воскреснет, Псалом XV; на третий день, Осия VI, 3. Что Он вознесется на небо, дабы воссесть одесную Отца, Псалом CIX. Что цари ополчатся на Него, Псалом II. Что, воссев одесную Отца, Он одержит победу над врагами Своими. Что земные владыки и все народы будут поклоняться Ему, Исайя LX.

Что иудеи будут и далее существовать как народ, Иеремия XXXI. Что они будут блуждать по земле, и не будет у них царя и т. д., Осия III; не будет пророков, Амос [III], ожидая спасения и не обретая его, Исайя LIX.

Обращение язычников Иисусом Христом, Исайя LII, 15; LV, 5; LX и т. д.; Псалом LXXXI — Осия

1, 9—10: “...Вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом. Но будет число сынов Израилевых как песок морской, которого нельзя ни измерить, ни исчислить; и там, где говорили им: “вы не Мой народ”, будут говорить им: “вы сыны Бога живого”.

613. Пророчества. — Что иудеи отвергают Иисуса Христа и будут отвергнуты Господом Богом, подобно благородной лозе, которая приносит кислый виноград. Что избранный народ будет непослушен, неблагодарен и упорен (*populum non credentem et contradicentem*¹). Что Господь покарает иудеев слепотой и что среди бела дня они будут ходить ощупью, как слепые. Что перед Его пришествием явится предтеча.

614. Что тогда покончено будет с идолопоклонством, что этот Мессия повергнет в прах идолов и внушит людям благоговейную любовь к истинному Богу. Что будут повергнуты в прах капища, где поклонялись идолам, и все народы во всех концах земли будут приносить Ему в жертву не животных, а чистейшую гостию. Что Он станет царем иудеев и язычников. И вот этот царь иудеев и язычников, угнетаемый, обреченный теми и другими на смерть, становится владыкой тех и других и уничтожает поклонение Моисею в Иерусалиме, средоточии одного поклонения, превратив этот город в первую Свою Церковь, и уничтожает поклонение идолам в Риме, средоточии одного поклонения, превратив этот город в главенствующую Свою Церковь.

615. Предсказания. — Было предсказано, что, когда наступит время и. придет Мессия, Он заключит новый союз и уже не будут говорить об исходе из Египта, Иеремия XXIII, 5; Исайя XLIII, 16. И завет Свой Он запечатлеет не снаружи, но напишет на сердцах людей. И страх перед Ним, который существовал лишь снаружи, вложит в их сердца. Возможно ли не понять, что это и есть закон, лежащий в основе христианского вероучения?

¹ Народу непослушному и упорному (*лат.*).

616. Что Он научит людей стезям Своим. И никогда, ни до, ни после Него, не существовало человека, который учил бы истинам столь Божественным.

617. Что тогда “уже не будут учить друг друга, брат — брата и говорить: познайте Господа, ибо все сами будут знать Меня...” [Иеремия XXXI, 34] — “и будут пророчествовать сыны ваши...” [Иоиль II, 28] — “Но вот завет... закон Мой... на сердцах их напишу...” [Иеремия XXXI, 33].

Все это сводится к одному и тому же. Пророчествовать — это означает говорить о Господе, исходя не из внешних доказательств, а из внутреннего сиюминутного чувства.

618. Transfixerunt¹, Захария XII, 10. Что придет Освободитель, который сокрушит главу дьяволу и избавит Свой народ от всех беззаконий его, omnibus iniquitatibus²; что Господь даст тогда людям Новый Завет, и он пребудет вечно; что даст Он тогда людям новое священство, по чину Мелхиседека, и оно пребудет вечно; что явится Иисус Христос, преисполненный славы, могущества, силы, но и безмерного унижения, поэтому люди не признают Его; что не поймут, кто Он есть; что Его отвергнут, что Его убьют; что Его народ, от Него отказавшийся, перестанет быть Его народом; что идолопоклонники примут Его и станут искать у Него помощи; что Он покинет Сион и воцарится там, где было средоточие идолопоклонства; что тем не менее народ иудейский будет существовать всегда; что должно было сохраниться племя Иуды, но царя у этого племени больше никогда не было.

619. Образы. — Спаситель, Отец, Жертвоприноситель, Гостия, Пища, Царь, Премудрый, Законодатель, Униженный, Нищий, Он должен был сотворить народ, и повести его за Собой, и напитать, и ввести во владения Свои...

¹ Пронзили (лат.).

² От всех беззаконий (лат.).

Иисус Христос. Служение. — Он, Он один должен был сотворить народ, великий числом, праведный, святой, избранный, и стать его Вожатым, и напитать, и привести в место покойное и святое; сделать его святым и во взорах Господа, превратить его в храм Господень, примирить с Господом, отвратить от него гнев Господа, освободить от порабощения грехом, столь явно владеющего человеками; дать законы этому народу, запечатлеть их в его сердце, предложить Господу Себя вместо них, принести Себя в жертву вместо них, стать и незапятнанной Гостией, и Жертвоприносителем; ведая, что Сам принесет в жертву Свою плоть и кровь, предложить Господу в жертву хлеб и вино.

Ingrediens mundum¹. “Камня на камне”, Все, что предшествовало, все, что последовало. Иудеи, существующие и лишенные, пристанища по сей день.

2. Он сотворил чудеса

620. Иисус Христос сотворял чудеса, и вслед за Ним их сотворяли апостолы и первые святые, и в великом множестве, и было так потому, что пророчества еще не сбылись, а только сбывались, воплотить в жизнь их должны были, Христос, апостолы и святые, и, значит, свидетельствовать могли одни лишь чудеса. Было предсказано, что Мессия обратит в истинную веру целые народы. Разве сбылось бы это пророчество, если бы целые народы не обратились в истинную веру? И разве народы уверовали бы в Мессию, если бы не узрели воочию свидетельств, доказывающих истинность того, что предсказано пророками? Итак, до Его смерти, воскресения и приятия целыми народами истинной веры ничего еще не свершилось, и потому в те времена чудеса были необходимы. Теперь они в качестве доказательств, свидетельствующих против утверждений иудеев, уже не

¹ Входя в мир (лат.).

нужны, ибо ныне существует величайшее чудо — сбывшиеся пророчества.

621. В свое время пророчества были двусмысленны; ныне никакой двусмысленности в них нет.

622. Чудо со слепорожденным.

О чем говорит святой Павел? Говорит ли он о связи пророчеств с сиюминутным? Нет, но о чуде, которое Он Собою являет. О чем говорит Иисус Христос? Об исполнении пророчеств? Нет, Его смерть не воплотила их; но Он говорит: si non fecissem¹. Веруйте в деяния.

623. Иисус Христос сказал, что Писания свидетельствуют о Нем, но не сказал, что это за свидетельства.

Даже пророчества не могли свидетельствовать пришествие Мессии, пока Иисус Христос был жив, поэтому не были бы виновны те, что не уверовали в Него до Его смерти, если бы, независимо от учения, не было такого доказательства, как чудеса. Следовательно, не уверовавшие в Него, когда Он был жив, совершили грех, как говорит Он сам, и этот грех непрощителен. Итак, должно было быть очевидное доказательство, которое они отвергли. Но Писания у них не было, значит, речь может идти только о чудесах: следовательно, если нет противоречия Писанию, довольно того, что есть чудеса, и мы должны им верить.

Иоанн VII, 40: Несогласия между иудеями, как в наше время между христианами. Одни верили в Иисуса Христа, другие не верили из-за пророчеств, гласивших, что Он родится в Вифлееме. Им следовало бы проникнуться большим недоверием, если бы таких слов не было. Ибо свершенные Им чудеса были столь убедительны, что всем не уверовавшим надлежало глубже вникнуть в мнимые противоречия между учением Иисуса Христа и Писанием; меж тем существующие темноты ослепили их и, значит, не могут служить оправданием их неверия.

¹ Если бы Я не сотворил (лат.).

Точно так же, как нет оправдания и тем людям, которые, ссылаясь на мнимые, из пальца высосанные противоречия, отказываются и сегодня верить в свершенные Иисусом Христом чудеса.

Народ, видя творимые Им чудеса, уверовал в Него, и тогда фарисеи сказали: “Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он. Из Галилеи не приходит пророк”. Никодим сказал им: “Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?”

624. Если бы не чудеса, творимые Иисусом Христом, неверие в Него нельзя было бы считать грехом.

625. Только существование чудес в этом мире и превратило меня в истинного христианина, говорит Блаженный Августин.

626. Нет таких разумных оснований, которые позволили бы опровергнуть существование чудес.

627. Истинность того, что Он — Мессия, Иисус Христос всегда подтверждал не ссылками на Священное Писание или пророчества, а только творимыми Им чудесами.

Он доказывает Свою власть прощать грехи свершением чуда.

“Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах”.

Если они не верят Моисею, то не поверят и воскресшему из мертвых.

Никодим признает, что учение Того, Кто свершил такие чудеса, — от Бога: *Schnus quia venisti a Deo ma-gister; nemo enim potest haec signa facere quae ti facis nisi Deus fuerit cum eo*¹. Он судит не чудеса по вероучению, а вероучение по чудесам.

¹ Мы знаем, что Ты — учитель, пришедший от Бога: ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог (лат.).

Вероучение иудеев о Боге, подобно нашему вероучению об Иисусе Христе, подтверждено чудесами, и оно также содержит запрет верить всем вершителям чудес без разбору, более того, верующие обязаны в таких случаях обращаться к первосвященникам и беспрекословно им повиноваться.

Так что те основания, по которым мы отказываемся верить вершителям чудес, были и у них, когда они отказывались верить своим пророкам. Тем не менее они тяжко провинились, не поверив пророкам, творившим чудеса, и не поверив Иисусу Христу, а вот если бы они воочию не видели сотворенных чудес, то не было бы на них этой вины: “*Nisi fecissem... peccatum non haberent*”¹. Итак, всякая вера зиждется на чуде.

Пророчество нельзя назвать чудом, подобным тем свершенным Иисусом Христом чудесам, о которых говорит святой Иоанн: первым таким чудом он называет чудо в Кане, потом — слова Иисуса Христа самарянке, открывающие всю ее тайную жизнь, потом — исцеление сына царедворца, которое святой Иоанн именует вторым чудом.

628. Иоанн VI, 26: “Non quia vidistis signa, sed quia saturati estis”². Одни следуют за Иисусом Христом, ибо видели творимые Им чудеса и почитают в Нем Его всемогущество, в оных чудесах явленное, а другие только делают вид, будто следуют за Ним из-за чудес, Им сотворенных, а на самом же деле просто жаждут, чтобы Он их утешил и осыпал мирскими благами, поэтому, когда Его чудеса им приходится не по нраву, они начинают на все лады их поносить.

629. Утверждение, что любить следует одного лишь Господа Бога, до того самоочевидно, что для его доказательства не требуется никаких чудес.

¹ Если бы Я не сотворил... то не имели бы греха (лат.).

² Не потому, что видели чудеса, но потому, что насытились (лат.).

3. Замалчивания Иисуса Христа. Таинство Евхаристии

630. О молчании, которое хранят Иосиф, Тацит и другие историки об Иисусе Христе, — Это отнюдь не довод против Него, как раз наоборот, это довод за Него. Ибо бесспорно, что Иисус Христос существовал, что Его вероучение было широко известно, что все упомянутые историки знали об этом, из чего следует, что умалчивали они о Нем сознательно, ну, а если говорили, то все сказанное ими было или уничтожено, или изменено до неузнаваемости.

631. Иисус Христос в тени безвестности (в людском понимании слова “безвестность”) столь полной, что историки, писавшие о событиях государственной важности, едва упоминают о Нем.

632. Почему Иисус Христос по пришествии Своем не явил истинную Свою суть, а доказывал ее ссылками на давние пророчества? Почему пожелал Он, чтобы пророчества эти были облечены в образные иносказания?

633. Иисус Христос, дабы не прозрели погрязшие в пороках, обходит молчанием и что Он родом не из Назарета, и что Он — не сын Иосифа.

634. Церкви в равной мере трудно было доказать и то, что Иисус Христос — человек, опровергнув доводы несогласных с этим, и то, что Он — Бог, хотя знаками, подтверждающими и то и другое, она располагала в изобилии.

635. Иудеи, стараясь проверить, воистину ли Он — Бог, доказали, что Он — человек.

636. Существовал ли хоть когда-нибудь на свете человек, окруженный такой славой? Весь народ иудейский предсказывает Его грядущее пришествие. Ему поклоняется языческий народ, когда это пришествие свершилось. Оба народа, иудейский и языческий, взирают на Него как на средоточие своего бытия.

И при этом существовал ли хоть когда-нибудь на свете человек, который извлек из такой славы так мало радости? Тридцать лет из тридцати трех Он живет, держась в тени. Последние три года люди клеймят Его самозванцем, жрецы и власть предержащие отовсюду гонят, друзья и близкие презирают. И вот Он приемлет смерть: один из учеников предает Его, другой от Него отрекается, все уходят.

Чем же все-таки Его одарила слава? Никогда и ни у кого она не была так велика, никогда и никому она не приносила таких унижений. Вся эта слава пошла на пользу только нам, открыв глаза на Него, а Ему она была не нужна.

637. Если бы Иисус Христос сошел к людям лишь для того, чтобы освятить их Собою, об этом гласило бы все Священное Писание и все сущее, и, следовательно, переубедить неверных не составляло бы никакого труда. Если бы Иисус Христос сошел к людям лишь для того, чтобы их ослепить, Его поведение отличалось бы противоречивостью, и у нас не было бы никакой возможности переубедить неверных. Но Он сошел к людям *in sanctificationem et in scandalum*¹, как говорит Исая, поэтому и мы, и неверные равно не можем друг друга переубедить; тем не менее именно поэтому мы их переубеждаем, ибо прямо говорим, что подобным Своим поведением Он не дает решающих доводов ни той, ни другой стороне.

638. Как Иисус Христос был затерян среди людских скопищ, так Его истина теряется среди всяческих расхожих истин, ибо нет у нее никаких бросающихся в глаза внешних отличий. Как нет их у Евхаристии в сравнении с обычным хлебом.

639. Вся она — тело Христово, говорит он на присущем ему наречии, но и он не утверждает, что она — все тело Христово. Если два элемента, соединяясь, не изменяются, про них никак нельзя сказать, что один превращается в другой: например, душа, соединяясь с телом, огонь, соединяясь с деревом, не меняют своей

¹ Освящением и камнем преткновения (лат.).

сути. Форма одного элемента тогда только переходит в другую, когда происходит изменение; так оно и бывает, когда Слово соединяется с человеком. “Так как мое тело, лишенное моей души, уже не будет человеческим телом, то из этого следует сделать вывод, что моя душа, соединившись с любой материей, превратится в мое тело”. Он не делает различия между условием необходимым и условием достаточным: соединение — условие необходимое, но отнюдь не достаточное. Левая рука отлична от правой. Телам свойственна непроницаемость. Тожество *de numero*¹ требует и тождества материи. Следовательно, если Господь соединит мою душу с каким-нибудь телом в Китае, оно, тело, *idem numero*², будет находиться в Китае! Река, что течет здесь, *idem numero* той реке, что течет сейчас в Китае!

4. Иисус Христос, Искупитель всех человеков

640. Мы не способны постичь ни высшего блаженства, в котором пребывал Адам, ни сути первородного греха, ни нашей ему сопричастности, передаваемой из поколения в поколение. Все это произошло в мире, столь отличном от нашего нынешнего мира, что понять его нашим нынешним сознанием мы просто не можем. Да нам и бесполезно это знание, которое ничего не изменит в людском уделе; нам важно знать одно: мы горестно ничтожны, греховны, отторгнуты от Бога, но грехи наши искуплены Иисусом Христом: доказательствами этого изобилует наша земная юдоль. Доказательства и того, что мы греховны, и того, что грехи наши искуплены Иисусом Христом, дают нам, с одной стороны, безбожники, коснеющие в своем равнодушии

¹ Количественное (лат.).

² Количественно равное (лат.).

к христианской вере, с другой стороны, иудеи, ее заклятые враги.

641. В земной нашей жизни Он берет на Свои плечи любые тяготы, но отвергает наслаждения. Он любит ближних Своих, но, не ограничиваясь их кругом, изливает милосердие и на Своих врагов, и даже на врагов Бога.

642. Иисус Христос — для всех людей. Моисей — для одного-единственного народа.

Иудеи, благословенные в Аврааме: “Я благословляю благословляющих тебя”. Но: “И благословятся в семени твоём все народы земли”. *Parum est ut*¹.

*Lumen ad revelationem gentium*².

*Non fecit taliter omni nationi*³, говорил Давид, когда речь шла о законе. Но если речь идет об Иисусе Христе, следует сказать: *Fecit taliter omni nationi, parum est ut*⁴, и т.д., Исая. Лишь одному Иисусу Христу дано всемирное бытие. Даже Церковь приносит жертвы, радея лишь о верных своих; Иисус Христос, приняв смерть на кресте, принес Себя в жертву, радея о всех людях.

643. Утверждать, что “*omnes*” всегда означает “все без изъятия”, — значит впасть в ересь, точно так же, как утверждать противоположное. “*Bibite ex hoc omnes*”⁵ — гугеноты впадают в ересь, когда относят это ко всем без исключения.

*In quo omnes rescaverunt*⁶: гугеноты впадают в ересь, когда делают исключение для детей истинно верующих христиан. Вывод из этого: должно следовать отцам Церкви и сложившейся традиции, дабы сделать правильный вывод, потому что стоит отклониться в ту или

1 Мало того, что... (лат.)

2 Свет к просвещению язычников... (лат.)

3 Не сделал Он того никакому другому народу (лат.).

4 Сделал Он это всем народам. Мало того, что... (лат.)

5 “Пейте из нее все” (лат.).

6 В нем все согрешили (лат.).

другую сторону — и нам уже грозит опасность впасть в ересь.

644. Явные разноречия в Евангелиях.

645. Обряды искупления всех людских грехов — например, уподобление Его солнцу, которое восходит над всеми людьми, — обозначают именно всеобщность искупления, но составляющие этих образов вмещают в себя понятие исключений — например, иудеи — избранные, за исключением язычников; тем самым утверждается существование исключений.

“Иисус Христос — Икупитель грехов всех человеков”. — Да, потому что отдал Себя в жертву как человек, выкупающий всех, пожелавших прийти к Нему. Если кого-то из них в пути настигла смерть — что ж, это его беда; но то, что Он принес Себя в жертву во искупление их грехов, остается в силе. — Это рассуждение уместно в случае, когда тот, кто искупает грехи, и тот, кто предотвращает смерть, — два разных лица. Но к Иисусу Христу это не относится, ибо в Нем воплощены и тот и другой. — Нет, потому что если Он — Икупитель, то не может властвовать над всеми; таким образом, по самой Своей сути Он — Икупитель.

Говоря, что Иисус Христос принял смерть не за всех людей, вы поощряете порочное желание необдуманно сделать для каких-то людей исключение и тем самым ввергнуть их в отчаяние, вместо того чтобы развеять его и вселить надежду. Ибо соблюдение внешних установившихся обрядов помогает нам возвращать в себе внутренние добродетели.

646. Иисус Христос никогда не выносил приговора, не выслушав обвиняемого. Иуде: “Amice, ad quid venisti?”¹ Тот же вопрос человеку, который вошел не в брачной одежде.

647. Мир существует, чтобы вершилось милосердие и правосудие, словно люди — враги Господа, а не тво-

¹ “Друг, для чего ты пришел?” (лат.)

рения рук Его — творения, которым Он, по великой благодати Своей, дарует довольно света, чтобы нашли путь к Нему жаждущие найти Его и следовать за Ним, и строго карает, если они отказываются искать Его и следовать за Ним.

5. Что в мире свершило искупление. Благодать

648. Мы отвращаемся, лишь отвращаясь от милосердия.

Наши молитвы и добродетели равно мерзостны Господу, если они отличны от молитв и добродетелей Христовых. И не по милосердию Своему, а по справедливости будет судить Господь наши грехи, если они отличны от грехов Христовых. Иисус Христос взял на Себя наши грехи и соединил с Собою, ибо Ему свойственны добродетели и чужды грехи, а нам добродетели чужды, а грехи свойственны.

Изменим правилу, которого придерживались, судя о том, что для нас хорошо, а что плохо. До сих пор это правило диктовала нам наша собственная воля, впредь пусть диктует его воля Господня. Все, чего желает Он, справедливо и нам во благо, все, чего Он не желает, несправедливо и нам во вред.

Все, чего Господь не желает, запрещено. Грехи запрещены, ибо сказано было Господом, что никаких грехов Он не приемлет. Ну а то, на что Господь не наложил прямого запрета, считается поэтому дозволенным, хотя на самом деле отнюдь не всегда дозволено. Если Он отказывает нам в чем-либо и все обстоятельства говорят, что такова Его воля и нет Господнего соизволения даровать нам желаемое, оно для нас под запретом, ибо негодно Господу и, значит, греховно. Разница лишь в том, что наши грехи всегда

неугодны Господу, а желания — не всегда. Но при этом мы должны помнить: все, на что Господь наложил запрет, греховно, все, на что Он запрета не наложил, но и не дал Своего согласия, — дурно и несправедливо, ибо только воля Господня всегда исполнена добра и справедливости.

649. Победа над смертью. Что пользы человеку приобрести весь мир, “душу свою потерять”? “Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот ее теряет”.

“Не думайте, что Я пришел нарушить закон... не нарушить пришел Я, а исполнить”.

Англы не берут на себя грехи мира, но “вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира”.

“Не Моисей дал вам хлеб с неба”. “Не Моисей, а Сын освободит вас, и истинно свободными будете”.

650. Святость. — *Effundam spiritum meum*¹. Все народы жили в безверии, жили в похоти: вся земля возжаждала милосердия, владыки отказываются от величин своего, девы готовы принять мученическую смерть. Что дало им такую силу? Свершилось явление Мессии. Это и следствие, и знаки Его пришествия.

651. Тогда приходит к людям Иисус Христос и говорит им, что единственные их враги — это они сами; что преградой между ними и Господом стоят собственные их страсти; что Он пришел, дабы, уничтожив эти страсти, одарить людей благодатью и сотворить из всего их сообщества единую Святую Церковь; что Он пришел, дабы ввести в эту Церковь язычников и иудеев; что Он пришел, дабы разбить идолы одних, развеять лжеверу других.

Этому сопротивляются все люди, и дело тут не только в естественном противоборстве их вожделению; все земные владыки объединяются, как некогда было предсказано, чтобы общими усилиями задуть только что народившееся вероучение. Пророчество: “*Quare fremmerunt gentes... reges terrae... adversus Cristum*”². Объединяются все, кто хоть чем-нибудь прославлен на земле, — ученые, цари,

¹ Излию от Духа Моего (лат.).

² “Зачем мятутся народы... цари земли... против Помазанника Его” (лат.).

мудрецы. Одни пишут, другие выносят приговоры, третьи убивают. Но невзирая на подобное сопротивление, эти совсем простые, не наделенные никакой силой люди противостоят всем могучим владыкам, они даже одерживают победу над этими царями, над этими учеными, над этими мудрецами, и вот уже везде и всюду уничтожено идолопоклонство. И свершено это с помощью той силы, которая заранее все предсказала.

652. Один лишь Мессия благодатью Своей мог даровать язычникам обращение в истинную веру. Сколько ни бились иудеи, стараясь их обратить, язычники не поддавались; бесполезны были все уговоры Соломона и пророков. Не добились этого и такие мудрецы, как Платон и Сократ.

653. Благие порывы, жестокосердие; внешние обстоятельства.

654. Чтобы человек стал святым, на него должна снизойти Господня благодать, а кто в этом сомневается, тот не понимает, каким должен быть святой и каков на деле обыкновенный человек.

655. Да не взыщет с нас Господь за наши грехи, вернее сказать — за их плоды и следствия, а они ужасны, эти плоды и следствия даже самомалейших наших проступков, если взирать на них немилосердным оком.

656. Убить нас может что угодно, даже предмет, созданный для нашего удобства, — например, стена или лестница, если мы оступимся.

Любое движение отзывается на всей природе: море меняет свой облик из-за одного единственного брошенного в него камня. То же самое можно сказать и о благодати любой человеческий поступок отзывается на всех людях. Значит, в мире нет ничего несущественного.

Прежде чем совершить какой-то поступок, следует подумать не только об этом поступке, но и о нас самих, о нашем настоящем, прошлом, будущем, и о других людях,

которых коснется помянутый поступок, и постараться вникнуть во взаимосвязь всего этого. И тогда мы станем очень осмотрительны.

Молитва и заслуга

657. Утешьтесь: не от себя должно вам ее ожидать, напротив того, вам должно ожидать ее, ничего от себя не ожидая.

658. Иисус Христос пришел, дабы ослепить зорких и одарить зрением слепых, исцелить недужных и оставить на смертном одре здоровых, призвав к покаянию, простить грешников и оставить справедливых коснеть в грехах, наполнить дворы бедняков и оставить пустыми дворы богачей.

659. Для чего Господь установил молитву:

1. Для того, чтобы Его творения постигли, каким величием облечена связь причины со следствием;

2. Чтобы мы научились понимать, Кто одарил нас добродетелью;

3. Чтобы, не жалея усилий, старались заслужить и другие добродетели.

Но во имя Верховенства Своего Он дарует молитву по воле Своей.

Возражение: “Но все будут думать, что молитва исходит от самих молящихся”. — “А вот это уже нелепость: поскольку верить еще не значит быть добродетельным, то как же тогда уверовать? Разве не большее расстояние между безверием и верой, чем между верой и добродетелью?”

Заслуга: в этом слове есть некая двусмысленность: Meruit habere redemptorem¹. Meruit tarn sacra membra tan-gere². Digno tam sacra membra tangere³. Non sum dignus⁴. Qui manducat indignus⁵. Dignus est accipere⁶. Dignare me⁷.

¹ Заслужил искупление (лат.).

² Заслужил причащения столь священным членам (лат.). Достоин причащения столь священным членам (лат.).

⁴ Я не достоин (лат.).

⁵ Кто ест недостойно (лат.).

⁶ Достоин принять (лат.).

⁷ Помоги мне стать достойным (лат.).

Господь дарует только то, что обещал даровать. Он обещал по справедливости давать просящему, но дар молитвы обещал Он только детям обетования.

Блаженный Августин так прямо и сказал, что у праведного будет отнята сила. Но сказал он это случайно, ибо обстоятельства могли сложиться так, что подобный случай ему не представился бы. Но если исходить из руководящих его правил, становится ясно, что при случае он не мог этого не сказать или сказать нечто противоположное по смыслу. Следовательно, куда важнее сказать то, чего требуют данные обстоятельства, чем то, что в данных обстоятельствах пришлось к слову, в силу необходимости, а не благодаря случайности. Но сочетание необходимости и случая — о большем и просить нельзя.

660. Следствия in communi¹ и in particulari². Полупелагиане впадают в ересь, говоря об in communi то, что верно по отношению к in particulari, а кальвинисты — говоря об in particulari то, что верно по отношению к in communi, — так, по крайней мере, кажется мне.

Спасение души

661. “Со страхом и трепетом совершайте свое спасение”.

Не имеющие благодати: Petenti dabitur³.

Значит, в нашей власти молить о ней. Но Господь Бог против того. Он не участвует в этом, ибо молящий не обретает ее. Ибо молят не о спасении души, молят о даровании благодати, — молитва остается втуне.

Значит, праведный не должен был бы возлагать надежду на Бога, ибо не надеяться он должен, а, не жалея сил, стараться обрести то, о чем он просит!

¹ В общем (лат.).

² В частности (лат.).

³ Просящим дано будет (лат.).

662. Те, кто знают волю своего господина и не делают по воле его, биты будут много...

“Qui Justus est, justificetur ad huc”¹, потому что праведность дает ему силу. “И от всякого, кому дано было много, многое и потребуется”, потому что помощь, полученная им, дает ему силу.

663. Кем бы ни был человек, пусть он даже и мученик, ему должно страшиться — так гласит Евангелие. Страшнейшая из всех мук Чистилища — неведение Вышнего приговора. *Deus absconditus*².

664. Итак, сделаем из этого вывод: хотя людям больше не присуща эта сила, Господь не желает, чтобы из-за этого они отпали от Него, и потому они не отпадают, но только с помощью сей неотразимой силы.

Итак, тем, кто отпадает от Господа, не дана эта неотразимая сила не отпасть от Него, а тем, кто не отпадает, она дарована. Итак, пребывавшие в молитве все то время, пока сия неотразимая сила была с ними, перестают молиться, когда она их покидает.

И в этом смысле Господь действительно первый покидает нас.

665. “Молитесь, чтобы не впасть в искушение”. Искушение чревато опасностью, а впадают в него люди из-за, того, что не молятся. *Et tu conversus confirma fratres tuos*³. Но до этого *conversus Jesus respexit Petrum*⁴. Апостол Петр испрашивает дозволения ударить Малха и ударяет его, не дожидаясь ответа Иисуса Христа, так что Иисус Христос отвечает ему, когда удар уже нанесен.

666. Праведникам, будут неведомы их добродетели, а грешникам — их великие злодеяния: “Господи! когда мы видели Тебя алчущим и не накормили? или жаждущим...” и т. д.

1 “Праведный да творит правду еще” (лат.).

2 Бог сокровенный (лат.).

3 И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих (лат.).

4 Господь, обратившись, взглянул на Петра (лат.).

Благодать и закон: праведник

667. Закон обязывал к тому, чего он не давал. Благодать дает то, к чему она обязывает.

668. Рим. III, 27: “Где же то, чем бы хвалиться? уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры”. Значит, вера не в нашей власти, как в нашей власти дела закона, и дается она нам совсем иным путем.

669. Закон Господень не уничтожил естества, но многому его научил; милость Господня не уничтожила закон, но преподала ему, как быть милостивым. Вера, воспринятая при крещении, — животворящий источник для христиан и обращенных в христианство.

670. Иоанн VIII: *Multi crediderunt in eum. Dicebat ergo Jesus: “Si manseritis... VERE mei discipuli eritis, et VERITAS LIBERABIT VOS”*. Respondent: “Semen Abrahae sumus, et nemini servimus unquam”¹.

Велико различие между учениками и учениками истинными. Это различие станет явным, если в ответ на слова, что истина сделает их свободными, они скажут, будто и сейчас свободны и только от их собственной воли зависит, быть или не быть рабами дьявола: такой ответ означает — они ученики, но не истинные ученики.

671. ...Не творить добрых дел — значит лишить себя Духа Святого, творить злые дела — значит быть отброшенным, отвергнутым Духом Святым, и тогда человек раскаивается, скорбя душой.

Праведный в самомалейших поступках своих движим верой: распекая слуг, он хочет, чтобы эти люди прониклись Духом Божиим, просит Господа исправить их и надеется на помощь Его не меньше, чем на свои увещания, и молит благословить назидательные речи,

1 Многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус: “Если вы пребудете... то вы истинно ученики Мои и истина сделает вас свободными”. Ему отвечали: “Мы семя Авраамово и не были рабами никому” (лат.).

им произносимые. И ведет себя так, за что бы ни взялся.

672. Авраам ничего не взял для себя, взял только долю, принадлежащую слугам его; вот так праведный не берет для себя никаких благ мирских, никаких рукоплесканий, берет лишь для вожделений своих, с которыми обходится как истинный хозяин, одному говоря “Пойди!”, другому — “Приди!” *Sub te erit appetitus tuus*¹. И подчиненные эти страсти становятся добродетелями: жадность, зависть, гневливость именуется их своими, и они поистине добродетели — снисходительность, сострадание, постоянство, — хотя тоже страсти. Надобно, чтобы они служили человеку, как рабы, надобно, не отказывая им в пище, душою эту пищу не воспринимать, ибо, когда страсти становятся хозяевами, они превращаются в пороки и напитывают душу своею собственною пищею, и душа воспринимает эту пищу и отравляется.

673. Философы освятили пороки, приписав их даже самому Господу Богу; христиане освятили добродетели.

674. Господня благодать всегда пребудет в этом мире, равно как всегда пребудет в нем естество, так что она в каком-то смысле естественна. Точно так же всегда будут существовать и пелагиане, и католики и всегда будет идти борьба, потому что первое рождение сотворило одних, а благодать второго, рождения сотворила других.

6. Нравственность

675. Суть христианской веры — Иисус Христос и Адам, суть нравственности — вожделение и милосердие.

676. В мире не существует вероучения, более подобающего человеку, нежели христианство, потому что оно открывает ему глаза на его двойную способность и обретать, и утрачивать благодать Господню из-за двойной

¹ Ты господствуй над вожделением твоим (лат.).

опасности, которой он всечасно подвергается, — опасности впасть в отчаянье или поддаться гордыне.

677. Горестное наше ничтожество преисполняет нас отчаяньем, гордыня преисполняет самомнением. Вочеловечение Сына Божия открывает людям глаза на все их безмерное ничтожество всем безмерным величием этой целительной жертвы.

678. Иисус Христос — Бог, к которому приближаются, не испытывая гордыни, пред которым унижаются, не испытывая отчаянья.

679. Уничуждение, не отнимающее способности творить добро, святость, не вовсе очищенная от порока.,

680. Некий мой знакомец сказал мне однажды, что, возвращаясь с исповеди, был полон великой радости и уверенности. А другой сказал, что по-прежнему испытывал страх. Я же подумал, что из этих двоих получился бы один истинно достойный христианин и что каждому из них недостает чувств, присущих другому. Случаи нередкий при самых различных обстоятельствах.

681. На свете существует лишь два рода людей: праведники, считающие себя грешниками, и все остальные, то есть грешники, считающие себя праведниками.

682. Мы в долгу перед любым человеком, который говорит нам о каких-то наших недостатках, ибо он унижает нас, открывая глаза на то, каким презрением мы окружены. От презрения он, разумеется, нас не спасает, слишком много у нас всяческих недостатков, зато готовит к делу самоочищения, к попыткам исправить хотя бы один-единственный недостаток.

683. В Священном Писании есть и места, дарующие утешение людям всех сословий, и места, вселяющие страх в людей всех сословий.

Природа словно бы свершает то же самое с помощью двух своих бесконечностей — природной и нравственной, потому что всегда будет существовать верх и низ, люди более

способные и менее способные, высокопоставленные и обездоленные, дабы принизить нашу гордыню и возвысить нашу униженность.

684. Удивительное вероучение — христианство. Оно предписывает человеку считать себя существом гнусным, даже омерзительным, и оно же предписывает вынашивать желание стать подобным Богу. Когда бы эти предписания не уравнивали друг друга, подобное самовозвышение сделало бы человека нестерпимо тщеславным, а такое самоуничижение — невыносимо жалким.

685. До чего же чужда гордыне вера христианина в то, что он причащается Богу! До чего же чуждо низменности убеждение христианина, что он подобен земляному червю!

С достойной безропотностью встречает он жизнь и смерть, блага и злосчастье.

686. В чем различие между неукоснительной послушливостью солдата и монаха-картезианца? Ибо они оба равно послушны приказам, равно зависимы, их жизнь равно наполнена тягостными трудами. Но солдат всегда надеется стать командующим и никогда им не становится, потому что и капитаны, и даже особы царственной крови всегда рабы, всегда зависимы. Тем не менее солдат продолжает надеяться и добиваться своей цели, тогда как монах с самого начала дает обет всегда пребывать в повиновении. Следовательно, не отличаясь друг от друга в вечно подчиненном своем положении, они отличаются тем, что один всегда питает надежду, а другой никогда ее не питает.

687. Христиане всегда исполнены надежды на то, что им дано бесконечное благо, но в этой надежде рядом с живейшей радостью живет страх, ибо она ни в чем не сходствует с надеждой жаждущего обрести царство земное: даже и обретя его, человек все равно остается подданным и, значит, чаянья его не сбываются; а вот христианин жаждет обрести святость, жаждет истребить в себе нечестивость, и хоть малая доля его чаяний сбывается.

688. Только истинный христианин по-настоящему счастлив, разумен, добродетелен, достоин любви.

689. Иисус Христос всего-навсего открыл людям глаза на то, что они — себялюбцы, рабы, слепцы, что они немощны, несчастны и порочны; что Его назначение — освободить их, просветить, очистить, исцелить; что свершится это, лишь если они возненавидят себя, последуют за Ним по пути самоуничижения и примут смерть на кресте.

690. Если бы Иисус Христос не сошел к людям, они погрязли бы в пороках и горестном ничтожестве своего бытия. Причастившись Иисусу Христу, они избавляются и от этих пороков, и от этого горестного своего ничтожества. В Нем одном — вся наша добродетель, высшее наше счастье. Без Него — только пороки, ничтожество, заблуждения, мрак, смерть, отчаянье.

691. Причина следствий. — Эпиктет. Те, что говорят: “У вас болит голова”, — но ведь это совсем другое дело. Люди отлично знают, что такое здоровье, но никто не знает, что такое справедливость; вот и Эпиктетово определение справедливости — сплошная глупость. Меж тем он твердо верил в убедительность своих доводов, когда говорил: “Либо это в нашей власти, либо нет”. Он не понимал, что мы не в силах совладать с собственным сердцем, и делал ошибочные выводы из того, что знал о христианах.

692. Когда Эпиктет явственно различил путь, он сказал людям: “Вы идете ложной дорогой”; он показывает, что есть другой путь, но не ведет по нему. Идти по правому пути — это значит желать того, что желает Господь, и ведет по этому пути только Иисус Христос: *Via, veritas*¹.

Те же пороки, что у Зенона.

693. Хорошо утомиться и прийти в уныние от бесплодных попыток обрести истинное благо, чтобы воздеть тогда руки к Спасителю.

694. *Communiutes cor*² (святой Павел) — вот истинная суть христианской натуры. “Ты Альбой вознесен, тебя не знаю я” (Корнель) — вот суть

¹ Путь, истина (лат.).

² Сокрушенное сердце (лат.).

бесчеловечной натуры. Истинная человечность ей противоположна.

695. Только христианская вера сотворяет людей, преисполненных благоволения и при этом счастливых. Люди просто порядочные не способны одновременно благоволить к другим и быть счастливыми.

696. “Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская”. *Libido senticendi, libido sciendi, libido dominandi*⁵.

Несчастлива преданная проклятью земля, которую эти три огненные реки не орошают, а воспаляют! Счастливы те, кто, попав в них, не затянуты на дно, не увлечены стремниной, но недвижны на их поверхности и не стоят, а сидят, укрепившись на том клочке твердой почвы, на той опоре, с которой они встанут, лишь когда засияет свет, когда, отдохнув в покое, смогут протянуть руку тому, кто поможет им встать на ноги, дабы, прямые и неколебимые, стояли они под сенью врат священного Иерусалима, где гордыне уже не под силу победить их и повергнуть в прах; да, счастливы они, хотя все равно продолжают рыдать, но не потому, что видят, как, увлекаемое потоком, уплывает вдаль все брренное, а потому что вспоминают о возлюбленной своей отчизне, о небесном Иерусалиме, о котором ни на минуту не забывали во время столь долгого своего изгнания.

697. Текут реки вавилонские, и низвергаются, и увлекают за собой. О священный Сион, где все незыблемо и ничто не ведает низвержений!

Надобно сидеть на этих реках, не на дне, не среди вод, но на самой поверхности; не стоять, а сидеть, чтобы вот так, сидя, проникнуться смирением, ничего не опасаясь, ибо мы сидим на поверхности вод. Но под сенью врат Иерусалима мы будем стоять.

Вдумайтесь, незыблемо или быстротечно то, чем вы сейчас наслаждаетесь: если преходяще, это река вавилонская.

¹ Похоть чувств, похоть знания, похоть господства (лат.).

698. Похоть плоти, похоть очей, гордыня и т. д. — Людские свойства относятся к одному из трех видов: свойства плоти, свойства разума, свойства воли. В богачах, в монархах преобладает плоть: их цели ограничены областью плотского. Жаждающие знаний и ученые: их цели лежат в области разума. Мудрецы: их цель — справедливость.

Над всем должен властвовать Бог, и все должно соотноситься с Ним. Где главенствует плоть, там превыше всего похоть; где главенствует разум, там превыше всего любопытство; где главенствует мудрость, там превыше всего гордыня. Это не значит, что обладание богатством или знаниями не порождает гордыни, но главенствующей она не становится: признавая человека многознающим, мы вместе с тем вполне можем убедить его, что он не вправе этим гордиться. А вот над мудростью гордыня всевластна: ведь, признав человека мудрецом, уже невозможно убеждать его, что он не вправе быть высокого мнения о себе, ибо подобное мнение — лишь дань справедливости. Одарить мудростью может лишь Господь, поэтому и сказано: *Qui gloriatur in domino gloriatur*¹.

7. Внутренний распорядок вселенской справедливости

Самоотречение

699. “Доведись мне воочию увидеть чудо, — говорят они, — вот тогда я проникся бы настоящей верой”. Но откуда у них такая уверенность, что в неведомых им обстоятельствах они поведут себя именно так, а не иначе? Они воображают, будто обращение в веру ограничивается поклонением Богу — и, подобно некоей коммерческой сделке, договором с Ним. Меж тем истинное обращение к вере — это полное самоуничижение

¹ Хвалящийся, хвались Господом (лат.).

перед Единым и Вездесущим, которого мы столько раз гневили, при том, что Он правомочен в любую минуту предать нас гибели; это признание, что без поддержки Господа мы беспомощны, а заслуживаем лишь Его немилости: это постижение такого неодолимого людского противостояния Господу, что без Посредника пути к Нему нам заказаны.

700. Из всех вероисповеданий только христианство учит людей ненависти к самим себе. Поэтому из всех вероучений только христианство может прийтись по душе тем, кто ненавидит себя и занят поисками Высшего Существа, истинно достойного любви. И если бы эти люди внезапно узнали о неведомой им прежде вере, почитающей уничиженного Бога, они немедленно стали бы ее последователями.

701. Стоит нам захотеть всеми мыслями устремиться к Богу, разве нечто в глубине нашей души не пытается сразу отвлечь нас, не искушает посторонними мыслями? Это нечто и очень дурное, и нам соприродное.

702. Наше своеволие таково, что, имея оно власть исполнять любую свою прихоть, ему и этого будет мало. Но стоит от него избавиться — и мы полны довольства. Смирненному всегда всего вдоволь, своевольному всегда всего мало.

703. Убеждение, будто мы достойны любви наших ближних, ошибочно, желание внушать им любовь к нам несправедливо. Рождайся мы на свет разумными и нелицеприятными, понимай мы и себя, и других, у нас хватило бы сил воспретить нашей воле подобную склонность. Но мы с нею рождаемся, то есть с самого рождения несправедливы, потому что каждый радуется лишь о себе. Это противно разумному порядку вещей, радеть должно обо всех и обо всем, ибо в себялюбии заложено начало всех беспорядков — в делах военных и в делах управления государством, в хозяйстве целой страны и в жизни отдельного человека. Стало быть, наша воля порочна. Члены природных и гражданских сообществ должны радеть о благе своих сообществ, а эти сообщества — о благе еще более крупного сообщества, в которое они все входят. Следовательно, радеть должно обо всем и обо всех. Следовательно, мы с рождения несправедливы и порочны.

Ни одно вероисповедание, кроме христианского, не втолковывает людям, что они рождаются во грехе, ни одно философское учение не говорит об этом. Следовательно, ни одно из них не открывает нам истины.

Ни одна секта, ни одно вероучение, кроме христианского, не существовали на земле испокон веков.

Мыслящие члены

704. Попробуйте представить себе некое тело, обладающее множеством мыслящих членов.

705. Члены. Начать с этого. — Чтобы должным образом управлять любовью, которую мы не можем не питать к себе, вообразим некое тело, обладающее множеством мыслящих членов, ибо мы — члены всего сущего, и подумаем, какой любовью подобает каждому члену любить себя и т.д.

706. Когда бы у ног и рук была собственная воля, они, чтобы не отпасть от тела, которому принадлежат, должны были бы подчинить ее первичной воле, управляющей всем телом. В противном случае они обрекут себя на полный хаос и несчастье, а желая блага только всему телу, тем самым благодетельствуют и себя.

707. Любить должно только Бога, ненавидеть — только самих себя.

Если бы нога пребывала в полном неведении о своей принадлежности всему телу и зависимости от него, если бы знала и любила только себя, а потом вдруг узнала, что принадлежит некоему телу и зависит от него, какие на нее нахлынули бы сожаления, какой стыд за прожитую жизнь, за свою бесполезность тому самому телу, которое влиvalo в нее жизнь и превратило бы в ничто, отбросив, отделив от себя, как она отделила себя от него! С каким жаром молила бы не отказываться от нее и с какой покорностью исполняла бы нога волю, повелевающую телом, вплоть до согласия быть отрезанной от него, если

так надлежит, если иначе она утратит право считаться его членом, ибо всякому члену должно с готовностью идти на гибель ради того единого, которое заключает в себе все сущее.

708. Чтобы члены единого целого чувствовали себя счастливыми, они должны обладать волей и при этом всегда подчиняться воле целого.

709. **Нравственность.** — Господь сотворил небо и землю, но они не способны чувствовать радость своего бытия, и тогда Он пожелал сотворить существа, которые знали бы эту радость и могли бы составить единое тело из множества мыслящих членов. Ибо наши собственные члены лишены этой способности радоваться своему единению, своей удивительной понятливости и тому усердию, с каким природа выпестовала в них разумение, дала им возможность расти и длиться. Как они были бы счастливы, когда бы чувствовали, когда бы видели это! Но для того, чтобы равно чувствовать и видеть, им потребны были бы понимание воли мировой души и собственная добрая воля ей подчиниться. Дабы эта способность понимать подсказала бы им, что если, получив пищу, они свою понятливость употребят на сохранение оной пищи лишь для самих себя, не делаясь ею с другими членами, то не только выставят напоказ всем свою несправедливость, но, более того, станут глубоко несчастными, а их любовь к себе превратится в ненависть, ибо и блаженство, и долг каждого члена — полностью довериться в выборе пути мировой Душе, которая любит их всех, ей принадлежащих, больше, нежели они любят самих себя.

710. Быть членом какого-нибудь тела значит жить, осуществлять себя, двигаться благодаря духу всего этого тела и ради него.

Член, отделенный от тела, которому принадлежит, его уже не видящий, обречен на гибель, уже умирает. А меж тем он мнит себя единым целым и, не видя тела, от которого зависит, мнит, будто зависит лишь от самого себя, хочет стать средоточием, стать в свою очередь телом. Но, не обладая жизненным началом, сразу сбивается с толку и тщетно силится вникнуть в собственную свою неопределенную суть, ибо чувствует, что не является телом, но не способен отнестись к себе как к простому члену некоего тела. Наконец, познав себя, он словно возвращается домой и теперь питает любовь к себе лишь из-за своей принадлежности к оному телу. И скорбит о былом заблуждении.

По самой своей природе он способен любить что-то лишь ради себя и ради того, чтобы подчинить себе этот предмет любви, ибо каждая особь в этом мире любит себя больше всего на свете. Любя тело, отдельный член тоже любит самого себя, потому что существует лишь в связи с ним, благодаря ему и ради него; *Qui adhaerent Deo unus spiritus est*¹.

Тело любит руку, а вот рука, обладай она собственной волей, должна бы любить себя такой любовью, какой ее любит душа. Любовь, престающая эту грань, несправедлива. *Adhaerens Deo unus spiritus est*. Каждый человек любит себя, потому что принадлежит Иисусу Христу. Люди любят Иисуса Христа, потому что Он — тело, а каждый из них — член, Иисусу Христу принадлежащий. Все едино, все пребывает одно в другом, как три Ипостаси Господа Бога.

711. Г-н де Кондран: невозможно сравнивать, говорит он, единство святых и единство Пресвятой Троицы. Иисус Христос говорил как раз обратное.

712. Итак, единственной истинной добродетелью следует считать ненависть к себе (ибо человеческое “я” похотливостью своей только ненависти к себе и заслуживает) и поиски Существа, которое мы любили бы, потому что Оно подлинно достойно любви. Но так как мы не способны любить что-либо вне нас самих, обратим свою

¹ Соединяющийся с Господом есть один дух (лат.).

любовь на Существо, которое, не будучи нами, тем не менее живет во всех и в каждом из нас без единого исключения. Но в мироздании есть лишь одно столь всеобъемлющее Существо. Царство Божие — внутри нас, всеобъемлющее благо — внутри нас; оно одновременно и мы сами, и не мы.

Любовь к Господу Богу

713. Два закона, правящие Республикой христиан, наделены большей властью, нежели все политические законы, вместе взятые.

714. Примеры самоотверженной смерти лакедемонян ли, других ли исторических лиц нас не трогают. Потому что нам-то какое до них дело? А вот примеры смерти христианских мучеников живо затрагивают, потому что все мы “один для другого члены”. Мы связаны с ними прочными узами: их решимость, быть может, укрепила нашу собственную, и не только тем, что подала пример, но и тем, что показала, как мы им обязаны. Ничего подобного мы не испытываем, когда дело касается язычников: никакой связи с ними у нас нет; мы чувствуем себя богатыми, лишь когда видим, как богатеют наши отцы или мужья, а не какие-нибудь чужаки.

8. Пути к спасению

Истина и милосердие

715. Понимание смысла слов “добро” и “зло”.

716. Если ужасно ослепление того, кто живет, не пытаюсь понять, что он такое, то совсем уж чудовищно ослепление того, кто верит в Бога, а живет во власти зла.

717. Опыт учит нас пониманию неизмеримого различия между набожностью и добротой.

718. Первая ступень: стяжать хвалу за добрые деяния и хулу — за дурные. Вторая ступень: не стяжать ни хвалы, ни хулы.

719. Мирские деяния. — Всего опаснее те деяния, которые равно угодны и Богу, и людям, потому что в душевном складе того или иного человека Богу угодно одно, а людям — совсем другое; взять, к примеру, величие святой Терезы: Богу угодна великая смиренность ее откровений, людям — ее великая прозорливость. Поэтому иные из кожи вон лезут, стараясь подражать ей в своих речениях, и думают, что тем самым уподобляются ей складом души, хотя следовало бы прежде всего возлюбить любезное Богу и таким путем обрести любезный Богу склад души.

Лучше не соблюдать поста и покаяться в этом, нежели соблюдать и возвысить себя за это. Фарисей, мытарь.

Какая мне польза от соблюдения поста, если оно может в равной мере и навредить мне, и сослужить службу, если все зависит от благословения Божьего, а Он благословляет лишь то, что вершится во Имя Его, по закону Его и путем, Им предначертанным, если как мы делаем не менее важно, чем что мы делаем, — возможно, даже важнее, ибо Господь властен из самого дурного извлечь доброе, а люди, не получив от Него помощи, извлекают дурное из самого доброго?

720. Условия, которые, согласно мирскому суду, особенно облегчают жизнь, особенно затрудняют ее, согласно суду Господню, и, напротив того, если, согласно мирскому суду, нет ничего труднее, нежели жизнь церковнослужителя, то, согласно суду Господню, жить такой жизнью особенно легко. Согласно мирскому суду, всего легче жить тому, кто занимает высокий пост и владеет немалым имуществом; всего труднее жить подобной жизнью, согласно Господнему суду, не обольщаясь ею и не питая к ней пристрастия.

721. Бог христиан — это Бог, который ниспосылает душе понимание, что Он — единственное ее благо, что в Нем одном может она обрести покой, что только любовь к Нему дарует ей подлинную радость и, одновременно с этим пониманием, рождает глубочайшее отвращение ко всем препонам, встающим на пути и мешающим целиком отдаться любви к Богу: себялюбие и похоть — вот эти препоны, и душе ненавистны их попытки ее остановить. Потому что Господь ниспослал ей понимание, что внедренное в ее глубь себялюбие губительно и спасти от него может один лишь Он.

722. Fascinacio¹. Somnum suum². Figura hujus mundi³. Inimici Dei terram lingvent⁴. “Враги Его лижут прах” — то есть любят земные улады.

В Ветхом Завете содержались образы блаженной радости, в Новом Завете речь идет о способах ею исполниться. Образы означают радость, способы — покаяние; тем не менее пасхальный агнец был съеден, уснащенный горькими травами, cum amaritudinibus.

Singularis sum ego donee transeam⁵. До кончины Иисуса Христа почти не было мучеников.

Евхаристия. Comedes panem tuum⁶.

Евхаристия. Panem nostrum⁷ -

723. Это правда, что, преисполняясь благочестия, мы впадаем в тоску. Но корень этой тоски не в благочестии, нами завладевающим, а во все еще властной нечестивости. Когда бы наши чувства не сопротивлялись покаянию, а испорченность нашей натуры не противилась чистоте Господней, никакой тоски мы не испытывали бы. Но чем больше сопротивляется наша земная порочность неземной благодати, тем нестерпимее мы страдаем. Середе рвется на части под напором противоборствующих сил, но было бы великой несправедливостью винить в подобной внут-

¹ Волнение (лат.).

² Сном своим (лат.).

³ Образ мира сего (лат.).

⁴ Враги Господа будут лизать прах (лат.).

⁵ Один я перейду (лат.).

⁶ Будешь есть хлеб твой (лат.).

⁷ Хлеб наш (лат.).

ренней смуте Господа, влекущего нас к Себе, вместо того чтобы всю вину возложить на мирскую жизнь, не отпускающую нас от себя. Так ребенок, когда мать силится вырвать его из рук похитителей, должен любить, невзирая на боль, рожденное любовью и законное насилие той, что жаждет вернуть ему свободу, равно как должен ненавидеть безжалостное, тираническое насилие тех, что, нарушая все законы, стараются его удержать. Вот если бы Господь отказался бы воевать с людьми в этой брэнной их жизни, тогда и впрямь можно было бы сказать, что Он объявил им беспощадную войну. “Не мир пришел Я принести, но меч”, и оружием в этой войне будут огонь и меч: “Огонь пришел Я низвести на землю”.

До Его пришествия люди прозябали в этом несправедливом покое.

724. Из всех таинств только о покаянии было возведено иудеям святым Иоанном Крестителем, а уж потом — о других таинствах, в знак того, что каждый человек и весь мир должны соблюдать этот порядок,

725. Против тех, кто живет в беспечности, полагаясь на милосердие Господне, и не творит добрых дел. — Чтобы исцелить нас от гордыни и лености — двух истоков всех людских прегрешений, — Господь открыл нам два присущих Ему свойства: милосердие и справедливость. Справедливость всегда и неуклонно сокрушает гордыню, какими бы святыми делами та ни занималась — et pop intres in iudicium¹ и т.д., — милосердие всегда и неуклонно сокрушает леность, понуждая к свершению добрых дел; об этом прямо сказано в Послании к римлянам: “...благость Божия ведет тебя к покаянию” (II, 4) и в обращении пророка Ионы к ниневетянам с призывом покаяться: “Кто знает, может быть, еще Бог умилился и отвратит от нас пылающий гнев Свой”, Так что милосердие отнюдь не узаконивает жизнь спустя рукава, напротив того, оно открыто ее разит, поэтому

¹ И не входи в суд (лат.).

не следует говорить: “Если бы Господь не был так милосерден, сколько сил пришлось бы растрчивать во имя добродетели!” — нет, говорить нужно как раз обратное: именно потому, что Господь так милосерден, нам не должно щадить своих сил.

726. Единственная наука, идущая вразрез со здравым смыслом и человеческим естеством, — это как раз и есть та единственная наука, которая всегда существовала в людском сообществе.

727. Единственное вероисповедание, идущее вразрез с естеством, со здравым смыслом, с нашими удовольствиями, — это как раз то самое единственное вероисповедание, которое всегда существовало.

9. Иисус Христос

728. Тщетны и совершенно бесполезны попытки познать Бога вне Иисуса Христа. Они не удалились, а приблизились, они не принизили себя, а...

*Quo quisque optimus, eo pessimus, si hoc ipsum, quod sit est, adscribat sibi*¹.

729. Без Иисуса Христа мы не могли бы познать не только Бога, без Него мы не познали бы даже самих себя. Через Иисуса Христа мы познаем и жизнь, и смерть. Вне Его мы не способны познать, ни что такое жизнь, ни что такое наша смерть, ни Господа Бога, ни даже самих себя.

Поэтому без помощи Священного Писания, которое только о Иисусе Христе и вещает, мы ничего не способны познать и, когда пытаемся понять суть Бога, равно как нашу собственную суть, ничего не видим, кроме мрака и хаоса.

730. Познание Бога через познание Иисуса Христа. — Познать Бога мы можем толь-

¹ Чем любой человек лучше, тем он хуже, если самому себе то, чем он хорош, приписывает (лат.).

ко через Иисуса Христа. Без этого Посредника приобщение к Господу для нас невозможно, через Иисуса Христа мы познаем Господа. Притязавшие на познание Бога и пытавшиеся доказать Его бытие, обходя при этом молчанием Иисуса Христа, никаких убедительных доказательств привести не могли. А вот доказывая бытие Иисуса Христа, мы можем сослаться на пророчества — доказательства весомые, неопровержимые. И так как эти пророчества сбылись, истина, в них заключенная, подтверждена событиями, то не уверовать в них невозможно и, следовательно, невозможно не уверовать в Божественность Иисуса Христа. В Нем и через Него мы познаем Бога. Вне этого — то есть если мы отринем Евангелие, и существование первородного греха, и столь необходимого нам Посредника, обещанного и явленного, — нам не дано обрести Бога, распространить благое вероучение, преподавать благую нравственность. А с Иисусом Христом и через Иисуса Христа мы способны доказать бытие Божие, способны наставить нравственности и вере. Из этого следует, что Иисус Христос — истинный Бог рода человеческого.

Но одновременно мы познаем и горестное наше ничтожество, ибо Иисус Христос и есть Врачеватель этой горестности, людской участи. Итак, нам дано познать Бога, только если мы познаем собственную неправедность. А те, что познали Бога, но не познали своего ничточества, возвеличивают не Его, а лишь самих себя. *Quia non cognovit per sapientiam placuit Deo per stultitiam praedicationis salvos facere*¹.

731. Видеть Иисуса Христа воплощенным в любом человеке и в нас самих: Иисус Христос — как Отец в лице Своего Отца, как брат в лице братьев, как бедняк в лице бедняков, Иисус Христос как богатей в лице

¹ Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу иррациональностью проповеди спасти верующих (лат.).

богатеев, как врач в лице врачей, как священнослужитель в лице священнослужителей, как владыка среди властителей и т. д. Ибо во славе Своей, будучи Богом, Он воплощает в Себе все самое великое, а в смертной Своей жизни — все самое слабосильное и уничиженное. Ради этого Он и принял скорбный Свой удел — дабы потом Он мог существовать в любом человеке, стать образом для людей всех сословий.

732. (Я люблю всех людей как братьев моих, потому что все они искуплены Иисусом Христом.) Я люблю бедность, потому что ее любил Он. Я люблю земные блага, потому что они дают возможность помогать обездоленным Я неукоснительно храню верность. Не

плачу злом причинившим мне зло, но желаю им расположения духа, подобного моему, когда и добро, и зло, исходящие от людей, равно безразличны. Я стараюсь быть всегда и со всеми справедливым, правдивым, искренним, верным и питаю нежность к тем, кого Господь соединил со мною более тесными узами; и в одиночестве ли, на виду ли у людей, все мои деяния на виду у Господа, и Он их судит, и все эти деяния посвящены Ему.

Вот какие чувства владеют мною, и я денно и ночью благословляю моего Искупителя, который вложил их в меня, исполненного слабостей, ничтожества, похоти, гордыни, честолюбия, и силой Своей благодати превратил в человека, чуждого названным порокам, и за это вся слава и хвала Ему одному, ибо сам я — не более нежели вместилище горестного ничтожества и заблуждений.

733. Dignior p̄jagis quam osculis, non times quia amo¹.

734. Мне кажется, что после Своего воскресения Иисус Христос позволяет нам прикасаться лишь к Своим ранам: Noli me tangere². Нам должно причащаться лишь Его страданиям.

¹ Более достойный палочных ударов, нежели поцелуев, я не испытываю страха, ибо полон любви (лат.).

² Не прикасайся ко Мне (лат.).

Будучи смертным, Он позволил приобщиться Себе тем, кто был с Ним во время Тайной Вечери, воскреснув — тем ученикам, что шли в Еммаус, вознесшись на небеса — всей христианской Церкви.

735. Иисус Христос во гробе Своем. — Иисус Христос умер, но все видели Его распятым на кресте.

Он мертв и сокрыт во гробе.

Во гроб полагали Иисуса Христа одни только святые мужи.

Во гробе Своем Иисус Христос не сотворял никаких чудес.

Вошли во гроб к Иисусу Христу только святые мужи.

Только там, во гробе, а не на кресте, воскресает Иисус Христос для новой жизни.

Это последнее таинство Страстей Господних и Искупления.

Иисус Христос лишь во гробе обрел место, где в земной юдоли мог приклонить голову.

Его враги прекратили травлю, только когда Он упокоился во гробе.

Таинство Иисуса Христа

736. Таинство Иисуса Христа. — Иисус Христос терпит Страстные муки, причиненные Ему людьми; но в смертный Свой час Он терпит муки, на которые Сам обрек Себя: turbare semitipsum¹. Причинить такие страдания не под силу руке человеческой, их способна причинить лишь рука всемогущая, и лишь Всемогущему под силу эти страдания вытерпеть.

Иисус ищет хоть малого утешения у троих любимейших Своих друзей, но они спят; Он просит их бодрствовать вместе с Ним, но они с бездумной небрежностью

¹ Воскорбеть Самому (лат.).

оставляют Его в одиночестве, ибо столь мало сострадают Ему, что и минуты не желают больше бодрствовать. И вот Иисус остается один на один с гневом Господним.

Иисус одиноко бодрствует на этой земле, которая не только не понимает и не делит Его скорби, но даже не знает о ней: все ведают лишь небеса и Он Сам.

Иисус в саду, но не в тех райских кущах, где праотец Адам обрек гибели и себя, и весь род людской, а в саду горчайших страданий, где Он спас и Себя, и весь род людской.

Он терпит муку Свою и покинутость Свою в наводящей ужас ночи.

Мне кажется, это первый и единственный раз, когда Иисус посетовал на Свою судьбу, но случилось так потому, что скорбь Его перелилась через край: “Душа Моя скорбит смертельно”.

Иисус ищет близости людей, ищет в ней облегчения. Это, кажется, единственный раз за всю Его жизнь. Но ищет Он тщетно, — Его ученики спят.

Иисус будет терпеть муку до скончания света. Все это время не должно спать.

Иисус, всеми покинутый, даже учениками, избранными, дабы бодрствовать вместе с Ним, увидев их спящими, преисполняется гнева из-за опасности, которой они подвергают, но не Его, а себя, и напоминает им о собственном спасении, их собственном благе и, движимый сердечной нежностью к ним, невзирая на их неблагодарность, предупреждает о том, что дух бодр, а плоть немощна.

Иисус видит, что они снова спят, ничуть не озабоченные ни Его судьбой, ни своей собственной, но, движимый великой добротой, на этот раз не будит, не нарушает покоя учеников.

Иисус возносит молитву Отцу, ибо не уверен в Его воле и страшится смерти, но идет ей навстречу, когда эту волю познает: *Eamus. Processit*¹.

¹ Встань. Ходи (лат.).

Иисус просил людей, но они остались глухи.

Иисус, пока ученики Его спят, печется о спасении их душ. Он спасает душу каждого праведника, пока тот спит, спасает ее, еще не рожденную, пребывающую в небытии, и уже рожденную в греховный мир.

Он лишь один-единственный раз молит о том, чтобы чаша сия Его миновала, но сохраняя при этом великую покорность, и дважды повторяет: “Да будет воля Твоя”.

Иисус скорбит.

Иисус видит, что все Его друзья спят, а все враги бодрствуют, и безраздельно отдается в руки Отца Своего.

Иисус видит в Иуде не врага, а исполнителя воли Господа, к которому Он преисполнен любви, и так мало в Нем враждебных чувств, что Он именует Иуду другом.

Иисус отрывает сердце Свое от учеников Своих, дабы предать Себя смертным мукам; нам должно отрывать сердца свои от самых близких и дорогих, дабы следовать Его примеру.

Иисус претерпевает смертельную скорбь и тягчайшие муки: будем же длить и длить наши молитвы.

Мы просим Господа милосердно снизойти к нашим молитвам не для того, чтобы Он попустительствовал нашим порокам, а для того, чтобы избавил от них.

Если наших наставников даровал нам Сам Господь, с каким великим рвением должны мы им повиноваться! Тут необходимость и случайные обстоятельства связаны неразрывной связью.

Утешься! Ты не искал бы Меня, когда бы уже не обрел.

В смертельной Моей скорби Я думал о тебе, истекал кровавым потом ради тебя.

Гадать, сможешь ли ты сотворить нечто еще не существующее, значит не столько испытывать себя, сколько искушать Меня: будучи Един с тобою, Я сотворю все, для чего пришла пора.

Покорно следуй Моим велениям, помни, каким благим путем вел Я Пречистую Деву и всех святых, вверивших себя воле Моей.

Отец Мой благосклонен ко всему, Мною свершаемому.

Разве ты хочешь, чтобы Я вековечно проливал кровь, текущую в Моей вочеловечившейся плоти, а ты при этом не пролил ни единой слезинки?

Твое обращение — не твоя, а Моя забота; откинь страх, исполнись доверия, словно молишься за Меня.

Вот Я пред тобою в Слове Моем, хранимом Священным Писанием, в Святом Духе Моем, хранимом Церковью, и в наитиях, в могуществе Моем, хранимом священнослужителями, в молитве Моей, хранимой верными Моими.

Врачи не исцеляют тебя, ибо ты умрешь, когда придет твой час. А Я исцелю и одарю твою плоть бессмертием.

Терпеливо сноси рабство и цепи, в которых держит тебя твоя плоть: сейчас Я освобождаю тебя лишь от рабства духовного.

Я больший тебе друг, нежели тот или этот имярек, ибо свершил ради тебя больше, нежели все они, и претерпел от тебя обиды, каких не стали бы терпеть они, и не умерли бы за тебя, как умер Я в пору твоего отступничества и твоей жестокости, и готов умереть вновь и вновь, и умираю в каждом избранном Моем и каждый раз, когда ты причащаешься Святых Тайн.

Если бы ты понял, какие грехи совершены тобою, сердце твое разорвалось бы.

Оно и разрывается, Господи, потому что если Ты говоришь, что они мерзостны, значит, поистине так и есть.

Нет, ибо Я, сказавший тебе о них, могу тебя исцелить, и слова Мои уже знак, что хочу твоего исцеления. И по мере того, как ты будешь искупать эти грехи, они начнут все больше открываться тебе, и тогда услышишь слова: “Вот они, грехи, которые сняты с тебя. Покайся же в потаенных своих грехах и в нечестивой зловредности грехов, тобою сознаваемых”.

Господи, всего Себя вручаю Тебе.

Я возлюбил тебя горячее, нежели ты — нечистоты свои, *ut immundus pra luto*¹.

Вся слава за это — Мне, а не тебе, червь и прах земной.

Поведай духовнику своему, что слова, изреченные Мною, порождают в тебе зло и тщеславие или пустое любопытство.

Я вижу всю бездну моей гордыни, и пустого любопытства, и похоти. Ничто не приобщает меня к Господу, ничто не приобщает к Праведному Иисусу Христу. Но во всех своих грехах я обвинил Его, на Него обрушились все удары ваших бичей. Он еще более затоптан в грязь, нежели я, но, вместо того чтобы отринуть меня, считает за честь любую мою попытку подойти и помочь Ему. Меж тем Он Сам исцелил Себя и тем паче исцелит меня. Мне должно язвы свои соединить с Его язвами и приобщиться Ему, и, спасая Себя, Он спасет и меня. Но не должно повторять все это в будущем.

*Eritis sicut dii scientes bonum et malum*².

Каждый творит из себя Бога, утверждая: “Вот это хорошо, а это плохо” и слишком огорчаясь или слишком радуясь всему происходящему.

Творить малые дела, словно великие, ибо величием облечен Иисус Христос, творящий их через нас и живущий в нас нашей жизнью; творить великие дела, словно малые и легкие, ибо Он облечен всемогуществом.

737. Сравнивай себя не с другими людьми, сравнивай себя только со Мною. Если не находишь Меня в том, с кем себя сравниваешь, значит, он — сквернавец. Если находишь — можешь сравнивать. Но кого ты

¹ Как сквернавец — свою грязь (*лат.*).

² Будете как боги, знающие добро и зло (*лат.*).

сравниваешь? Себя или Меня в тебе? Если себя — значит, сравниваешь сквернавца. Если Меня — ты сравниваешь Меня со Мною же. Ибо Я — Господь Бог во всем и всех.

Я часто говорю с тобой и подаю тебе советы, потому что твой Вожатый не может с тобой говорить, а Я не хочу оставить тебя без Вожатого. И может быть, Я говорю с тобой, вняв Его молитвам, и, значит, Он наставляет тебя, но ты об этом не ведаешь.

Ты не искал бы Меня, если бы уже не обрел. Так что не снедай себя тревогой.

Глава III. ЦЕРКОВЬ

1. Пути, которые привели к созданию христианской Церкви. Истинность поведенного в Евангелии. Апостолы

738. Либо апостолы были введены в обман, либо сами были обманщиками: и то и другое маловероятно, потому что кто же спутает живого человека с воскресшим мертвецом!

Иисус Христос поддерживал их, пока был с ними, но после случившегося зачем бы они стали так себя вести, если бы Он им не явился?

739. Доказательство бытия Иисуса Христа. — Предположение, что апостолы просто мошенники, — явная нелепица. Подумайте сами, попробуйте представить себе, что после смерти Иисуса Христа эти двенадцать человек, собравшись, сговариваются пустить слух, будто Он воскрес. Тем самым они бросают вызов могущественной власти предрассудков. Человеческое сердце на удивление беспечно и переменчиво, доверяет посулам, жаждет земных благ. Случись одному из двенадцати под влиянием этих свойств и, более того, под страхом тюрьмы, пыток, смерти сознаться в подобном сговоре, все двенадцать погибли бы. Вдумайтесь в это.

740. Несколько евангелистов во имя утверждения истины: их расхождения в подробностях идут на пользу.

741. Кто научил евангелистов пониманию всех свойств души, исполненной самого возвышенного героизма, души, которую они так возвышенно описали, говоря об Иисусе Христе? Почему при этом они показывают Его слабость в часы предсмертной скорби? Может быть, не умеют описать стойкое приятие смерти? Умеют: тот же святой Лука изобразил святого Стефана более твердым перед лицом смерти, нежели Иисуса Христа.

Да, они говорят о том, что Он испытывал страх до той минуты, когда смерть становится неизбежной, но после этого был непоколебимо тверд. И в их описаниях Иисус Христос лишь тогда полон страха, когда Сам наводит на Себя этот страх, но непоколебимо тверд, когда Его пытаются утратить люди.

742. Евангелие в любом смысле написано замечательно, в частности — полным отсутствием грозных выпадов против палачей и врагов Иисуса Христа. Ибо никто из евангелистов не приводит никаких красочных подробностей, которые свидетельствовали бы против Иуды, Пилата или кого-нибудь из иудеев.

Если бы в их сдержанности, одной из множества черт высочайшего благородства, была подчеркнутость, дабы отметить эту черту, привлечь к ней внимание — сделать это прямыми словами евангелисты не дерзали, — они, несомненно, обрели бы друзей, которые не преминули бы оценить подобное свойство. Но евангелисты ничего не подчеркивали, писали, не думая о себе, и эта их сдержанность прошла незамеченной. И мне даже кажется, что целый ряд особенностей евангелистов только здесь и отмечен, — лучшее свидетельство того, с каким холодным спокойствием вершился этот труд.

743. Ремесленник разглагольствует о богатстве, законник разглагольствует о войне, королевской власти и т. д.; ну, а богач правильно говорит о богатстве, король равнодушно говорит о щедром даре, только что им сделанном, Господь Бог правильно говорит о Господе.

744. Доказательства бытия Иисуса Христа. — Все великое, что было сказано Иисусом Христом, сказано Им так просто, словно Он заранее ничего не обдумывал, и вместе с тем так точно, что сразу становится ясно — Он обдумывал каждое слово. Можно ли не восхищаться подобной ясностью и подобным простодушием!

2. Пути, которые направляли христианскую веру

Чудеса и благодать, сверхъестественные основы сверхъестественного вероисповедания

745. Две основы, одна внутренняя, другая внешняя: благодать, чудо; и та и другая — не от мира сего.

746. Человек должен поверить всем своим существом, и душой, и телом, поэтому равно необходимы и чудеса, и благодать.

747. Чудеса, являя власть Господа над телами людей, тем самым утверждают Его власть над их сердцами.

748. Испокон века либо люди говорили об истинном Боге, либо истинный Бог говорил, обращаясь к людям.

749. Чудеса. — Как мне ненавистны люди, делающие вид, будто не верят в чудеса! Монтень в двух местах своей книги говорит о чудесах, как о них и подобает говорить. И если одно из этих высказываний весьма сдержанно, то во втором он не скрывает своей веры и насмехается над не верящими.

Так или иначе, окажись малoverы правы, у Церкви не было бы доказательств.

Особые черты чудес и вероучения в зависимости от времени и обстоятельств

750. Начало. — Чудеса отмечают особыми своими чертами вероучение, равно как вероучение отмечает чудеса.

Есть чудеса истинные, есть и лжечудеса. Чтобы их различить, необходим некий знак, в противном случае они были бы бесполезны. Меж тем чудеса отнюдь не бесполезны, более того, являют собой одну из основ вероучения. Но правило, помогающее распознать чудо, не должно сводить на нет того доказательства истины, которое дает нам истинное чудо, ибо истина и есть цель всех чудес.

Моисей дал два отличительных знака истинного чуда: в нем сбывается предсказанное (Второзаконие, XVIII), оно не ведет к идолопоклонству (Второзаконие, XIII), а Иисус Христос — один знак.

Если вероучение указывает правило чудесам, такие чудеса бесполезны для вероучения. Если чудеса указывают...

Возражение против единого правила. — Различие между временами. Одни правила для времен Моисея, другие — для нашего времени.

751. Велика разница между теми людьми, которые, не веруя в Иисуса Христа, прямо говорят об этом, и теми, которые, не веря, притворяются, будто веруют. Первые могут творить чудеса, для вторых это невозможно, потому что первые со всей очевидностью идут против истины, а вот про вторых этого не скажешь, а чудеса требуют очевидности.

752. В Ветхом Завете — когда вас отвращают от Бога; в Новом Завете — когда вас отвращают от Иисуса Христа: вот те указанные случаи, когда не следует верить чудесам; других исключений делать не следует.

Вытекает ли из этого, что они были вправе исключить всех являвшихся к ним пророков? Нет. Они согрешили бы, не отвергнув тех, кто прямо отрицал Господа, и согрешили бы, отвергнув тех, кто не отрицал.

Итак, прежде чем признать или не признать чудо, надобно или полностью покориться, или иметь очень уж веские основания усомниться в нем. Надобно уяснить себе, не заложено ли в нем отрицание Бога, или Иисуса Христа, или Церкви.

753. "...Когда не верите Мне, верьте делам Моим..." Он словно отсылает их к тому, что всего сильнее действует.

Сказано было иудеям, равно как христианам, что не всегда им должно верить пророкам. Тем не менее и фарисеи, и книжники поражены чудесами, которые Он творит,

и пытаются убедить всех, что это — лжечудеса, или порождены силою бесовскою: согласись эти люди, что чудеса, Им творимые, — от Бога, им пришлось бы признать и свое поражение.

Ну, а в наше время нам уже нет нужды утруждать себя, стараясь чудеса истинные отличить от лжечудес. Впрочем, труд этот невелик: чудеса, сотворенные теми, кто признает и Господа, и Иисуса Христа, не могут быть лжечудесами. *Nemo facit virtutem in nomine meo, et cito possit de me male equi*¹. Но нам заниматься этим уже нет надобности. Вот священная реликвия. Вот терний из венца Спасителя мира, неподвластный князю мира сего и творящий чудеса властной силой той крови, что обагрила Его и была пролита за всех нас. Вот этот Дом, избранный Самим Господом, дабы явить там Свое всевластие. Нет, чудеса творят не люди, наделенные некоей непонятной и сомнительной способностью, что и принуждает нас решать: истинные это чудеса или ложные, — их вершит Сам Господь. Чудо — орудие, сотворенное Страстной мукой Его единственного Сына, который, будучи одновременно во многих местах, избрал вот это для исцеления тех томящихся духом людей, которые толпами стекаются сюда со всех концов света.

754. Наш мир — чужбина для истины; никому не ведомая, блуждает она среди людей. Под легким покровом, накинутым на нее Самим Господом, истина — незнакомка для тех, кто глух к ее голосу. Кошунству ни в чем нет запрета, оно не щадит даже самых непререкаемых истин. Стоит выпустить в свет евангельские истины, как немедля следуют утверждения, им противоречащие, и любой вопрос так затемняется, что

¹ Никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня (*лат.*).

простому народу в нем уже никак не разобраться. Только и слышишь: “Почему мы должны верить вам больше, чем другим? Какими особыми доказательствами вы располагаете? И ваши доказательства, и наши — слова, слова, слова. А вот если бы вы умели творить чудеса, тогда дело другое”. Вероучение должно быть поддержано чудесами, это несомненная истина, ведь их поминают, чтобы кошунственное очернить вероучение. А если чудеса и впрямь свершаются, те же люди говорят, что сами по себе, без соответственного вероучения, они ничего не значат, и вот вам еще одна несомненная истина, с помощью которой кошунственно чернят чудеса.

Иисус Христос даровал зрение слепорожденному и свершил множество чудес в день субботний. И тем самым ослепил фарисеев, которые твердили, что о чудесах следует судить, исходя из вероучения: “Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; этого же не знаем, откуда Он”. Вот уж впрямь удивительно; вы не знаете, откуда Он, а меж тем Он творит такие чудеса!

Иисус Христос не выступал ни против Бога, ни против Моисея. Антихрист и лжепророки, предсказанные равно Ветхим и Новым Заветами, будут прямо выступать против Бога и против Иисуса Христа. Кто открыто выступает... Тому, кто скрывает свою вражду, Господь не позволит открыто творить чудеса. Во время публичных споров, где каждая сторона утверждает праведность своей веры в Господа Бога, в Иисуса Христа, в Церковь, лжехристианам никогда не удастся подтвердить свою правоту чудесами, истинным христианам никогда не будет в этих чудесах отказано. “Он одержим бесом... Другие говорили: ...может ли бес отверзать очи слепым?”

Доводы, которые Иисус Христос и апостолы черпали в Священном Писании, неубедительны, ибо сводятся к ссылке на предсказанное Моисеем грядущее пришествие некоего пророка, из чего никак не следует, что речь идет именно об Иисусе Христе, а ведь в этом и заключается суть вопроса. Указанные места из Священного Писания говорят о том, что доводы в пользу Иисуса Христа не противоречат Писанию, несовместимости тут нет, но прямой связи с Ним тоже нет. Однако, если нет противоречия, но есть свершение чудес, этого уже довольно.

Между Господом и людьми существует договор, что должно делать и что давать. *Venite*¹.

Quid debui?² “Рассудите Меня”, — говорит Господь в Книге пророка Исайи. Господь исполняет Свои обещания, и т. д.

Долг людей перед Господом — воспринять ниспосланное Им вероучение. Долг Господа перед людьми — не вводить их в заблуждение. Меж тем они были бы введены в заблуждение, если бы некие вершители чудес вздумали возвестить новую веру, не идущую вразрез со здравым смыслом, и если бы при этом Величайший Чудотворец заранее не предупредил всех, что верить оным чудодеям не следует. Точно так же люди были бы введены в заблуждение, случись в Церкви раскол и, скажем, ариане, утверждавшие, подобно католикам, что их учение основано на Священном Писании, способны были бы творить чудеса, католикам недоступные. Вздумай человек заявить, что ему известны все тайны Божества, а доказательством ему будет служить лишь его уверенность в собственной правоте, — такому человеку никто не поверит, более того, безбожники еще больше укрепятся в своем безбожии; но если, в знак приобщенности Богу, он начнет воскрешать мертвых, предсказывать будущее, переносить моря, исцелять недужных — тут уверует любой безбожник; ну, а что касается неверия фараона и фарисеев, оно — следствие небывалого очерствения сердец. Таким образом, все просто, когда чудеса выступают вкупе с вероучением, не внушающим никаких сомнений. Но когда чудеса

¹ Придите (лат.).

² Что надлежало бы? (лат.)

на стороне вероучения сомнительного, тут приходится выяснять, что же перевешивает — ясность или сомнительность. Иисус Христос был сомнителен.

Вариисус, лишенный зрения: сила Господня превосходит силу врагов Его.

Иудейские заклинатели, побежденные злым духом, который сказал: “Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?”

Чудеса существуют ради вероучения, отнюдь не вероучение ради чудес.

Если чудеса истинны, могут ли они служить подтверждением любого вероучения?

Нет, ибо так быть не может.

Si angelus...¹

Правило: Следует судить вероучение по чудесам, следует судить чудеса по вероучению. Все это истинно верно и одно другому не противоречит, ибо следует принимать во внимание различие времен.

Как вы довольны, что знаете общие правила! Вам кажется, что с их помощью удастся посеять сомнение, дабы все стало бесполезно! Вам не позволят это сделать, отец мой: истина едина и неколебима.

Человек, который скрывает свою приверженность лжевере и делает вид, будто исповедует истинную веру, будто во всем покорен Господу и Его Церкви, — такой человек, в силу обета. Господня, не может творить чудеса, с помощью которых рассчитывает незаметно утверждать помянутую весьма хитроумную лжеверу; его расчеты обречены на неудачу. Господь, видящий насквозь людские сердца, не станет творить чудеса ради подобного человека.

755. Чудо. — Это следствие, наделенное силой, во много раз превышающее силу породивших его естественных причин; лжечудо — это следствие, силой своей не превышающее силу породивших его естественных причин. Поэтому люди, исцеляющие с помощью нечистой

¹ Если бы ангел... (лат.)

силы, отнюдь не сотворяют чудеса, так как подобное исцеление вполне по силам, естественно присущим дьяволу.

756. Испокон века чудеса всегда подтверждали бытие Божие, равно как истинность Его Церкви, и никогда не подтверждали противоположного.

757. Если бы дьявол благоприятствовал учению, его истребляющему, он, как сказал Иисус Христос, разделится бы сам в себе. Если бы Господь Бог благоприятствовал учению, истребляющему Церковь, Он разделится бы Сам в Себе: Omne regnum divisum¹.

Ибо Иисус Христос боролся с дьяволом и уничтожал его власть над сердцами — изгнание нечистого духа есть образное воплощение этого, — дабы утвердить Царство Божие. И Он говорит: “In digko Dei... regnum Dei ad vos”².

758. “Испытывать” и “вводить в заблуждение” далеко не одно и то же. Господь испытывает, но никогда не вводит в заблуждение. Испытывать — значит создавать обстоятельства, которые ни к чему не понуждают, но дают возможность людям, не исполненным любовью к Господу, совершать определенного рода поступки. Вводить в заблуждение — значит понуждать людей сделать неверный вывод и пойти по ложному пути.

759. Не существуй на свете лжечудес, родилась бы уверенность. Не существуй на свете никакого правила, позволяющего отличать чудеса истинные от ложных, они вообще стали бы бесполезны, исчезло бы основание для веры в них. Меж тем у человека, с его человеческой точки зрения, нет уверенности в существовании чудес, но у него есть основание верить в них.

760. Основания для неверия. — Иоанн XII, 37. — Cum autem tanta signa fecisset, non credebant in eum, ut sermo Isaiae im preletur: “Excaecavit”, и т. д.

¹ Всякое царство, разделившееся... (лат.)

² “Перстом Божиим... достигло вас царство Божие” (лат.).

Haec dixit Isaia, quando vidit gloriam meus et locutus est de eo¹.

Judaei signa petunt et Graeci sapientiam quaerunt, vos autem Jesum смсцШхит. Sed plenum signis, sed plenum sapientia; vos autem Christum non crucifixum et religionem sine miraculis et sine sapientia².

Люди потому не верят истинным чудесам, что нет к ним благоволения. Иоанн: “Sed vos non creditis, quia non estis ovibus”³.

Люди потому верят лжечудесам, что нет к ним благоволения. 2 Фесе, II.

Основа вероисповедания. Эта основа — чудеса. А почему бы и нет? Разве Господь Бог отрицает чудеса, отрицает основу веры в Него?

Если Бог существует, земной мир должен переполниться веры в Него. Так вот, чудеса, сотворенные Иисусом Христом, не были предсказаны Антихристом, а вот чудеса Антихриста были предсказаны Иисусом Христом; итак, если Иисус Христос не был Мессией, Он всех ввел в заблуждение, меж тем как Антихрист ввести в заблуждение не может. Когда Иисус Христос предсказал чудеса Антихриста, разве Он считал, что одновременно разрушает веру в чудеса, творимые Им Самим?

Моисей предсказал пришествие Иисуса Христа и повелел слушать Его; Иисус Христос предсказал Антихриста и воспретил верить ему.

Во времена Моисея невозможна была вера в Антихриста, потому что люди еще не ведали о нем, а вот

¹ Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не верили в Него. Да сбудется слово Исаяи-пророка: “...ослепил” и т. д. Это сказал Исаяя, когда видел славу Его и говорил о Нем (лат.).

² Иудеи требуют чудес, и еллины ищут мудрости, а мы проповедуем Христа распятого. Но полным-полно чудес, но полным-полно мудрости. Вы же требуете нераспятого Христа и вероучения, не ведающего ни чудес, ни мудрости (лат.).

³ “Вы не верите, ибо вы не из овец Моих” (лат.).

во времена Антихриста было проще простого уверовать в Иисуса Христа, ибо Он был уже ведом людям.

Нет таких оснований для веры в Антихриста, каких не было бы для веры в Иисуса Христа, но есть такие основания для веры в Иисуса Христа, каких нет для веры в Антихриста.

761. Господь либо стер в прах лжечудеса, либо предсказал их; свершив это, Он возвысился над явлениями, с нашей человеческой точки зрения, сверхъестественными и тем самым возвысился над ними и нас.

762. Чудеса потребны не для того, чтобы обратить в праведную веру, а для того, чтобы осудить за неправедную.

763. Авраам, Гедеон: знамения сверх откровения. Иудеи слепо судили о чудесах, исходя из Священного Писания. Господь никогда не оставляет тех, кто истинно Ему поклоняется.

Я хочу во всем следовать одному только Иисусу Христу, потому что за Него говорят чудеса, пророчества, вероучение, непрерывность и т. д.

Донатисты: никаких чудес, побуждающих утверждать, что они — от нечистой силы. Чем больше частных свойств приписывают Господу, Иисусу Христу, Церкви...

764. Люди, всем сердцем любящие Господа, не могут не признавать Церкви, настолько все в ней говорит само за себя. — Люди, не любящие Господа, не могут быть привержены Церкви.

Чудеса обладают такой силой, что Господь предостерег людей, да не усомнятся в его бытии: пусть яснее ясного, что в мире есть Бог, — оные чудеса могут смутить людские умы. Таким образом, эти речения — Второзаконие, XIII — не только не отрицают влияния чудес на человека, но, напротив того, подчеркивают их силу. То же самое относится и к Антихристу: "...чтобы прельстить, если возможно, и избранных".

765. Сказано было: "Будьте послушны Церкви", но не сказано: "Будьте послушны чудесам", потому что вера в чудеса, в отличие от веры в Церковь, сама собой разумеется. В одном случае предписание необходимо, в другом оно не нужно.

766. Чудеса как отличительный знак в сомнительных случаях: например, когда речь идет о иудеях и язычниках, иудеях и христианах, католиках и еретиках, об оклеветанных и клеветниках, о двух крестах.

Но для еретика чудеса бесполезны, ибо Церковь, по праву, подтвержденному чудесами, которые не вызывали сомнения, отрицает истинность веры оных еретиков. И это бесспорная правда, поскольку чудеса, первоначально сотворенные Церковью, и чудеса еретиков действительно несовместны. Таким образом, чудеса противостоят чудесам, но те, что творила Церковь, имеют преимущество и по времени, и по особому своему величию.

767. Никогда Церковь не давала своего благословения чуду, сотворенному еретиками.

Чудеса — опора вероучения: способность творить их отличала иудеев, отличала христиан, святых, безгрешных, истинно верующих.

Не нужно бояться чуда, сотворенного еретиками: ересь, более очевидная, нежели чудо, с очевидностью являет глубокую свою ошибочность. Но если никакой ереси нет, есть просто сомнение, кто прав, а кто заблуждается, то последнее слово за чудом.

"Si non fecissem quae alius fecit"¹.

Эти жалкие люди, из-за которых мы вынуждены говорить о чудесах.

Авраам, Гедеон: подтвердить веру чудесами.

Юдифь. Угнетение достигло предела, и вот тогда раздался глас Господень. Если оскудение милосердия лишает Церковь почти всех истинно поклоняющихся, то чудеса привлекают их толпы. Это — одно из величайших проявлений Господней благодати.

¹ "Если бы Я не сотворил дел, каких никто другой не делал" (лат.).

768. Первое возражение: Ангел с неба. Не должно судить истину, избрав ее мерилем чудес, но должно судить чудеса, избрав мерилем истину. Следовательно, чудеса бесполезны. — Их роль служебная, и ни в коем случае нельзя идти против истины. Итак, когда отец Ленжанд говорит, что "Господь не попустит с помощью чуда вводить людей в заблуждение..." — если в Церкви происходит раскол, — решающее слово за чудом.

Второе возражение: "Но и Антихрист будет являть знамения". — Маги фараона никого не ввели в заблуждение. Значит, никто не сможет сказать Иисусу Христу об Антихристе: "Ты ввел меня в заблуждение". Ибо чудеса Антихриста будут направлены против Иисуса Христа и, значит, никого не смогут ввести в заблуждение. Господь либо вообще сводит лжечудо на нет, либо противопоставляет ему еще большее чудо.

Иисус Христос существует с тех самых пор, как сотворен мир; против этого бессильны все чудеса Антихриста.

Если бы в лоне единой Церкви произошло чудо, говорящее в пользу тех, кто заблуждается, люди были бы введены в заблуждение. Ересь очевидна, чудо очевидно. Но у ереси больше примет заблуждения, нежели у чуда — примет истины: следовательно, чудо не может ввести в заблуждение. Но в других случаях заблуждение не столь очевидно, и, следовательно, чудо может ввести в заблуждение.

Ubi est Deus tuus?¹ Чудеса прямо указывают на Него, они — мгновенное озарение.

769. Если милосердие Господне столь велико, что, даже сокрытый, Он не устает поучать нас во благо нам, то каких потоков света должны мы ожидать, когда Он откроет Свой Лик!

770. Один из антифонов, исполняемых во время вечерни в праздники Рождества Христова: Exortum est in tenebris lumen rectis corde².

¹ Где Бог твой? (лат.)

² Во тьме восходит свет правым (лат.).

3. Непрерывность

Главенствующая истина

771. Две непостижимые для разума основы нашего непостижимого для разума вероучения: одна зримая, другая незримая. Чудеса, осененные благодатью, чудеса, не осененные благодатью.

Синагога, окруженная любовью, ибо она была образом Церкви, и ненавистью, потому что была только образом, уже стояла на краю гибели, но вновь обрела силы, ибо искала благоволения Господа; она — образ.

772. Синагога являла собой образ и поэтому не погибала; но, будучи только образом, она погибла. Этот образ содержал в себе истину; он погиб, как только ее утратил.

Почтеннейшие мои отцы, все происходившее являло собой образы. Другие вероисповедания погибают, христианское вероисповедание гибели не ведает.

Чудеса имеют куда большее значение, чем вы полагаете. Они сослужили немалую службу при основании Церкви и будут ей служить до явления Антихриста, до скончания веков.

Два Свидетеля.

И в Ветхом, и в Новом Заветах чудеса служат для скрепления образов. Спасение души — звук пустой, если не видеть в этом понятии требования подчинить себя бранным творениям: образ таинства.

773. Синагога не погибала, потому что она — образ; но, будучи только образом, оказалась в рабстве. Образ существовал до тех пор, пока не явилась истина, дабы Церковь всегда была зрима либо как живописное изображение, ее предсказующее, либо как свершение.

774. Непрерывность. — В Мессию веровали испокон века. Завещанное Адамом еще не потускнело в памяти Ноя и Моисея, потом Мессию предсказывали Пророки наряду со многими другими событиями, и события эти, то одно, то другое, сбывались, происходили на виду у многих людей, знаменуя тем самым истинность подобных прозрений, и, следовательно, обещанного пришествия Мессии. Иисус Христос творил чудеса, творили чудеса и апостолы, обратившие в истинную веру всех язычников; так что все пророчества сбылись и, значит, пришествие Мессии неопровержимо доказано.

775. Непрерывность. — Подумайте над тем, что ожидание Мессии или поклонение Ему испокон века неизменно существовало в нашем мире; что жили некогда люди, которым, по их утверждениям, Господь открыл будущее рождение Искупителя, дабы Он одарил спасением Свой народ; что потом и Авраам поведал о ниспосланном ему

откровении — через своего еще не рожденного сына он станет предком Мессии; что Иаков заявил — от одного из двенадцати его чад родится Иуда; что Моисей и пророки предсказали потом и время, и все обстоятельства пришествия Мессии; что закон, в котором все они живут сейчас, будет действовать, пока Мессия не заменит этот старый закон Своим новым; что если прежний существовал непрерывно, то новый будет существовать вечно; что, следовательно, их закон или закон Мессии, чьим обетованием он являлся, пребудет бессменно в земной юдоли; что они вечно в ней пребывали; что, наконец, свершилось пришествие Иисуса Христа, и свершилось оно именно так, как было предсказано. И это поразительно.

776. **Непрерывность.** — Вероучение, суть которого в утверждении, что человек утратил райское блаженство и приобщенность к Господу Богу и ныне обречен на жизнь, исполненную скорбен, на покаяние и отлученность от Бога, но что она прейдет, и грядущий Мессия возвратит нам все утраченное, — это вероисповедание всегда существовало на земле. Все в мире преходяще, оно одно вековечно, ибо все зиждется на нем.

В раннюю пору своего бытия люди погрязли во множестве пороков, но и тогда уже были святые мужи — Енох, Ламех и другие, — терпеливо ожидавшие пришествия Христа, обещанного с самого начала бытия. Ной видел, что наполнилась земля злодеяниями людей, и, обрета благодать перед очами Господа, спас земной мир от истребления, потому что был исполнен веры в пришествие Мессии, чей прообраз он воплощал. Авраам жил окруженный идолопоклонниками, и, когда Господь открыл ему таинство Мессии, он возрадовался. Во времена Исаака и Иакова нечестие царило на всей земле, но эти святые мужи хранили веру; Иаков, на смертном одре благословляя сынов своих, прервал обращенную к ним речь и воскликнул, движимый душевным порывом: “На помощь твою надеюсь. Господи! *Salutare tuum expectabo, Domine!*” Египтяне были зачумлены верой в идолов и волшеб: их примеру поддался даже народ Господень, но Моисей и другие с ним продолжали веровать в Того, Кто был незрим, и поклонялись Ему за те вековые дары, которые Он для них уготовил.

В последующие века греки и римляне возвеличили лжебогов, поэты сложили сотни историй о них, философы разделились на тысячи разномастных сект, но во все времена продолжали существовать в Иудее те избранные, что предрекали пришествие Мессии, ведомого им, и только им.

И вот свершилось, наконец, время, и Он пришел, и хотя с тех пор произошло столько расколов и родилось столько ересей, столько держав пало и все так изменилось, эта Церковь, которая поклоняется Тому, Кто от века окружен поклонением, продолжала и продолжает неизменно существовать. И вот что поразительно, ни с чем не сравнимо, исполнено поистине Божественного величия: то самое вероучение, которое существовало испокон века, испокон века было гонимо. Сотни раз стояло оно на грани полного разгрома, но всякий раз Господь спасал его от врагов, нанося им удары неслыханной мощи. Можно ли не дивиться тому, что христианская Церковь все выдержала, не дрогнув, не склонившись перед своевољством тиранов? Ибо нет ничего необычного в том, что мирская держава продолжает существовать, даже если ей под давлением необходимости приходится поступаться законами, но что... (Посмотрите на круг в книге Монтеня.)

777. Любая держава погибла бы, если бы время от времени не отступала от собственных законов, склоняясь перед силой обстоятельств. А вот христианское вероучение никогда не соглашалось, не шло ни на какие уступки. Меж тем уберечь от сделок с обстоятельствами может лишь чудо. Нет ничего удивительного в том, что, спасая себя, держава отступает от собственных законов, но спасение это весьма относительное, мирская держава все равно обречена на гибель: ни одна не просуществовала и тысячи лет. А наше вероучение существовало всегда, и всегда неколебимо твердо держалось своего закона, и в этом поистине скрыт Божественный промысел.

История истины. Ереси. Единство противоположностей

778. Историю Церкви правильнее было бы назвать историей истины.

779. В каждом вероисповедании два рода приверженцев (см. “Непрерывность”): суеверие, похоть.

780. Велика разница между суеверием и благочестием. Доводить благочестие до суеверия значит губить его. Еретики ставят нам в упрек суеверную покорность: тем самым они доказывают, что суеверны они, а не мы.

Безбожие — не верить в Евхаристию на том лишь основании, что она незрима.

Суеверие — верить, будто пять пунктов... Вера и т. д.

781. На свете мало истинных христиан, решусь сказать даже — мало верующих. Многие верят, но из суеверия, не верят тоже многие, но из распушенности нравов, а вот людей меж этих двух крайностей совсем мало.

Я не говорю здесь о тех, чьи нравы в согласии с истинным благочестием, и о тех, кто верит из сердечной потребности.

782. Ко множеству доказательств их благочестия теперь присоединилось еще одно, самое неопровержимое: они подвергаются гонениям.

783. Какая это улада — плыть по разбушевавшемуся морю, если при этом вы уверены, что ваш корабль не пойдет ко дну! Похожее чувство рождает в нас преследования, которым в наши дни подвергается Церковь.

784. Ну не прекрасно ли такое положение Церкви, когда единственная ее опора — Господь Бог!

785. Каноны. — В начале существования нашей Церкви еретики сослужили ей службу, укрепив ее каноны.

786. Ясность, затемненность. — Истина была бы слишком затемнена, если бы ее не отмечали некие зримые опознавательные знаки. Один из самых замечательных знаков — ее неизменное и зримое присутствие в Церкви, в сердцах сплотившихся там людей. Истина была бы слишком ясна, если бы этой Церковью всегда владело единственное чувство. То, которое пребывало в ней всегда, — истинно, ибо все истинное в ней — вечно, а все ложное — преходяще.

787. Господь (и апостолы), предвидя, что семена гордыни прорастут ересями, и не желая потворствовать этому прямыми словами, уснастили Священное Писание (и церковные молитвы) словами противоположного смысла, посеяли семена, которые со временем должны были принести плоды.

Точно так же, вещая о нравственности, Он указал людям на благотворение, чьи плоды исцеляют от похоти.

788. Церковь всегда подвергалась нападкам самых несхожих меж собой ошибочных воззрений, но, пожалуй, никогда эти последние не были так многочисленны, как в наше время. И хотя ей приходится очень нелегко из-за их столь великого множества, но есть в этом и преимущество: она сразу уничтожает все без исключений.

Церковь сетует на заблуждение двух категорий, в особенности — на кальвинизм, так как это заблуждение переросло в ересь. Несомненно, что среди отпавших от Церкви немало людей просто-напросто обманутых; их нужно переубедить. Вероучение состоит из нескольких истин, на первый взгляд друг другу противоречащих. “Время плакать и время смеяться” и т. д. Responde¹. Ne respondeas² и т. д. Их исток — в Иисусе Христе, сочетающем в Себе две сути.

И точно так же два мира. Сотворение нового неба и новой земли. Новая жизнь, новая смерть. Все сущее — в двойном числе, а наименования не меняются.

И наконец, два человека в каждом праведнике. Ибо каждый из них являет собой два мира, и один из них — член и образ Иисуса Христа. И значит, им подходит любое имя — праведный грешник, живой мертвец, мертвоживущий, отверженный избранный и т. д.

Итак, существует множество истин, и вероисповеданий, и нравственных правил, которые кажутся исполненными скверны, но продолжают существовать в образцовом порядке.

(Источник всех ересей — в неспособности постичь существование двух прямо противоположных истин и поверить в то, что они и впрямь так несочетаемы.) Источник всех ересей — в зачеркивании тех или иных истин.

А источник всех возражений, которые мы слышим от еретиков, — их незнание некоторых истин, служащих им опорой.

Как правило, все дело в том, что, неспособные понять связь двух противоречащих друг другу истин и убежденные, что вера в одну из них исключает веру в другую, они прилепляются к одной и исключают другую; при этом у них нет ни малейших сомнений, что мы делаем как раз обратный выбор. Меж тем в этом исключении

¹ Отвечай (*лат.*).

² Не отвечай (*лат.*).

одной из истин как раз и кроется причина их ереси, а в неведении, что мы привержены обоим истинам, — причина их возражений.

Первый пример: Иисус Христос — и Бог, и человек. Ариане, не способные постичь, как могут слиться воедино столь несочетаемые сути, утверждают, что Он — человек; в этом вопросе они — правоверные католики. Но ариане отрицают, что Иисус Христос — Бог, в этом вопросе они — еретики. К тому же они твердят, будто мы отрицаем Его человеческую суть: в этом вопросе они — невежды.

Второй пример: о причащении Святых Тайн. Мы верим, что материальное вещество хлеба, утратив свою материальную вещественность, превращается в тело Господа Нашего, что Иисус Христос в нем действительно присутствует. Это одна из двух истин. Вторая гласит, что Святое Причащение — образ Креста и Славы Господней, запечатленная память о них. Католическая вера объемлет обе эти истины, как будто противоречащие одна другой.

Нынешняя ересь (Лютер) не способна уразуметь, что таинство это одновременно заключает в себе и присутствие Иисуса Христа, и образ Его присутствия, жертву и запечатленную память о ней; впадшие в оную ересь убеждены, что приятие одной из названных двух истин уже подразумевает отрицание другой.

Когда впадшие в указанную ересь твердят, что Причащение Телу Господню — действие образное, в их утверждении нет ничего еретического. Считая, что мы эту истину не признаем, они осыпают нас доводами, почерпнутыми в творениях Отцов Церкви, где толкуется образный смысл Причастия. Но воплощение тела Господня в хлебе Причастия они отрицают, тем самым впадая в ересь.

Третий пример: индульгенция.

Поэтому самый верный способ помешать возникновению ереси — учить всем истинам, самый быстрый способ справиться с ересью — громогласно эти истины возвещать. Ибо какие доводы смогут тогда привести еретики?

Чтобы уяснить себе, разделяет то или иное чувство один из отцов...

789. Заблуждения людей таят в себе такую опасность именно потому, что каждый из сторонников того или иного заблуждения следует лишь одной истине. Беда их не в том, что они следуют лжеистине, а в том, что следуют одной-единственной истине, забыв о другой.

790. Утверждать существование двух противоречащих друг другу истин особенно необходимо в такие времена, когда вас во всеуслышание упрекают в сокрытии одной из них. Поэтому не правы равно иезуиты и янсенисты, обходя этот вопрос молчанием; но янсенисты более виновны, так как иезуиты все же в какой-то мере признают существование подобных противоречащих друг другу истин.

791. Два противоречащих друг другу утверждения. С этого следует начать: в противном случае все становится непонятным и граничит с ересью. Более того, утвердив некую истину, следует напомнить об истине, ей противостоящей.

792. Гнусны те люди, которые познали истину, но стоят за нее лишь до тех пор, пока им это выгодно, а потом от нее отрекаются.

793. Истина в нынешние времена так замутнена, а ложь так прочно утвердилась, что только любовь к этой истине открывает путь к ее познанию.

794. Человек творит зло с особенным размахом и удовольствием, когда уверен, что поступает согласно велению совести.

795. Открывая людям глаза на истину, мы научаем их верить ей, но, открывая им глаза на несправедливость господ, мы ее не уничтожаем. Мы блюдем чистоту нашей совести, открывая людям глаза на неправду, но, открывая им глаза на несправедливость, отнюдь не блюдем полноту кошелька.

796. Те, кто любит Церковь, жалуются на порчу нравов; но при этом хотя бы законы остаются неизблемыми. А другие портят сами законы: образец испорчен.

797. Слуга не ведает замыслов хозяина, ибо ему велят сделать то-то и то-то без всяких объяснений — зачем; поэтому, раболепно исполняя приказ, он нередко портит весь замысел. Но Иисус Христос открыл нам Свой замысел, а вы сводите его на нет.

798. Им не дано обрести непрерывность, вот они и притязают на всеобщность, представляют всю Церковь порочной для того, чтобы самим прослыть святыми.

799. Церковь вотще ввела в употребление такие слова, как анафема, ересь и др.: их теперь пускают в ход против самой Церкви.

800. Еретики. — Иезекииль. Все язычники поносили Израиль, поносил его и пророк. И не было права у израильтян сказать ему: “Ты говоришь как язычник”, — ибо сила его в том и состояла, что это язычники говорили, как он.

801. Кто хочет, тот и становится священнослужителем, как во времена Иеровоама. Можно ли не ужасаться утверждениям, будто нынешнее устройство Церкви столь совершенно, что малейшая попытка что-то изменить в нем граничит с преступлением? В былые времена, когда оно и впрямь было превосходно, его меняли и никто никому не вменял это в грех, а сегодня и помыслить не смей о каких-либо переменах в ней, в такой, какой она стала! Некогда взяли да и упразднили обычай, согласно которому к посвящаемому в сан священнослужителя предъявляли такие требования, что почти никому не удавалось пройти этот иску́с, а нынче мы и посетовать не дерзаем на обычай, из-за которого у нас развелось столько недостойных священников!

802. ...И если, с одной стороны, несомненно, что иные беспутные священнослужители, равно как иные порочные казуисты, не входящие в церковную иерархию, погрязли в пороках, то, с другой стороны, не менее очевидно, что истинные церковные пастыри, эти истинные хранители Слова Божия, сохранили его во всей незапятнанности, отразив атаки тех, кто жаждет учинить над ним расправу. Так что правоверные христиане ни в коем случае не должны принимать гнилые плоды умствования из рук пришлых казуистов вместо целебных плодов вероучения, которыми одаряют отеческие руки их постоянных пастырей. И у безбожников и еретиков нет ни малейших оснований утверждать, будто некоторые изъяны в церковной жизни — это знаки пренебрежения Господа к Своей Церкви, ибо она занимает такое место в иерархическом ряду, что если исходить из нынешнего положения вещей, то станет яснее ясного: Он не только не отдал ее во власть пороков, но, напротив того, никогда еще так явственно от этих пороков не оборонял.

Ибо, если иные из людей, по глубочайшему внутреннему призванию сменивших мирские одежды на церковное облачение ради жизни более совершенной, нежели жизнь большинства христиан, если они и впали в заблуждение, внушающее ужас большинству христиан, если ныне они для нас все равно что некогда лжепророки для иудеев, — это их собственное, личное несчастье, поистине достойное сожаления, но не дающее никакого

основания считать, будто Господь перестал радовать о Своей Церкви, поскольку все это было так прямо предсказано, так давно возведены и подобные попытки, и люди, которые не преминут их предпринять, что любой просвещенный человек увидит тут знак Промысла Господня, а не отторженности от Него.

803. Нам потому трудно сравнивать события, которые происходят в нашей Церкви сейчас, с происходившими некогда, что мы привыкли взирать на святого Афанасия, святую Терезу и других святых так, словно все они были изначально окружены ореолом славы многих истекших лет и задолго до нас причислены к сонму богов. Так оно нам представляется сейчас, когда время все расставило по своим местам. Но в ту пору, когда этот великий святой подвергался преследованиям, он был просто человек по имени Афанасий, а святая Тереза была девушка как девушка. “Илия был человек подобный нам, — говорил святой Иаков, — и подвержен тем же страстям, что и мы”: этими словами он утверждает ложность бытующего среди нас убеждения, будто святые нам не пример для подражания, слишком велика разница между ними и любым обыкновенным христианином. “Так ведь они святые, — говорим мы, — куда нам до них!” А что происходило в действительности? Некий человек по имени Афанасий, ныне причисленный к лику святых, был при жизни обвинен в совершении нескольких преступлений; такой-то и такой-то собор выносит ему приговор за такое-то и такое-то преступление; с этим приговором согласны все епископы, потом соглашается с ним и сам Папа. А что говорили тем, кто с обвинениями не соглашался? Что они мутят воду, впадают в ересь.

Истовая вера, озарение. Христиан того времени можно разделить на четыре категории: истовая вера, никаких знаний; знания, никакой истовости; ни знаний, ни истовости; и то и другое. Первые три категории осуждают святого Афанасия; четвертая оправдывает его, и все ее члены прокляты Церковью и спасают Церковь.

804. Явись Блаженный Августин меж нас сегодня и пользуйся он не большим влиянием, нежели все его сторонники, ему ничего не удалось бы свершить. Господь бдит над Своей Церковью, Он во благовремение послал в мир Блаженного Августина, наделив его при этом немалым влиянием.

4. Непогрешимость Церкви. Папа и единство

805. Церковь всегда стояла на том, что истина неопровержима, ну а если ее опровергали, на этот случай существовал Папа или же существовала она, все та же Церковь.

806. Людям нужна некая незыблемая опора. Им нужна уверенность в том, что Папа непогрешим в вопросах веры, а ученые мужи — в вопросах нравственности, иначе почва начинает колебаться у них под ногами.

807. Господь не сотворяет чудес, направляя ежедневную жизнь Своей Церкви. Если бы из всего множества непогрешимым был один-единственный, это не могло бы не казаться странным, но, когда непогрешимо все объединенное множество, это кажется до того естественным, что тут Промысел Господа скрыт под оболочкой естества, как и во всех других Его деяниях.

808. О папах следует судить не по отдельным высказываниям отцов Церкви (как говорили греки на Соборе, правила важнейшие), а по деяниям Церкви и ее святых отцов, а также по канонам.

*Duo aut tres in unum*¹. Единичность и множественность. Впадают в заблуждение те, кто исключает одну из этих составляющих, — например, паписты, исключаящие множественность, или гугеноты, исключаящие единичность.

809. Церковь, Папа. Единичность, множественность. — Если рассматривать Церковь как некое единство, Папа, будучи ее главой, являет собою всеохватывающую целостность. Если рассматривать Церковь как множественность, Папа

не более чем ее часть. Отцы Церкви рассматривали ее то под одним углом зрения, то под другим и соответственно по-разному говорили о Папе (святой Киприан: *Sacerdos Dei*²). Но, утверждая одну из этих истин, они не зачеркивали другую. Множественность, не сводимая к единичному, — это беспорядок, единичное, не зависящее от множества, — тирания. Франция — чуть ли не единственная страна, где дозволено говорить, что Церковный Собор верховенствует над Папой.

¹ Двое или трое в одном (лат.).

² Первосвященник Господа (лат.).

810. Первенствует Папа. Кто, кроме него, известен всем поголовно? Кто, кроме него, признан всеми поголовно, ибо, владея главенствующей и всепроникающей ветвью, проникает он в любое сообщество? Как легко было бы превратить подобную власть в тиранию! Поэтому Иисус Христос и сказал им в поучение: *Vos autem non sic*¹.

811. Несправедливость. — Правосудие существует ради судимого, а не судящего. — Говорить об этом народу опасно. — Народ полон такой веры в вас, что ему ничуть не повредит, а вам может пойти на пользу. Так что пусть это будет известно всем и каждому. *Pasce oves meas*², а не *tuas*³. Пастбищем вы обязаны Мне.

812. Король распоряжается своей державой, Папа распоряжаться своей державой не может.

813. Разве позорит Папу утверждение, что глубокая просвещенность его — от Бога и многовекового обычая? И разве не позорила бы попытка отделить его от этого священного союза?

814. Доказывать истины христианской веры можно двумя способами: либо прибегая к доводам разума, либо к безусловному превосходству эти истины провозглашающего. Второй способ отбрасывают, в ход пускают только первый. Не говорят: “Верить должно потому, что так сказано в Священном Писании, а оно преисполнено Духом Божиим”; нет, утверждают, что верить должно по такому-то и такому-то разумному доводу; меж тем подобные доказательства мало чего стоят, ибо разум можно с легкостью; склонить в любую сторону.

815. Все существовавшие когда-либо вероучения и секты вожатым своим избирали здравый разум. Одним лишь христианам надлежит нравственные правила черпать не в самих себе, а следовать тем, что завещал некогда Иисус

¹ Вы не так (лат.).

² Паси овец Моих (лат.).

³ Твоих (лат.).

Христос, дабы уверовавшие в Него передали эти правила грядущим поколениям. Подобный труд утомляет сих почтенных пастырей. Они жаждут свободно следовать, подобно прочим народам, собственному своему воображению. И тщетно взываем мы к ним, как в стародавние времена взывали к иудеям пророки: “Идите в Церковь, узнайте, какие законы были ей завещаны ушедшими поколениями, и следуйте указанному пути!” Они отвечают, как встарь отвечали иудеи: “Мы не пойдем по этому пути, а последуем зову сердечных наших помыслов”.

816. Если бы Церковь поддалась заблуждению в древнюю пору своего бытия, она распалась бы. Другое дело, случись с нею это сегодня, когда ее поддерживают высокие правила нерушимо хранимой традиции, веры в ту стародавнюю Церковь; именно эта покорность и это соответствие первоначальным церковным установлениям, беря верх над всем, все приводят в порядок. Но та древняя Церковь не размышляла о Церкви будущей, не старалась представить ее себе, в отличие от нас, и размышляющих о Церкви прошлого, и стремящихся ее себе представить.

817. Церковь поучает людей, Господь ниспосылает им откровение, и всегда во имя истины. У Церкви лишь одно дело — внушить, что каждого из нас ждет или высшая благодать, или вечное проклятие. Ей дано обречь на проклятие, но не дано ниспослать откровение.

818. Господь не пожелал отпускать людям грехи, минуя Свою Церковь: проступок задевает и ее, так пусть она, по Его произволению, примет участие и в прощении; тем самым Он наделил Церковь властью подобно тому, как некогда короли наделяли властью парламенты. Но если она отпускает или не отпускает грехи без соизволения Господня, ее уже нельзя считать Церковью, опять-таки в этом она подобна парламенту: король может помиловать человека без утверждения парламента, а вот если парламент милует или отказывает в помиловании помимо или против воли короля, это уже не королевский парламент, а сообщество бунтовщиков.

819. Об исповеди и отпущении грехов тем, кто не проявляет раскаяния. — Господь взирает лишь на внутреннюю суть, а Церковь судит лишь по внешним проявлениям. Господь сразу отпускает грехи, если раскаяние полнит сердце грешника, а Церковь — если раскаяние полнит его дела. Господь воздвигнет Церковь столь непорочную, что внутренней, истинно духовной своей святостью она победит внутреннее нечестие премудрых гордецов и фарисеев, соберет под кровом своим людей, чьи нравы внешней своей непорочностью победят всю низменную безнравственность нечестивых. Если есть среди этих избранных лицемеры, чье притворство так искусно, что Церкви не распознать сей ядовитый обман, она их терпит в своем лоне затем, что, отвергнутые Богом, который распознает любую ложь, они приняты введенными в обман людьми. Следовательно, их поведение, по виду безупречное, никак не позорит Церковь, но вы тем не менее хотите, чтобы она не судила ни по внутреннему...

*К Богу следует идти дорогой, которую указывает Церковь. Кто не “за”,
тот “против”*

820. Против людей, которые искажают Священное Писание и похваляются, что нашли там места, якобы подтверждающие их заблуждения. — Из вечерней службы в Пасхальное воскресенье, молитва во здравие короля. Толкование слов: “Кто не со Мною, тот против Меня”. И в другом месте: “Кто не против вас, тот за вас”. Тому, кто утверждает: “Я ни „за”, ни „против””, следует ответить...

821. Summum jus, summe injuria¹.

Наилучший путь — это путь большинства, потому что оно очевидно и к тому же достаточно сильно, чтобы

¹ Высший закон — высшие беззакония (лат.).

подчинить себе; меж тем этой точки зрения придерживаются наименее проницательные.

Люди отдали бы силу в руки справедливости, будь у них такая возможность, но сила никому не позволяет прибрать себя к рукам, ибо она — свойство весьма ощутимое, в отличие от справедливости, свойства духовного, с которым каждый обходится по своему усмотрению; вот почему справедливость отдали в руки силе и все, чему и силу обстоятельств нельзя не подчиниться, стали именовать справедливым.

Отсюда и выражение “право сильной руки”, ибо у кого сильная рука, у того и право, иначе насилие и справедливое правосудие всегда стояли бы по разные стороны барьера (конец двенадцатого письма из “Писем к провинциалу”). Отсюда и несправедность Фронды, которая свою якобы правосудную справедливость противопоставляет силе. А вот в Церкви все обстоит по-другому: там правит истинная справедливость, там нет никакого насилия.

822. Как любая светская держава стремится к миру в своих пределах ради того, чтобы уберечь от враждебных посягательств блага своих подданных, так Церковь стремится к миру, чтобы уберечь от посягательств свое главное благо, бесценное свое сокровище — истину. И подобно той державе, которая, без всякого сопротивления впуская врагов в свои пределы, отдавая на разграбление добро подданных, только бы сохранить покой, тем самым искажает само понятие мира, ибо мир справедлив и полезен лишь до тех пор, пока он — защита нажитых людьми благ, и становится несправедливым и пагубным, когда отстраняется от защиты оных благ, тогда как война, способная их

уберечь, становится справедливой и необходимой, — так вот, когда враги веры нападают на истину, когда стараются вырвать ее из сердец, ею преисполненных, и внедрить в них заблуждение, должно ли Церкви, подобно упомянутой державе, стремиться к сохранению мира? Пойдет ли ей это на пользу или, напротив того, погубит? Окажется предательством? И разве не очевидно, что если нарушить мир там, где царит истина, — преступление, то не меньшее преступление — хранить мир там, где ее уничтожают? Итак, мир бывает справедливым или несправедливым в зависимости от времени. Уже было написано, что всему свое время: время миру и время войне; последнее слово тут принадлежит истине, решает она. Но не бывает времени истины и времени заблуждения, напротив того, уже было написано, что истина Господня вовек, и поэтому Иисус Христос, сказавший, что пришел дать мир, сказал также, что пришел принести меч. Но Он не сказал, что пришел принести истину и ложь. И значит, истина — и первое правило, и конечная цель всего сущего.

823. ...Величайшая из христианских истин — любовь к истице.

Заключение. Знак благоволения и таинство любви Господней

ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА

Возражение: христианство отнюдь не единственное вероисповедание в мире

824. О том, что христианство — не единственное вероисповедание в мире. — Как раз это обстоятельство и доказывает, что христианство — отнюдь не ложное, а, напротив того, именно оно есть истинное вероучение.

825. Заглавие: Почему люди готовы поверить любому лжецу, утверждающему, будто он своими глазами видел, как сотворяются чудеса, но не верят никому из утверждающих, будто они знают секрет, как сделать человека бессмертным или возвратить ему молодость. — Раздумывая над тем, почему люди с таким доверием относятся к такому множеству отпетых мошенников, выхваляющих свои снадобья, и, рискуя жизнью, полностью отдаются им в руки, я пришел к следующему выводу: причина этого доверия в том, что не все лекари обманщики, ибо им никто ни на грош бы не верил, когда бы среди уймы надувателей не было пусть немногих, но истинных чудодеев. Если бы ни от одного недуга не существовало спасительного средства, если бы все они были неисцелимы, никому в голову бы не пришло пичкать болящего какими-нибудь снадобьями, а тем паче — верить хвастунам, болтающим, будто у них есть в запасе всеисцеляющие лекарства: ведь не поверят же человеку, который вздумает утверждать, будто способен воспрепятствовать собственной смерти, ибо таких примеров отроду не бывало. Но так как существует сколько угодно снадобий впрямь целебных, и это не отрицают люди прославленные, то доверие всех прочих становится совсем уж безоглядным: раз некое средство в некоем случае оказалось целебным, значит, оно исцеляет всех и всегда. Потому что простой народ рассуждает обычно так; “Это, возможно, произойдет; значит, это произойдет непременно”; если данное явление нельзя отвергнуть целиком, потому что иные следствия этого явления не вызывают сомнений, то из-за неспособности отличить истинные следствия от кажущихся народ все без разбору считает истинными. Так, например, воздействию Луны приписывают самые немыслимые следствия на том лишь основании, что некоторые следствия доказаны — назовем хотя бы морские приливы.

То же самое относится к пророчествам, чудесам, вещим сновидениям, волшебству и пр., ибо никто не поверил бы тому, в чем никогда не содержалась хотя бы доля истины: таким образом, обилие лжечудес вовсе не означает, что истинных чудес нет и быть не может, напротив того, лжечудеса только потому и появились, что на свете всегда существовали чудеса истинные. Подобный метод рассуждения следует применять и в том случае, когда речь идет о вере: люди просто не могли бы напридумывать столько всевозможных лжеверований, когда бы не существовала одна-единственная истинная вера. На возражение, что, мол, и у дикарей существует своя вера, ответим: да, потому что они о многом наслышаны: вспомним хотя бы о всемирном потопе, обрезании, кресте святого Андрея и т. д.

Безумие Креста

826. “Я оставил семь тысяч мужей”.

Я люблю этих свято поклоняющихся Ему людей, неведомых миру, неведомых даже пророкам.

827. Вероучение, столь славное своими чудесами — святыми, чистыми, безупречными, — своими учеными и прославленными свидетелями, мучениками, царями (Давид) на троне, высокородными князьями — Исайя, — это вероисповедание, столь славное познаниями во многих науках, совершившее такие чудеса и проявившее такую мудрость, объявляет все это суетой сует и твердит, что нет у него ни мудрости, ни знамений свыше, ничего нет, кроме Креста и безумия.

Ибо те самые люди, отмеченные такими знаниями и такой мудростью, что завоевали полное ваше доверие, а затем подтвердили его всем образом своей жизни, неустанно повторяют вам, что ни знамения, ни мудрость не способны изменить нашей человеческой сути и что к познанию Господа и любви к Нему нас ведет лишь благое безумие Креста, не осененное ни мудростью, ни знамениями, меж тем как мудрость вкупе со знамениями, не осененная оной благостью, не приведет никуда. Итак, наше вероисповедание безумно, если иметь в виду причину, его породившую, и мудро, если иметь в виду мудрость, к которой оно готовит.

828. Наше вероисповедание в равной мере мудро и безумно: оно мудро, потому что никакое другое не сравнится с ним широтой познаний, никакое другое так не укоренено в чудесах, пророчествах и т. д., а безумно, потому что все это не составляет его сути. Всего этого довольно, чтобы осудить не принявших его, но не довольно, чтобы принявшие истинно уверовали: истинной верой одаряет только Крест: *ne evacuate sit crux*¹. И потому святой апостол Павел, постигший и премудрость слова, и премудрость знамений, сказал, что пришел не крестить, а благовествовать не в премудрости слова. Но кто приходит только крестить, может сказать о себе, что пришел в премудрости слова и знамений.

¹ Не упразднить Креста (лат.).

Категория плоти, категория разума, категория милосердия

829. Бесконечное расстояние, пролегающее между плотью и разумом, являет собой образ еще более бесконечной бесконечности, которая пролегает между разумом и милосердием, — ибо оно не от мира сего.

Весь блеск величия отнюдь не заманчив для людей, чья жизнь проходит в поисках разума.

Величие людей, исполненных разума, остается незримым для венценосцев, богачей, военачальников — для всех, кому ведомо только плотское величие.

Величие мудрости, лишь Господом ниспосылаемой, остается незримым и для людей плотских, и для наделенных разумом. Весь род людской делится на эти три несхожие меж собою категории.

У великих людей, осененных гением, своя Держава и свой блеск, свое величие, свои победы, ореол своей славы, и они думать не думают о плотском величии, с которым не имеют ничего общего. Не глазами дано их созерцать, а разумом: этого довольно.

У святых своя держава и свой блеск, свои победы, ореол своей славы, и они думать не думают о величии плоти или разума, с которыми не имеют ничего общего, ибо ни то ни другое не может что-либо прибавить или отнять. Их зрит Господь, их зрят ангелы, но они незримы для плотских глаз и для глаз любопытствующего разума; им довольно очей Господа!

Не достигни Архимед славы, он все равно был бы столь же почитаем. Он не усладил людские взоры зрелищем возглавляемых им сражений, но обогатил людской разум своими изобретениями. В каком блеске явился он этому разуму!

Иисус Христос, не обладавший земными благами и не сделавший никаких открытий в земных науках, окружен ореолом святости. Да, Он ничего не изобрел, да, Он не восседал на троне, но Он был исполнен смирения, терпелив, свят, свят, свят в очах Господа, грозен

для духов зла, безгрешен. Какой величавой торжественностью, каким беспримерным блеском окружено Его Пришествие для зрячих сердец, созерцающих Мудрость!

Ни к чему было бы Архимеду в книгах по геометрии разыгрывать из себя царственную особу, хотя в помянутой области он и впрямь был царем.

Ни к чему было бы Господу нашему Иисусу Христу, дабы воссиять в Своем царстве святости, пришествовать туда во всем величии царя, потому Он и пришествовал во всём ореоле Своей святости.

До чего же смехотворно негодовать на ничтожность положения Иисуса Христа, словно подобная ничтожность — той же категории, что и явленное Им величие! Стоит вдуматься в это величие, которым преисполнено все, — Его жизнь, Его Страстные муки, Его безвестность, Его смерть, избранничество Его учеников, Его покинутость ими, Его тайное Воскресение из мертвых, — стоит вдуматься — и столь великим предстанет это величие, что никому в голову не придет негодовать на оную никогда не существовавшую низменность.

Но иные люди способны восхищаться только плотским величием, как будто не существует величия разума, а другие — только величием разума, как будто не существует неизмеримо более высокого величия мудрости!

Все тела, вместе взятые, мироздание, звезды, земля с ее державами не стоят и самого посредственного разума, ибо он способен познать и все плотское, и самого себя, а плоть ничего не способна познать.

Все плотское, вместе взятое, и все разумное, вместе взятое, и все, что они порождают, не стоит самонаименованного порыва милосердия. Оно относится к совсем иному порядку явлений — к явлениям сверхъестественным.

Из всего плотского, вместе взятого, не выдавить ни единой самонаименованной мыслишки: это невозможно, они — явления разных категорий. Из всего плотского и всего разумного не извлечь ни единого порыва милосердия: это невозможно, милосердие — явление другой категории, оно сверхъестественно.

Жизнь сверхъестественная

830. При всем при том. Невозможно не признать, что в христианской вере есть нечто поразительное. “Вы потому так говорите, что воспитаны в ней!” — скажут мне. Как раз наоборот, именно поэтому я сопротивляюсь ей, что боюсь предвзятости; но пусть я и воспитан в этой вере, тем не менее не могу не видеть, до чего она поразительна.

831. Пророчества, даже чудеса и другие доказательства истинности нашего вероучения не таковы, чтобы считать их неоспоримыми. Но не относятся они и к числу тех, которым если и верят, то разве что недоумки.

Значит, в них ровно столько очевидного и неясного, чтобы одних просветить, а другим затемнить разум. И все же убедительность их такова, что берет верх над сомнительностью или, во всяком случае, равна ей; следовательно, у разума нет оснований отвергать христианство, а из этого, в свою очередь, следует, что отвергающими движет похоть и ввевшаяся в сердце порочность. Но так как доводов, опровергающих христианство, всегда больше, нежели доводов, подтверждающих его истинность, то невольно приходишь к заключению, что идущих по пути праведному ведет не разум, а Господня благодать, а отступающих от него гонит не разум, а похоть.

Vere discipuli, vere israelita, vere liberi, vere cibus¹.

832; Чья бы то ни было привязанность ко мне, пусть она идет от полноты сердечной и ничем не омрачена, все равно несправедлива. Я ввел бы в обман тех, в ком постарался бы зародить это чувство, потому что ни для кого не являю собой конечную цель существования и никого ничем не могу довольствовать. Разве я не стою на пороге смерти? Следовательно, предмет их привязанности умрет. И значит, точно так же,

¹ Истинные ученики, истинные израильтяне, истинно свободные, истинная пища (лат.).

как я был бы виноват, сознательно внушив людям веру в заведомую неправду, пусть даже весьма осторожно и к вящему удовольствию обеих сторон, я виноват, зародив в ком-то любовь ко мне; поэтому, если я стараюсь завоевать приязнь людей ко мне и они поддаются столь неправомерному чувству, мой долг — остеречь их, как я остерег бы, пренебрегая собственной выгодой, от любой неправды, ибо вся наша жизнь и все наши помыслы должны быть сосредоточены только на стремлении стать угодными Господу Богу или на поисках Его.

Она всем доступна

833. Все, что способны познать лишь просвещеннейшие умы, — все это христианское вероучение преподает своим чадам.

834. Другие вероучения — к примеру, язычество — более доступны пониманию простого народа потому, что сосредоточены на мире внешнем, но люди более просвещенные их не приемлют. Таким людям куда более под стать вероучения чисто умозрительные, которые простому народу совершенно чужды. Всем по росту одно только христианское вероучение, ибо сочетает в себе все, что касается и мира внешнего, и мира внутреннего. Оно возвышает простолюдинов до постижения внутреннего мира, оно низводит гордецов во внешний мир: именно это сочетание обоих миров и придает ему такое совершенство, ибо народу следует постигать разум, одухотворяющий букву, меж тем как разумникам следует подчинить свой разум букве.

835. Не удивляйтесь тому, что простые люди преисполнены нерассуждающей веры. Господь сподобил их любви к Нему и ненависти к самим себе. Он склоняет сердца этих людей к вере. Человек никогда не проникнется деятельной и неколебимой верой, если Господь не склонит его сердца, но, склоненный Им, сразу уверует. И это хорошо понимал царь Давид, когда говорил: “*Inclina cor meum, Deus, in [testimonia tua]*”¹.

836. Христианское вероучение доступно пониманию всех, кто хоть сколько-нибудь наделен разумом. Одни ограничиваются исполнением обрядов, но суть этой веры такова, что и обрядов довольно для постижения сокрытой в ней истины. Другим под силу чтение апостолов. Наиболее просвещенные постигают все вплоть до сотворения мира. Ангелы зрят еще многое другое и с большей высоты.

837. Если человек, никогда не читавший Ветхого и Нового Заветов, преисполнен веры, значит, есть в его душе святое расположение к ней и все, что он слышит о христианстве, находит в нем внутренний отклик. Такие люди жаждут любить только Бога, жаждут ненавидеть только самих себя. Они чувствуют, что у них не хватит для этого сил, что, предоставленные самим себе, не обрящут Бога, что так никогда и не причастятся Ему, если Он к ним не снизойдет. И они внемлют словам, сказанным в поучение всех христиан, что любить должно только Бога, а ненавидеть только самих себя, но что род человеческий погряз в грехах и потому не способен прийти к Богу, и тогда Сам Бог вочеловечился, дабы соединиться с нами. И этого довольно для убеждения людей, уже сердечно расположенных к вере, уже равно познавших и свой долг, и свою неспособность его исполнить.

838. Иные христиане, ничего не знающие ни о пророчествах, ни о других свидетельствах, тем не менее судят о нашей вере так же правильно, как те, кто этими знаниями обладает. Дело в том, что они судят сердцем, а все прочие судят умом. К вере их склонил Сам Господь, так что убеждения этих людей весьма основательны.

Я готов признать, что вот такой Христианин, исполненный веры, но не знающий никаких доказательств, вряд ли сможет наставить на путь истинный хотя бы одного иноверца, который тоже будет отстаивать свою правоту.

¹ “Приклони сердце мое, Господи, к [откровениям Твоим]” (лат.).

Но люди, искушенные во всех доказательствах, возразят, что христианин, о котором идет речь, причащен вере Самим Господом, хотя доказать это не способен. Ибо Господь сказал

в Своих пророчествах (а Его слова — истинно пророчества), что в царствие Иисуса Христа Он изольет Свой Дух на все народы и что сыны, дочери и малые дети Церкви начнут пророчествовать, из чего с неоспоримостью следует, что Дух Божий нисходит на тех, кто полон сердечной веры, и только на них.

839. Не ропщите на Господа за то, что Он так сокрыт от нас, но возблагодарите за то, что так нам явлен; и еще возблагодарите за то, что Он сокрыл Себя от исполненных гордыни мудрецов, недостойных познать Его высочайшую святость.

Познают Господа люди либо наделенные смиренным сердцем и, независимо от их ума, великого или малого, любящие все малое, либо люди, наделенные таким умом, что ясно видят, в чем истина, даже тогда, когда вовсе этого не желают.

Таинство любви Господней

840. Eorum qui amant¹.

Господь склоняет сердца тех, кого любит.

Deus inclinat corda eorum².

Тот, кто любит Его.

Тот, кого любит Он.

¹ Те, кто любит (лат.).

² Господь склоняет сердца их (лат.).